

Сдаю комнату

в коммунальной квартире

НАТА НИКОЛАЕВА

Место действия — провинциальный город на юге России, с обычным набором достопримечательностей: городской парк, собор, набережная, музей. Главная героиня — разведенная молодая женщина, пытающаяся решить свалившиеся на нее финансовые проблемы. Маша сдает одну из своих комнат в коммунальной квартире и по прирожденной невезучести влипает в неприятности. Новые квартиранты оказываются пришельцами из другого мира, разыскивающими принадлежащий им артефакт.

Глава 1

Что такое цепь неприятностей? Простой пример: вы отдергиваете штору, чтобы оценить погоду за окном и карниз вместе с занавесками падает вам на голову. Само собой, именно эти занавеси висели на массивном деревянном карнизе, доставшемся вам в наследство от прабабушки. Кое-как выпутавшись из штор и трясая ушибленной головой, выковыляете на кухню и обнаруживаете, что кофеварка сломалась. В довершение ко всему выясняется: то ли от грохота карниза, то ли от вида погоды за окном, собака уже пописала прямо в обувницу, решив не утруждать вас и себя дальними прогулками.

Если цепь неприятностей состоит из таких мелких бытовых звеньев, все еще можно уладить. Повесить на место карниз, сделать себе растворимый кофе и прополоскать обувь в душистом средстве для мытья посуды.

В моем случае дело обстояло гораздо хуже. Нет, карниз мне на голову не падал. Вчера утром я поставила чашку кофе рядом с ноутбуком и ткнула в кнопку включения, чтобы разложить пасьянс, который поможет мне проснуться. Охлаждающая подставка зашумела и смолкла, ноутбук моргнул экраном, но включаться не пожелал. Он уже пару дней вел себя странно — то перезагружался без видимых причин, то выключался и соглашался работать только после получасового отдыха. Надо было отдать его на профилактику, но отсутствие финансов губило идею в зародыше. Я попыталась справиться с бедой собственными силами — сняла ноутбук с охлаждающей подставки, потрясла, подула в щели и снова включила. Это не дало никаких результатов.

Через час, умаявшись от бесплодного тыканья в кнопку, я позвонила своему бывшему первому мужу. Игнатов работал в фирме по ремонту компьютерной техники, и я пару раз обращалась к нему, чтобы приструнить забарахлившее железо. Бывший первый муж прибыл на мой зов немедленно. Ничего удивительного в этом не было. В свое время я сумела внушить Игнатову стойкое чувство вины за то, что после развода он оставил меня одну с собакой на руках.

Пса Игнатов завел самовольно. Семь лет назад он встретил на улице каких-то знакомых, готовившихся к переезду в столицу. Вещи у них были упакованы, билеты куплены, а мысли витали где-то в районе Кремля и Мавзолея. Полугодовалого Барона они пристраивали в хорошие руки — места в новой, светлой, столичной жизни на съемной квартире для пса не нашлось. Как назло, ни хороших, ни даже посредственных рук хозяевам Барона не попадалось. Казалось бы — красавец колли, иначе говоря, шотландская овчарка, рыжий, с роскошным белым воротником и надменной аристократической мордой, бесплатно — да очередь должна стоять! Но красавца-то надо кормить мясом, вычесывать раз в три дня и выгуливать не меньше двух часов утром и двух же часов вечером. Вот и не нашлось дураков, кроме Игнатова, который собаку по врожденной жадности хапнул, а заботы о нем попытался

повесить мне на шею.

Это внесло разлад в наши не очень горячие супружеские отношения. После очередного скандала — смешались и скормленная мной Барону колбаса, и шерсть по всем углам, и мое неумение экономить, и скучная половая жизнь — я собрала вещи и вернулась к маме. Барон, разумеется, остался с «папочкой». Во-первых, кто привел, тот и отдувается. А, во-вторых, при всей моей любви к животным, держать здорового кобеля в коммунальной квартире с общей кухней я не собиралась.

Однако Барон никаких материальных и жилищных соображений в расчет не брал. Он просто сбегал от Игнатова, возникал на пороге моей комнаты, с укором на меня смотрел и укладывался спать в углу. Поведение Барона Игнатов расценил как настоящее предательство. Развод, как считал он, может случиться с любым женатым мужчиной. А вот измена пса, считавшегося его собственностью и желавшего уйти к бывшей жене, потрясла его до глубины души. Забирал он Барона раз пятнадцать. Я эти действия поощряла, каждый раз прощала с псом навсегда и советовала Игнатову гулять с ним только на поводке.

Но Барон не желал жить в одной квартире с педантичным папочкой и когда Игнатов в очередной раз приехал, чтобы его забрать, зарычал и оскалил зубы. Бывший муж выскочил в коридор, издали прочел собаке речь о грехе покушения на руку пригревшую и вскормившую. А на следующий день привез мне сумку с вещами пса.

Так Барон самовольно вселился в мою комнату. Погоревав некоторое время, я утешила себя мыслью, что дети при разводе всегда остаются с матерью. Благо, ни моя мама, ни соседи никаких возражений против Барона не выдвигали. А когда он выгнал из общей кухни невестку как забредшего к нам наркомана, размахивавшего ножом и требовавшего денег, вовсе стал всеобщим любимцем.

Ужиться с Бароном в одной комнате оказалось просто. Шерсть в углах я выгребала, когда мне вздумается, зимой охотно пускала пса спать на диван, потому что с ним теплее, гулять выпускала во двор. Но не забывала раз в неделю звонить Игнатову и напоминать, что собака очень много ест и пугает нервных соседей по коммуналке.

Собачий папочка по мере сил старался загладить свое прегрешение и оказывал мне разные мелкие услуги: забивал гвозди, двигал мебель и занимал деньги без отдачи. За прошедшие годы он успел два раза жениться и развестись, и обнаружил, что по сравнению с остальными супругами я была вполне чистоплотна и экономна, а наша половая жизнь напоминала лубок — без изящества, зато ярко и весело. На предложение «восстановить семью» я ответила отказом, но Игнатов надежды не терял и опекал нас с Бароном по мере сил. Вот и вчера он прибыл ко мне через пятнадцать минут после звонка. Кротко поздоровался с псом, недовольным этим визитом — вот только возьмись за поводок, «папочка»! Осмотрел ноутбук и вынес вердикт:

— Надо чинить, Машенька.

— Чини, — кивнула я.

— Это не по моей части, — открестился Игнатов. — Ты же знаешь, я — программист. А в ноуте начинка полетела. Надо Лешу припрягать.

Разница между Лешей и Игнатовым состояла в том, что Леше надо было платить деньги, которых у меня не было. Я нахмурилась. Спросила у Игнатова:

— А ты сможешь ремонт оплатить? Я без денег сижу.

— Понимаешь, Машенька, — сказал он и покосился в сторону Барона, — я вчера остаток кредита за машину отдал. Сам без копыя, думал у тебя на бензин стрелнуть.

— На бензин дам, — вздохнула я. — Это меня уже не спасет. Что же делать, Олег? Пойми, у меня заказы горят! Мне сегодня надо писательнице вычитанную книгу отправить. А я в облако ничего не сохранила, файл на рабочем столе лежит.

— Ну-ну, не расстраивайся, — промямлил Игнатов. — Может быть, все еще не так страшно, как кажется. Я ноутбук заберу, пусть Лешка посмотрит. Попробую уговорить в кредит сделать.

— Да уж постарайся! — потребовала я и внимательно проследила, чтобы ноутбук был удобно устроен на заднем сиденье игнатовской машины.

Меня не оставляло предчувствие крупных неприятностей. Последние три года я не состояла в штате какой-либо фирмы и работала на дому. Вольный стрелок, копирайтер и фрилансер, доходы которого напрямую зависят от количества написанных рекламных текстов, а также макетов этикеток и прочей мелочи, которую я ваяла в фотошопе. Время от времени эту рутину разбавляли заказчики, которым требовалось вычитать электронные книги — подружка подкидывала неграмотных авторов эротических и фантастических романов, путавших «вкупе» и «в купе». И что теперь? Нет ноутбука — нет денег.

Кое-как отвязавшись от писательницы, которая требовала свою книгу, забрасывая меня голосовыми сообщениями, я оповестила остальных заказчиков через мессенджер. Сообщила им, что выполнение работы переносится на неопределенный срок в связи с поломкой техники. Большинство из них были недовольны, а некоторые так вообще хотели, чтобы я вернула им аванс. Вот смешные, с каких шишей спрашивается?

День прошел в тоскливых метаниях по комнате. Томившие предчувствия не давали сосредоточиться на книжках и шариках «три в ряд», и заставили пожалеть о том, что у меня нет ни приличного смартфона, ни телевизора. До этого я прекрасно обходилась ноутбуком, в котором есть и триста каналов телевидения, и ютуб с музыкой и фильмами, и игры, куча игр, прохождение которых тянулось годами. А что теперь? Яркий пример того, что нельзя все яйца складывать в одну корзину. Эх, Маша, Маша...

К вечеру Игнатов сообщил мне, что Леша взялся тестировать мой ноутбук и пообещал перезвонить, как только будет ясно, во сколько обойдется ремонт.

А сегодня последовал удар, сокрушивший все мои надежды. Цепь неприятностей сомкнулась в петлю виселицы.

По телефону Игнатов разговаривал сухо и деловито, рядом явно кто-то стоял. Сумма, которую он мне озвучил, равнялась половине стоимости ноутбука — он у меня был недешевым, чтобы тянуть новые игры.

— Такие деньги? — взвыла я. — И вернете через неделю?! Ты с ума сошел! Это долго и дорого!

— Леша говорит — дешево и быстро, — ответил Игнатов. — Хочешь — обращайся в другую фирму, объявлений по городу навалом. Если считаешь, что мы тебя обманываем.

— Нет, нет, не собираюсь ни к кому обращаться... — моментально осеклась я. — Просто... нельзя ли быстрее, а?

— Майские, — меланхолично напомнил мне Игнатов. — Страна пьет, Машенька.

— Сегодня двадцать шестое апреля! — возмутилась я. — Вы что, уже разминаетесь?

— Мы своими делами занимаемся, — уклончиво ответил бывший первый муж. — Объясни: чинить или возвращать тебе ноутбук?

— Зачем возвращать? — пробормотала я. — Он все равно не работает. Начинайте чинить, Олег. А деньги... деньги я отдам попозже.

— Без проблем, — согласился Игнатов. — Кстати, я тебя заранее поздравляю с днем рождения. Завтра ведь, правильно?

— Правильно, — кисло подтвердила я и долго кивала трубке в ответ на добрые слова, как-то не сообразив, что Игнатов меня не видит. Вскоре поток добрых слов иссяк, и Игнатов отключился, напоследок передав привет Барону.

— Тебе привет от папочки, — буркнула я, швыряя трубку на диван.

Барон шевельнул настороженными ушами. Подумал и громко, с присвистом, зевнул, демонстрируя внушительные зубы. Я потрепала пса по голове и легонько толкнула:

— Иди на место. Иди, кому говорят! Не путайся под ногами.

Барон окинул меня внимательным взглядом. Побрел в свой угол, уложил морду на лапы, закрыл глаза. Это хорошо. Пять минут относительной тишины обеспечены. Отдаленный гул машин и шаги соседей привычны с детства, и сосредоточиться не мешают. Итак, надо где-то добыть крупную сумму, чтобы оплатить починку ноутбука. Из заначки их достать невозможно, потому что заначки у меня нет. Деньги я ухитрюсь тратить, еще не получив, никогда ни на что не хватает. И кредит мне в банке не дадут, я еще прежний, потраченный на стоматолога, не погасила. Заработать временно отменяется. Занять? Как правильно напомнил мне Игнатов, страна пьет. Большинство моих знакомых расписали себе программу майских праздников с традиционным весенним выездом на шашлыки. Тем более что срывавшийся на прошлой неделе снег растаял, как страшный сон и яркое солнце уже ведет подсчет набухающих почек жасмина и сирени. Южная весна славится своей стремительностью. От мороза до цветущих деревьев один шаг, и он уже сделан.

Еще несколько дней — и из города потянутся вереницы машин. Кто-то растворится в дачных массивах, окружающих город плотным кольцом. Затрещат многочисленные костры, на разгороженных клочках земли начнут реветь соперничающие магнитофоны, заглушая ругательства хозяев, обнаруживших ограбленный дом или отвалившиеся за зиму обои. Кто-то двинет дальше, к Черному морю, до которого несколько часов езды, и встретит Первомай на берегу относительно чистых пляжей, любясь пенными волнами и пиная ракушки. А кто-то останется здесь и пойдет гулять по центральной улице от статуи Ленина возле главного кинотеатра до городского парка, чтобы вкусить порцию шашлыка в одном из открывшихся летних кафе. Все эти развлечения объединяет одно — на них требуются деньги. Нет, ни копейки мне не займут, грустно поняла я, взглянув за окно.

Весна... Завтра мне исполняется тридцать два года. В холодильнике лежат мороженая курица, овощи и две бутылки газировки — презент от знакомого, которому я сляпала этикетку в фотошопе. В кошельке весьма и весьма умеренная сумма. Что же делать? Позвонить маме с бабушкой, меняя роль взрослой и независимой женщины на дочку-внучку-попрошайку? Стыдно. Нет, это оставим на самый крайний случай. Даже на день рождения родительницы подарят мне постельное белье или кухонную утварь, но не деньги. По причине, которую не хочется вспоминать.

В коридоре раздался топот, звон ключей. Щелкнул замок двери напротив. Барон поднял уши.

— Вовка пришел, — рассеянно согласилась я. — Ой, Барон! Какая же я дура! Вовка!..

Я никак не могу привыкнуть к тому, что сдаю мамину комнату, и квартиранты каждый месяц почтительно приносят мне плату за жилье. Наверное, не могу считать себя квартирной хозяйкой, потому что с Вовкой мы проучились вместе с первого по десятый класс. Дрались портфелями, играли в снежки, пробовали первое пиво. После выпускного

изредка сталкивались на улице — живем-то в одном районе, здоровались, обсуждали знакомых и расходились в разные стороны. Общих интересов у нас не было, а взаимного влечения мы не испытывали.

Когда под прошлый Новый Год у меня на пороге возник взъерошенный Вовка, комкающий в кулаке вязаную шапочку, я была удивлена. От предложенного чая он отказался и выпалил:

— Машка! Твоя мама по-прежнему у бабули и живет? А то я женился, понимаешь?

— Не понимаю, — призналась я. — Поздравляю, конечно, и мама тоже поздравляет... тьфу! У бабушки она живет, да. А в чем дело?

Вовка промычал что-то невнятное и стал драть шапочку с утроенной силой. Я усадила его на диван и насильно напоила чаем, после чего он начал давать более-менее внятные показания. Я выяснила, что пару месяцев назад Вовка женился на симпатичной девушке из села. Семейная жизнь в одной квартире с Вовкиной мамой не заладилась, а попытки снять квартиру с треском проваливаются из-за отсутствия денег на предоплату.

— Сдай нам мамину комнату, — умоляюще взглянул на меня он. — Мы будем сидеть так тихо, что ты нас и не заметишь. Я буду деньги каждый месяц платить, четко! Я охранником в клубе работаю, у меня нормальная зарплата. А то моя мамаша Ленку вот-вот задушит, Маня!

— Не называй меня Маня, — привычно огрызнулась я.

— Как скажешь, Мария Александровна, — согласился он. — Только пусти пожить. Ты же мою маму знаешь, она нас разведет просто для развлечения!

Вовкину маму я знала. Бессменная председательница родительского комитета обладала железным характером и врожденной сварливостью. Неудивительно, что ей приплась не по душе бесприданница-невестка из села. Но и у моей мамы характер — не сахар. И она никогда не говорила, что переехала к бабушке навсегда. Хотя комната пустует пару лет, не меньше.

Под давлением Вовки я взялась за телефон и позвонила в поселок Морской. Как и следовало ожидать, мама взвилась, гневно повторяя фразу: «Ты хочешь сдавать мою комнату!». Бабушка отнеслась к моим словам внимательно. Вся ее жизнь, как жизнь большинства обитателей курортных поселков, была чередой сезонов. Летом весь дом от чердака до подвала забит раскладушками для постояльцев, а зимой наступает затишье и отдых от приезжих. По правде говоря, помещение, не приносящее дохода для бабули — чемодан без ручки. И нести тяжело, и выкинуть жалко.

— Я перезвоню тебе завтра, — пообещала бабуля. — Нам с твоей мамой надо серьезно поговорить.

Слово свое бабушка сдержала. На следующий день, кроме поздравлений с наступающим праздником, я получила четкие инструкции, касающиеся сдачи комнаты внаем.

Вовка со своей женой быстро перетащили в мою комнату содержимое маминих шкафов — большая часть вещей давно переехала в поселок Морской. Заплатили мне скромную сумму и завезли свои скудные пожитки. Бой курантов я встретила возле елки, которую Ленка нарядила карамельками и презервативами в упаковках. Просочившийся в комнату Барон задрал на елку лапу, но квартирантов одобрил, потому что Ленка щедро покормила его курицей гриль, отбирая куски у счастливого супруга.

Первое время я опасалась неприятностей с соседями. Не в бытовом плане, нет. Меня волновала реакция хозяина ювелирного магазина, расположенного на первом этаже нашей

бывшей общаги. Андрей — не просто хозяин магазина. Он владелец всего первого этажа дома: тут же магазин, тут же и большая квартира. Ему же принадлежат две пустующие комнаты на втором этаже, те, что находятся над ювелирным магазином. Прежние хозяева одно время их сдавали. Но шумные рыночные чебуреки, снимавшие комнаты ухитрились плюнуть из окна на магазинного охранника, и Андрей повел с квартирантами войну не на жизнь, а на смерть. Результатом победы стала покупка комнат за бесценок и обещание когда-нибудь выкупить весь этаж. Как сказала мне мама: «За шапку сухарей? Спасибо, не надо!»

Но на Вовку с Ленкой Андрей особого внимания не обратил — прислал участкового проверить документы и успокоился. И то сказать: окна маминой комнаты выходят во двор, и до ювелирного оттуда не доплюнуть, как ни старайся. Правда, есть возможность плюнуть на лавочку, на которой по вечерам вкушает пиво Андрей.

— Машуня! — взревели под дверь. — Это я, Вован!

Рев сопровождался энергичными ударами по моей двери. Я подскочила, одернула халат, поправила очки. У меня есть реальный шанс разорвать замкнутую цепь финансовых неприятностей. Я дала себе слово разговаривать с Вовкой твердо, напомнить ему, что пустила их с Ленкой жить без предоплаты и потребовать денег вперед... ну, хотя бы за два месяца! Нет, лучше за три. Иметь половину суммы и думать, где достать вторую, это...

Я распахнула дверь.

— Машуня! Базар по делу! — радостно улыбаясь, сообщил Вовка.

— Говори, — кивнула я.

— Мы съезжаем! — огорошил меня мой квартирант. — Ленкины паханы нам хату купили. Так что мы теперь сами себе хозяева.

— А-а-а... — поперхнулась я.

— Почему не говорили заранее? — уточнил Вовка.

Я опять кивнула.

— Ленка сглазить боялась. Пока последнюю бумажку не оформила, молчала, как партизан. А сегодня позвонила мне на работу и говорит: «Все, Вован! Живем!».

Я потрясенно молчала. Надо бы выдать какие-то добрые пожелания, поздравить молодую семью с покупкой. Но мысль об уплывших деньгах, которые я собиралась вручить Игнатову со словами «Остальные позже», парализовала мои речевые способности.

— Ты не сомневайся! — по-своему истолковал мое молчание Вовка. — Мы тут все уберем, ни пылинки, не соринки не останется. Ленка комнату вылизет, я прослежу! Ты нас тогда так выручила.

— Да что уж там... — вяло отмахнулась я.

— Маня! — дернул меня за пояс халата Вовка. — Хочешь совет?

— Не называй меня Маня!

— Мария Александровна! — улыбнулся он. — Ты ведь комнату и дальше сдавать будешь?

— Не знаю, — задумалась я. — А что? Кто-то из твоих знакомых хочет снять?

— Вроде никому не надо, — пожал плечами Вовка. — Не в этом дело. Ты, если сдавать будешь, бери в два раза больше. А то — за копейки. Нам, конечно, было выгодно. Но я о тебе беспокоюсь. Ты такая непрактичная! Цены растут, а ты квартплату не повышаешь. Надо с людьми пожестче, Машуня! Сядут ведь на шею и ноги свесят. Сама подумай!

— Я подумаю, — согласилась я. — Прямо сейчас сяду и подумаю.

От раздумий на меня навалилась депрессия. Пару раз рука сама тянулась к телефону, чтобы позвонить бабушке, но я ее отдергивала, и, в конце концов, спрятала телефон под подушку. Прискакавшая с работы Ленка долго меня тормошила, поздравила с наступающим днем рождения и в одну минуту первого вломила-таки ко мне в комнату со словами:

— Все, Машка! Хорош киснуть. Бери подарок, колись, в чем дело!

Я поковыряла блестящую сумочку с парфюмерией и вывалила на Ленку все свои нехитрые горести. Практичная селянка усмехнулась, предложила принести бутылку вина и получила предсказуемый отказ — алкоголь я не употребляла. Ленка вздохнула, достала из моего холодильника газировку, принесла баллон огурцов и наполнила два бокала ярко-оранжевой жидкостью.

— Эх, Машка! — покачала головой она. — Не умеешь ты вертеться. Чуть что — легла, лапки сложила... У тебя комната есть? Есть. Ты за нее смело можешь брать деньги. Цена повыше, предоплата за два месяца — и ноутбук у тебя в кармане.

— Как же я комнату сдам? — уныло спросила я. — Это надо на сайте объявление давать, а оттуда менеджеры агентства звонят. А если не агентства, то начнут сюда толпы ходить. Я же по телефону не определяю, приличный человек или нет. А если судимые? Андрей с меня шкуру спустит.

— Он может, — признала Ленка. — А ты сразу сюда не приводи. Назначай встречу в сквере, сразу видно будет, кто и что. Два квартала до дома пройти не сложно. Оценишь, решишь, если не нравится, сразу говори: «Уже сдала, только что сдала, извините, так получилось».

— А налоговая? — пискнула я. — Меня вычислят и впаяют штраф за незаконную наживу!

— Кому твоя коммуналка нужна! У налоговой других забот хватает.

Через десять минут мы, вооружившись смартфоном, зарегистрировались на сайте бесплатных объявлений и набрали более-менее приемлемый текст. Ленка освежила газировку в бокалах и прочла объявление вслух:

— Сдаю комнату в коммунальной квартире в центре города. Общая кухня, готовить на плите с хозяевами. Туалет и душ на этаже. С детьми и домашними животными не беспокоить. Предоплата два месяца. Замечательно! Я нажимаю «опубликовать».

— Я вот думаю... — пробормотала я, закусывая слишком сладкую газировку огурцом. — Может, не надо про домашних животных? Потому что, если хомячок какой, так я не против.

— Хомяк обои погрызть может, — деловито сообщила Ленка. — И белая крыса тоже. Лучше перестраховаться. А кто с рыбками, он сообразит и позвонит. Рыбка — это не животное. Ну, еще по газировочке? За твоё здоровье!

Проснулась я с помятой физиономией и неважным самочувствием — аукнулись сиделки до пяти утра, даже без алкоголя. День рождения вступил в свои права. Все тридцать два года моей жизни, даже те первые, которых я не помнила, давили на плечи непосильным грузом.

Телефон надрывался, желая донести до меня мамины и бабушкины поздравления. В коридоре, под дверями раздавался грохот и невнятные выкрики. Выглянув за дверь, я выяснила, что это Вовка с товарищами по работе вытаскивают из комнаты свой холодильник.

— С днем рождения! — взревел Вовка, перегораживавший мне выход к туалету и

плите. — Эй, ребята, взяли-понесли! Нельзя у Машки под ногами путаться, у нее сегодня праздник.

Через час стало ясно: праздник и переезд понятия плохо совместимые. Мне кое-как удалось прорваться в места общего пользования для омовения и прочих гигиенических процедур — по счастью, никому из соседей не приспичило запереться в душе. Умывшись ледяной водой, я осмотрела свое отражение в зеркале. Мышиные волосы, прическа деликатно именуемая «отросшее каре», припухшие серые глаза, закрытые круглыми очками. Ни внутреннего огня, ни шарма, присущего загадочным женщинам. Одно слово — Маша! Точь-в-точь учительница начальной школы, изрядно перебравшая на выпускном вечере и стесняющаяся свидетелей-старшекласников. Показав отражению язык, я дала себе слово непременно накраситься и окунулась в хозяйственные заботы. Между выносом стола-тумбы и телевизора мне удалось запихнуть в духовку курицу, намазанную майонезом. Это вызвало живейший интерес, как у Вовкиных товарищей, так и у помогавшего им соседа, отставного полковника.

Евгений Викторович Сердюк, проще говоря, Жека, живо интересуется содержимым кастрюль и сковородок своих соседей. По-человечески понять его можно. Покушать Жека любит, а готовить не умеет совершенно.

Он и его супруга Елизавета Владимировна Сердюк вселились в наш дом пять лет назад купив две небольшие комнаты у шумного семейства, размещавшегося всемером на шестнадцати метрах жилой площади. Наступившая вечерняя тишина и отсутствие гадящих под плитку кошек вызвали у меня состояние эйфории. Новые соседи даже казались симпатичными людьми — полковник, побрившись, выглядел почти генералом, а Лиза, с каланчовым ростом и лошадиной физиономией, напоминала добрую великаншу из сказки. Ни Лиза, ни Жека не катались под дверями на трехколесном велосипеде, не вываривали с хозяйственным мылом постельное белье, не кипятили взорвавшиеся маринованные огурцы, и... Да что только не делали прежние соседи! Поэтому я нисколько не обиделась на полковника, который засунул голову в мою сковородку и спросил:

— Машенька, а что это ты готовишь? Так вкусно пахнет!

Нет бы рывкнуть — что хочу, то и готовлю, с тобой трапезу делить не собираюсь. Я же, как дура, продиктовала полковнику с полковницей рецепт рыбы в томате и понесла сковородку в комнату, чтобы покормить рыбкой будущего второго мужа. На следующий день я рассказала Елизавете Владимировне, как надо варить борщ — еще и пожалела бедную женщину, всю жизнь прослужившую прапорщиком на балтийской границе, где ни продуктов, ни рецептов.

Через неделю, кисло рассказывая полковнику, как правильно тушить капусту, я взглянула на его плиту. Там кипятился чайник — на ужин у Жеки с Лизой опять была лапша из пакетика.

— А почему Лиза ничего не готовит? — вырвалось у меня. — Вы же столько рецептов узнали!

— Никак не может перестроиться, — вздохнул Жека. — Привычка, понимаешь?

Перестраивалась Лиза три года, после чего семейство Сердюк распалось, и бывшие супруги стали проживать в противоположных комнатах и кипятить личные чайники на общей плитке. Я к тому времени уже успела развестись со вторым мужем и готовить старалась украдкой — холостой отставной полковник горящими глазами следил за каждой кастрюлей, которую я ставила на плиту, и прозрачно намекал на возможность брака.

Заводить такого третьего мужа мне не хотелось. Отрицательных качеств у Жеки хватало — водку он пил, на мой взгляд, слишком методично, труслив оказался до неимоверности, а уж наличие за стенкой Лизы, которая ревновала своего бывшего ко всем и вся...

— Машенька! — вкрадчиво проговорили у меня за спиной. — Я тебя поздравляю с днем рождения.

Я обернулась. Жека, умильно улыбаясь, протягивал мне букет мятых фиалок. Его картофельный нос, испещренный багровыми прожилками, чутко принюхивался, ловя запахи из духовки. Короткие кучерявые волосы стояли дыбом, словно его только что дернуло током. Это впечатление усиливали дрожащие руки — фиалки тряслись, как припадочные. Из приоткрытой двери Лизы, внимательно наблюдавшей за переездом моих квартирантов, донеслось шипение.

— Спасибо, Женя... — пробормотала я, забирая букет.

— Машенька, а чем ты курочку намазала, что она такая беленькая и вкусно пахнет? — ласково спросил Жека.

— Майонезом, — сквозь зубы процедила я.

— А пахнет вроде бы чесночком, — не унимался он.

— Добавила чеснок в майонез, — сухо ответила я и попыталась спрятаться в комнату.

Полковник ловко схватил меня за рукав и уточнил:

— Целыми зубками или порезала?

— Выдавила. Специальным приспособлением.

— Машуня! — взревел Вовка, поднявшийся по лестнице. — Мы вещи отвезем и вернемся убирать. Что к столу прикупить? Вина с сыром?

Я посмотрела на Жеку, припомнила Вовкиных товарищей по работе и грустно сказала:

— Покупайте себе, что хотите. Я сейчас еще салата какого-нибудь нарежу.

— Вот это по-нашему! — обрадовался бывший квартирант. — Кого из пацанов приводить? Серегу или Пашу?

— Все равно! — отмахнулась я. — Лишь бы не буянил, когда выпьет.

— Тогда Пашу, — кивнул Вовка.

Незнакомого Пашу мне пришлось весь вечер держать при себе, чтобы избежать бесед с Жекой, вступившим в очередную фазу брачного токования. Гостей я выпроводила около часу ночи, под гневное бурчание Лизы, которой наши «гульки» мешали заснуть.

— Развела тут свадьбы, — вещала в приоткрытую дверь Лиза. — Жрать приготовила и уже королева, чужих мужиков приманивает! Полиции на тебя нет!

— Не смей оскорблять Машу! — невнятно проговорил пьяный Жека.

Оставив бывших супругов выяснять отношения, я заперлась в комнате. Утром посуду пришлось мыть под беседу Лизы с нашей третьей соседкой — Амалией Готлибовной. Отставная полковница, облаченная в короткий трикотажный халат и потертую кожаную жилетку, с жаром рассказывала о своих мучениях:

— Только прилегла, попыталась уснуть — дикие крики, смех. Потом музыка заиграла. Я им в стену постучала, они музыку выключили, и давай бубнить! Бубнили-бубнили, бубнили-бубнили...

— А я ничего не слышала, — трубным басом отозвалась Амалия. — Роза мне, правда говорила, что вы с Евгением Викторовичем ночью в коридоре кричали.

— Ваша дочь вечно все путает! — надулась Лиза. — Мы не кричали! Женя уговаривал меня не вызывать полицию.

— А-а-а... — кивнула Амалия, переворачивая очередной блинчик. — Вот Розочка мне и говорит: представьте, мама, в шесть утра уже надо вставать — ей же на работу — а они орут и орут. Только говорит и слышно: «ты алкаш, а на тебе клейма ставить негде...».

Лиза побагровела. Карие глаза потемнели, превращаясь в два куса антрацита. Длинные волосы, выкрашенные в цвет «черный бархат» зашевелились, как живые змеи и Лиза стала похожа на куклу Бабы-Яги, украшающую витрину кукольного театра.

— Мое терпение лопнуло! — заявила она, косясь в мою сторону. — Еще одно сборище, нарушение тишины после одиннадцати часов вечера, и я вызову наряд полиции. Пусть они решают, на ком тут клейма ставить негде! Я — честная женщина, двадцать пять лет отслужившая в армии...

Ее мощный бюст, обтянутый трикотажным халатом заходил ходуном, и это зрелище напомнило мне военные слова «дот», «дзот» и амбразура. Видимо потому, что остановить Лизу можно было только бросившись на нее всем телом.

Я ополоснула последнюю тарелку и ушла в комнату. Крепко отставную полковницу разобрало! Что ей Жека наговорил, что она так завелась? Все-таки вылитая Баба-Яга, ей не детских утренниках без грима играть можно. Большие деньги платить будут. Особенно за то, чтобы она покинула помещение.

«Ладно, хватит злорадствовать. Все как-нибудь наладится», — утешила себя я и залегла на диван лентяйничать — играть в шарики и отвечать на пустопорожние звонки по объявлению.

Часов в восемь вечера, изрядно проголодавшись, я прокралась на кухню — благо, Лиза уже легла спать — и обнаружила, что у меня нет ни крошки хлеба.

— Засада, — сообщила я Барону. — Придется нам идти в магазин. Сводишь маму за хлебушком?

Барон кивнул. Я оделась, постояла под дверью, прислушиваясь в тишине. Вроде бы никого. Так: сумка, в сумке кошелек, телефон, поводок, носовой платок. Отлично! На хлеб денег хватит, и проветриться не помешает. К выходу мы пробежали незаметно. А вот во дворе нас ожидал неприятный сюрприз — на лавочке под Андрюшиными окнами сидела Роза, дочь Амалии Готлибовны.

— Маша! — оживилась она, встряхивая длинными рыжими волосами. — Что ты с этой курицей не поделила? Такие вопли про ментов...

— Петуха, — коротко ответила я.

— В смысле? — задумалась Розочка. — Ты приготовила петуха? Они же жесткие, Маша!

— Угу, — буркнула я. — В том-то все и дело.

Обсуждать с Розочкой коммунальную ситуацию мне категорически не хотелось. Девушка она не великого ума и все разговоры плавно переводит на одну, искренне волнующую ее тему — как выйти замуж. Розочка торгует на рынке: селедка, копченая мойва, балык толстолобика и прочие рыбные продукты. Каждый день у нее покупает рыбу какой-нибудь перспективный мужчина, она меняется с ним номерами телефонов, перезванивается... Но все без толку. Мужчины, выслушавшие историю семьи беженцев, живущую в комнатах переселенческого фонда, и почему-то не спешат забрать к себе ни зеленоглазую Розочку, ни прилегающую к ней толстую и седую Амалию.

Розочка потянулась и завела очередной рассказ. На этот раз в ее цепкие лапки попался мастер по ремонту холодильников, неосторожно решивший купить вяленой рыбки к пиву.

Веснушчатая Розочка для разминки его обсчитала, а затем, осторожно выяснив материальное и жилищное положение покупателя, взялась за мастера всерьез.

От дальнейших подробностей, а Розочка как раз перекинулась на описание зимней куртки «человека-холодильника», меня спасла Амалия. Она крикнула в форточку: «Роза, ужин готов!». Зеленоглазая обольстительница сбилась с мысли, мы с Бароном выскользнули в калитку и огляделись по сторонам.

— Пойдем на остановку? — предложила я. — Если там еще открыт киоск, я куплю булочку-ромашку. А если нет — прогуляемся в круглосуточный магазин.

Слово «остановка» Барон знал прекрасно. Он потрусил через дорогу, поминутно оборачиваясь — не потерялась ли я? Не кинулась ли под машину? Барон свое дело знает хорошо и на прогулках всегда за мной присматривает.

Мы пересекли две дороги и медленно пошли вдоль сквера. Барон с наслаждением обнюхивал деревья, и время от времени задирал на них лапу. Я оглядывалась по сторонам, опасаясь полицейских. Сквер был утыкан табличками «Выгул собак запрещен» и за Барона вполне можно было схлопотать штраф. Надо завязывать с прогулками по центру, уходить в лесную зону, к реке.

Зазевавшись, я ударилась обо что-то теплое и твердое. Подняла голову и пробормотала:

— Извините, пожалуйста.

— Ничего страшного, — помедлив, ответил мужчина, в которого я врезалась.

Барон перестал нюхать дерево, негромко рыкнул. Я отступила на шаг и уставилась на незнакомца. Передо мной стоял живой Ален Делон. Не тот старикашка Делон, которого недавно показывали в новостях, нет. А настоящий Зорро из кинофильма, поразившего мое детское воображение. Я стояла и тупо любовалась на своего кумира. Вылитый Зорро, только без маски и лошади! То же загадочное обаяние, грива черных волос, собранная в небрежный хвостик, бездонные синие глаза... Или не синие? Свет от фонаря мешает понять, да и вообще я вижу плоховато.

— Позвольте пройти, — сухо сказал Ален Делон.

«Без шансов... — промелькнуло у меня в голове. — Растрепанная очкастая тетка тридцати двух лет со слегка опухшей после праздника физиономией...»

Я сдвинулась в сторону, взяла Барона за ошейник. Ален Делон поправил висевшую на плече большую спортивную сумку и пошел в сторону моего дома. Барон глухо зарычал ему вслед.

— Что с тобой, детка? — удивилась я. — Чем он тебе не глянулся? Такой красавец!

Барон чихнул и потянул меня к остановке. Я покорно побрела за ним. Отоварившись булочкой в закрывающемся киоске, мы пошли в скверик. Вернее, пошел Барон, а я не стала ему препятствовать. Погода прекрасная, тепло, весна. Какой смысл сидеть в душной комнате, прислушиваясь к Лизиним воплям, когда можно насладиться свежим воздухом? Я ведь давно не утруждаю себя дальними променадами. Барон открывает дверь лапой и идет во двор, когда ему захочется. Лаает у Андрея под окнами, вызывая своего друга — далматинца Фердинанда и они носятся по двору, вытаптывая чахлые газоны. Ликвидацией последствий собачьих прогулок занимается дворничиха тетя Люба, которой Андрей платит какие-то деньги. А мы с Бароном идем прицепом, как друзья Фердика.

В сумке задергался и зажужжал телефон. Кому это припало со мной поговорить в столь поздний час? Скрытому номеру? Интересно...

— Слушаю вас, — вежливо сказала я в трубку.

— Здравствуйте! — не менее вежливо ответил мужской голос. — Я по объявлению. Вы сдаете комнату в центре города? Я хотел бы ее снять. Когда можно отдать деньги?

— Э-э-э... — закашлялась я.

— Вы сдаете комнату? — в голосе собеседника появились металлические нотки. — Или я неправильно набрал номер?

— Правильно, — пискнула я.

— Куда надо подойти, чтобы вас увидеть? — требовательно спросил мужчина. — Я хочу снять эту комнату.

— Видите ли... — промямлила я. — Сейчас уже поздно. Я гуляю с собакой. Давайте завтра созвонимся и решим этот вопрос. Завтра я...

— Где вы гуляете? Я сейчас подъеду. Скажите мне название улицы, чтобы я мог объяснить таксисту, куда ехать.

Напор собеседника меня ошеломил. Я всегда отличалась какой-то повышенной внушаемостью: велели идти — я иду, прикрикнули, что надо стоять, я и остановлюсь, как вкопанная. Вот и сейчас... Зачем я ему сказала координаты скверика? Кто меня тянул за язык? Отправила бы его куда-нибудь за город, и дело с концом!

— Минуточку! — озабоченно проговорил мужчина. — Я... как вы сказали — угол Полевой и Цветочной? Я стою на этом углу. Рядом с аптекой. Но здесь нет ни одной женщины с собакой!

— Я в скверике, — ответила я. — Стойте возле аптеки, я сейчас подойду.

Прихватив сумку, я позвала Барона и потопала в сторону аптеки. В голове вертелись и сталкивались разнообразные мысли.

«А если это маньяк? — думала я. — Хотя... что он мне сделает-то? Улица ярко освещена, народ гуляет. Со мной Барон. Домой я маньяка приглашать не стану, скажу, что неубрано. Посмотрю, как он выглядит. Если прилично, договорюсь о завтрашней встрече. Или не договорюсь...»

Барон коротко зарычал. Я прищурилась и огляделась. Светящаяся вывеска аптеки, пустой тротуар, одинокая мужская фигура с большой спортивной сумкой на плече. Неужели... Я пригладила растрепанные волосы и уставилась на мужчину. Зорро, а это был именно Зорро, обворожительно улыбнулся и сказал:

— Как я понимаю, я жду вас. Это вы давали объявление?

Глава 2

Ночь я провела отвратительно. Ворочалась, сбивая простынь, вскакивала, смотрела в окно. И все время задавала себе вопрос: «Как это могло произойти?».

Я, взрослая здравомыслящая женщина, в девять вечера привела незнакомого мужчину посмотреть комнату, которую я сдаю. Я, которая визиты знакомых после восьми категорически не одобряю! Делая исключения только для праздников и экстренных случаев.

Но я же не просто продемонстрировала незнакомцу сдаваемую площадь! Я выслушала его короткое заявление «Меня все устраивает» и вручила ему ключи от комнаты, даже не заглянув в его паспорт. Потому что ему было негде ночевать. И еще я взяла у него деньги за два месяца вперед.

Что на меня нашло? Понятно, красавец. Вежлив, обаятелен и все такое. Имя назвал звучное — Феликс. Ладно, я дала слабину и притащила его к себе. Но деньги... Он же заплатил мне долларами! Долларами, а не рублями! Я сказала цифру, предоплату за два месяца, он мне и вручил. Да эта комната вся столько стоит! Вместе с мебелью. Мне агент по

недвижимости это доступно объяснил, когда мы с мамой хотели жилищные условия улучшить.

А Феликс... Как же он сказал? «Берите, берите. Это настоящие деньги, не сомневайтесь!» Боже мой, почему я взяла эти доллары и послушно удалилась со словами: «Не буду вам мешать»? Во что я вляпалась? Кто он такой? Впрочем, кто бы он ни был, я его выселю. Утром верну ему деньги и скажу, что у меня изменились обстоятельства. Возвращается мама, и я больше не могу сдавать комнату.

Приняв это решение, я провалилась в зыбкий сон, из которого меня вырвали истерические вопли:

— Хам какой! Не поздоровался, морду воротит! А вы, Амалия, как не догадываетесь — кто! Новый Машкин хахаль. Она его вчера ночью притащила! Я встала воды набрать, а они тут по кухне шастают в обнимку. Да меня не удивляет, что вы ничего не слышали! Вам ничего не мешает, хоть тут танцы устраивают, хоть песни орут!

Я нашарила лежавшие на журнальном столике очки, поспешно нацепила их на нос. Натянула джинсы и легкий свитер, расчесалась и выскочила в коридор. Увидев меня, Лиза скорчила брезгливую физиономию и скрылась в своей комнате. Амалия выглянула из кухни, рассеянно сказала:

— Маша, твой новый друг очень привлекательный мужчина.

— Это не друг, — проямлила я. — Это мой двоюродный брат. Он вчера... из Казани ночным поездом приехал, я его встречать ходила.

— А-а-а... — кивнула Амалия. — А вот когда мы жили в Тбилиси, у нас был сосед, точь-в-точь...

Я перестала ее слушать — Тбилиси у меня уже в печенках сидел. Но еще больше раздражало испуганное выражение собственного лица, отражавшееся в зеркале. Тьфу! Немедленно отдам Феликсу деньги и выгоню его к чертовой матери.

Я сунула руку под подушку, где лежал пакет с долларами. Вытащила, пересчитала. И глубоко задумалась. А не надувательство ли это какое-то? Сейчас я отнесу ему деньги — огромную для меня сумму. Он посмотрит на доллары, заявит, что они фальшивые. Обвинит меня в том, что я их подменила, и будет требовать с меня долг.

Я решительно сунула пакет под свитер. Свистнула Барона и спустилась с ним во двор. Ага! Удачно. Андрей, распахнув окно на кухне, вкушает утренний кофе. За колеблющейся от сквозняка занавеской можно разглядеть бритую голову и расписанный татуировками торс. Я потопталась возле лавочки, покашляла. Андрей немедленно высунулся и подозрительно осмотрел двор маленькими опухшими глазками.

— Доброе утро! — поздоровалась я.

— Привет, — буркнул он. — Гуляете? Сейчас я Фердика выпущу.

— Андрей... — замялась я. — Можно я тебя об одолжении попрошу?

— Денег занять? — усмехнулся он. — Сколько тебе?

Я застыла. Блин! Зачем я ввязалась в эту авантюру со сдачей комнаты? Почему я сразу не подошла к Андрею и не попросила денег в долг? Да в голову не пришло, вот почему! Никогда его не рассматривала, как потенциального кредитора.

— Нет, — выдавила из себя я. — Совсем другой вопрос, Андрей. Мне вчера вечером двоюродный брат из Казани доллары привез. Тетя дом в деревне продала и нашу часть наследства прислала. Я хочу проверить, не фальшивые ли они. В смысле доллары, а не дом с тетей. Понимаешь, Казань, деревня...

— Без проблем, — отставил чашку Андрей. — Молодец, Маша. Соображаешь. Никому нельзя доверять — ни тете, ни брату. Сейчас разберемся.

Он вышел во двор, открыл ключом массивную железную дверь в торце дома и провел меня в священную обитель — внутренние комнаты ювелирного магазина. Хорошенькая девица с длинными ногтями кровавого цвета включила ультрафиолетовую лампу, зашуршала купюрами. Я стиснула зубы.

— Все путем! — через десять минут сообщила дева. — Вот только одна как-то странно светится.

Андрей взял сотню, потер, взглянул на просвет. И уверенно сказал:

— Нормальная. Просто залита чем-то.

Я перевела дух. Сложила доллары в пакет, стала путано благодарить Андрея. Тот благодушно жмурился и раздувался от гордости. Я сунула пакет под свитер, подумав, что за сегодняшнее утро выполнила месячную норму вранья и побежала домой, чтобы избавиться от загадочного квартиранта.

Еще на лестнице мне стала слышны Лизины вопли.

— Все, мое терпение лопнуло! Вот сейчас приедет полиция, пусть она и разбирается.

Я влетела в коридор и напоролась на указующий перст Лизы.

— К вам, Мария Александровна, — отчеканила она, — я вызвала полицию. Пусть органы проверят, что это за брат из Казани к вам приехал. Я, пока вас не было, постучала к нему и вежливо попросила вкрутить мне лампочку...

— Зачем вы вообще стучали в дверь моей квартиры, зная, что меня там нет? — вспылила я.

— Наглая какая... — сквозь зубы процедила Лиза и отступила в свою комнату. — Я вызвала полицию, слышишь? Я сказала им, что ты укрываешь террориста! Он бомбу собирает, я видела!

После этих слов отставная полковница спряталась и закрылась на засов. Я подавила желание ударить по двери ногой, прошла к маминой комнате. Феликс на стук не отреагировал. Поколебавшись, я толкнула дверь. Вошла в комнату и остолбенела. На столе, с которого была снята клеенка, лежала странная конструкция из металлических деталей, проводов и шестеренок. В середине устройства, на блестящем диске, медленно вращалась хрустальная пирамидка. Феликс, возившийся с куском проволоки, поднял голову и недовольно поинтересовался:

— Что вам нужно?

Я сглотнула и спросила, указывая на конструкцию:

— Что это такое, позвольте узнать?

Он буркнул что-то неразборчивое — то ли «каюк», то ли «пасюк» — и уставился на меня своими синими бездонными глазами.

— Мы так не договаривались! — собрав все силы, заявила я и в панике заперла дверь на ключ изнутри. — Меня это не устраивает. Быстренько собирайте это ваше... как его там... забирайте свои деньги и уматывайте. Соседка уже вызвала полицию, и теперь я ее вполне понимаю. Собирайте немедленно!

— Но вы же сдали мне комнату! — возмутился Феликс. — Вы сказали — два месяца. Я на это рассчитывал. Я не могу сейчас разобрать каюк, он взорвется!

— Как — взорвется? — опустилась на стул я. — Это все-таки бомба? Так вы... вы террорист?

— Почему террорист? — нахмурился он. — С чего вы взяли?

Я уклончиво пожала плечами. Еще раз посмотрела на хрустальную пирамидку и решила, что это не бомба, а Феликс — не террорист. Обычный душевнобольной, которому дома родственники запрещают собирать вечный двигатель. Кстати... Вот странно. Пирамидка крутится, а каюк в розетку не включен. Наверное, на батарейках работает.

— Послушайте, Феликс... — ласково проговорила я. — Надо было сразу меня предупредить, что вы собираете... такую замечательную штуку. Я бы подготовила соседей. Придумала что-нибудь. А то они увидели ваш... в общем, увидели эту штуку и вызвали полицию. Вы это понимаете? Сейчас сюда приедет милиция. Посмотрит на... Потребуется предъявить документы...

— У меня нет документов, — сообщил мне Феликс и снова взялся за проволоку.

— Как это — нет? — еще более ласково спросила я. — Вы оставили их дома? Давайте позвоним вашим родным, пусть привезут. И справку какую-нибудь захватят заодно.

— Я не смог купить документы, — рассеянно ответил Феликс, сгибая проволоку. — Те, кто помогли мне придти сюда, продали только деньги. А документов у них не было.

— Как нехорошо вышло... Что же мы скажем полиции?

— Придумайте что-нибудь, — предложил он.

— Нет уж! — твердо сказала я. — Разбирайте свой каюк и проваливайте. Я властям врать не буду.

— Но его нельзя трогать! — вскинулся Феликс. — Он нестабилен! Он взорвется!

Я посмотрела ему в глаза и почему-то безоговорочно поверила, что разбирать странную штуковину нельзя. И как только я в это поверила, раздался громкий стук в дверь.

— Полиция, — обмирая от страха, выговорила я. — Они его сейчас по любому сломают... Что же делать?

Феликс отбросил проволоку и испуганно взглянул на дверь.

— Во что вы меня втянули? — отчаянно выкрикнула я. — Это же кошмар какой-то! Сделайте что-нибудь! Немедленно!

— Хорошо, — пробормотал он. — Только вы пойдете со мной. Надо будет... Вы подтвердите, что сами пустили меня жить? Или... давайте скажем ему, что вы моя любовница, ладно? Что я бывал у вас раньше, а потом заметил нестабильность стен и решил провести эксперимент. Договорились?

В дверь снова постучали — бесцеремонно и оглушительно.

«Все-таки он псих, — испуганно подумала я. — Надо открыть и пусть с ним полиция разбирается».

— Договорились, — кивнул Феликс, принявший мое молчание за знак согласия.

Он встал, вынул из кармана стеклянный шарик, не больше мячика для пинг-понга. Размахнулся и с силой швырнул его в стену. Я зажмурилась, ожидая удара и звона осколков. Тишина.

— Пойдемте, — дернул меня за рукав Феликс. — Надо торопиться. Идемте, вы же обещали!

Я открыла глаза. Посреди стены зиял провал в темноту, освещаемый слабыми багровыми всполохами. Феликс подтащил меня туда и начал уверенно спускаться вниз по еле заметным скользким ступенькам. Я растерянно пошла следом, поминутно оскальзываясь и хватая его за плечо. Дело осложнялось тем, что перил на удивительной лестнице, непонятно откуда взявшейся в стене маминой комнаты, не было. Слева и справа клубился

густой иссиня-черный туман, в котором мелькали чьи-то глаза и крылья, нагонявшие невообразимую жуть.

— Куда мы идем? — содрогаясь от очередного мимолетного взора, спросила я.

— Через Прорву к задней калитке, — ответил Феликс. — Я знаю, он дома. Вы молчите и соглашайтесь с тем, что я буду говорить. А я его попрошу, чтобы он все уладил.

Туман просветлел, окрасившись в болотно-желтые тона. Я в очередной раз поскользнулась, привычно схватилась за Феликса и взвизгнула от ужаса. Он повернулся ко мне и недовольно поинтересовался:

— В чем дело?

Я устала на его голову и пробормотала:

— У вас... У вас рога!

— А что в этом такого? — поднял бровь он. — Вы как рогов никогда не видели! Я думал, вы ногу подвернули.

Я неуверенно протянула руку и пощупала короткий острый рог, торчащий из густой черной шевелюры. Феликс тряхнул головой, буркнул:

— Давайте без интима.

— Вы — демон? — осторожно спросила я.

— Какая узость мышления... — вздохнул он и поволок меня по лестнице, поддерживая под локоть.

Туман рассеялся, и мы вышли в густые лесные заросли. Глаза и крылья исчезли, под ногами расстилалась утоптанная тропинка. Минут через десять ходьбы лес изменился — тропинка превратилась в песчаную аллею, подстриженные деревья перемежались с диковинными скульптурами, а в просвете я увидела мраморный фонтан с розовой чашей-цветком. Очередная аллея привела нас к ступеням огромной каменной террасы. Феликс напомнил мне:

— Вы должны молчать и кивать. Если... если только он захочет нас выслушать.

Подковки его туфель гулко зацокали по украшенной орнаментом плитке. Мои оранжевые пластиковые шлепанцы, в которых я обычно бродила по коридору и двору добавили к эху его шагов неблагородный крысиный шорох.

Я вертела головой по сторонам, поражаясь красоте резных колонн, увитых каменным виноградом. Справа от террасы раскинулся обширный парк, а слева... слева перила ограждали от падения в бесконечное фиолетовое небо, по которому плыли багровые облака. Я попыталась разглядеть, есть ли внизу земля, и чуть не потеряла сознание от приступа головокружения. Остановилась, закрыла глаза, глубоко вздохнула. Где-то рядом раздалось шелковое шуршание, поплыл пряный сладковатый аромат духов. Феликс заговорил на непонятном языке, с непривычно жестким сочетанием согласных, ему мелодично ответил женский голос. Я открыла глаза и встретилась с оценивающим взором рогатой шатенки. Дама в длинном, до полу шелковом платье, обнажавшем плечи, поигрывала золотым кулоном-пауком, покоившимся на ее внушительном бюсте. Поймав мой взгляд, она еле заметно усмехнулась. Потрепала Феликса по щеке и пошла в парк.

Мне захотелось провалиться сквозь пол — рогатая дама за доли секунды определила стоимость моих шлепок, купленных на распродаже в супермаркете и заметила аккуратно заштопанную дырку на рукаве домашнего свитера. Только что замечания не отпустила: «Вам бы джинсы постирать, милочка!». Культурная...

Феликс посмотрел ей вслед и сообщил:

— Не знаю, что и делать. Джилла сказала, что они разводятся. Вряд ли он сейчас захочет что-то слушать. Он всегда злится, когда разводится. Может быть...

Массивная резная дверь, из которой вышла шатенка, распахнулась. На пороге возник высокий, крепко сложенный рогатый мужчина, к которому больше всего подходило слово «лорд». Но не из английского парламента, а из сказок бабушки Нортон и хроник Амбера.

Суровое волевое лицо, коротко подстриженные черные волосы. Темная шелковая рубашка с широким воротником, отделанным кружевом, узкие черные брюки, заправленные в высокие сапоги. Шпаги на боку, к сожалению, не было. Но для полноты образа лорд поигрывал угрожающего вида хлыстом. Он одарил нас с Феликсом мимолетным взглядом, бросился к перилам и что-то проорал в спину шатенке. Та обернулась и с ликующей улыбкой показала ему комбинацию из трех пальцев, униженных золотыми кольцами. При виде кукиша лорд побагровел и явно перешел на непарламентские выражения. Шатенка звонко рассмеялась и исчезла за поворотом аллеи. Лорд швырнул хлыст в кусты, выкрикнул еще пару энергично звучащих слов. А затем повернулся к нам и стал внимательно рассматривать.

Мне стало совсем плохо. Карие глаза незнакомца постепенно теряли бешеное выражение и становились отстраненно-ледяными, словно он отгораживался от нас с Феликсом прозрачной стеной. Меня еще раз оценили — но не по стоимости и качеству вещей, а по каким-то другим, неясным мне меркам. И я опять не потянула на идеал.

«А что они все хотят? — мысленно возмутилась я. — Будят скандалом, не предупреждая, тащат в гости, где все прилично одеты и изволят брезгливо смотреть на домашние тапки... А дома, между прочим, полиция в двери ломится, и каюк нестабильный вот-вот взорвется! Об этом думать никто не желает! Аристократы хреновы!»

Феликс наклонил голову, тихо заговорил на неизвестном языке. По мере рассказа лорд хмурился, а когда Феликс махнул рукой в мою сторону, так и вовсе помрачнел. Задал пару отрывистых вопросов, выслушал блянье Феликса и повел нас в дом.

Идти мне не хотелось — ноги так и прилипали к полу. Но Феликс ловко подтолкнул меня в спину, и я влетела в дверь, чуть не сбив лорда с ног. Он недовольно отодвинулся в сторону, а я машинально отметила, что профиль у него подкачал — нос великоват, челюсть слишком массивная. Мы поплутали по темным коридорам с гобеленами на стенах, и попали в рабочий кабинет хозяина. На столе стоял приличный ноутбук, два телефона — красный и белый — и зеленая лампа с тканевым абажуром. Эдакий чекистский интерьер. Лорд указал нам на кожаный диван. Сдвинул морской пейзаж в раме, открывая замаскированный сейф. Достал оттуда какой-то серебристый кружок, прилепил себе за ухо, сел за стол и проговорил:

— Добрый день, милая леди. Меня зовут Максимилиан, я брат этого рассеянного оболтуса, который является вашим любовником.

Услышав речь на родном языке, я немного приободрилась, сказала:

— Видите ли...

Я хотела сообщить Максимилиану, что мы с Феликсом вовсе не любовники, а потом вспомнила, что по роли мне надо молчать и кивать, и растерялась.

— Рассеянным оболтусом я назвал его потому, что он не помнит вашего имени, — вкрадчиво продолжил Максимилиан. — И в связи с этим прискорбным фактом я вынужден просить вас представиться. Мне бы хотелось...

— Меня зовут Мария Александровна, — сухо ответила я, разозлившись на Феликса, который даже не удосужился запомнить, как меня зовут. Вот свинья!

Максимилиан усмехнулся, словно прочитав мои мысли. Феликс покосился на меня и уставился на морской пейзаж. В кабинете повисло тяжелое молчание. Я отбросила приличия, поправила сползшие на кончик носа очки и принялась разглядывать Максимилиана в упор. Симпатичен, спору нет. Такие лица в старинных романах описывались как «честные, мужественные и открытые». Так бы оно и было, если не присматриваться к глазам. В них появился откровенно-блудливый блеск, и я почувствовала себя неуютно — как будто меня звал на свидание знакомый гинеколог, у которого я сделала два аборта. И мужчина привлекательный, и до постели дело нельзя доводить ни в коем случае.

Я отвела взгляд и уткнулась в свои оранжевые тапочки, продолжая раздумывать. Рога, более толстые и острые, чем у Феликса, делают Максимилиана похожим на хищного зверя. А вот интересно, когда в постели лежишь, эти рога, они...

— Мария Александровна! — ехидно усмехнулся Максимилиан, определенно читавший мои мысли. — Вы не могли бы мне объяснить суть проблемы, которую я должен решить? Брат просит о помощи, но я никак не могу понять, что именно он натворил на этот раз. Кто там стучит к вам в двери? Толпа чудовищ с топорами?

От этой усмешки, подкрепленной нахально раздевающим взглядом меня подбросило. Я принялась вопить, швырять на стол пакет с долларами, требовать убрать каюк из маминой комнаты. При слове «каюк» Максимилиан натурально позеленел и стал орать на Феликса на своем языке, чему я даже порадовалась, потому что такие выражения приличная девушка слушать определенно не должна. И без перевода понятно.

Феликс съезжился в уголке дивана и что-то слабо повизгивал в ответ. Слушая его речи, Максимилиан зеленел все сильнее, метался по кабинету и пару раз порывался вlepить Феликсу оплеуху. Я подумала, что он очень вовремя выбросил в кусты хлыст, и на всякий случай залезла на диван с ногами, пытаюсь выглядеть незаметнее.

Минут через пять Максимилиан перестал орать и перешел к действиям.

— Он нормально одет? — спросил он, указывая на Феликса. — Я имею в виду — по вашей моде?

Я взглянула на черные джинсы и водолазку и кивнула.

— Хорошо... — пробормотал Максимилиан. — Паспорта... Страна, год?

— Что? — удивилась я.

— Как называется страна, в которой вы живете? — требовательно рявкнул он. — Какой там сейчас год по вашему летоисчислению? Я же должен знать, что мне подделывать!

Я испуганно — не каждый день со мной вот так запросто говорили о подделке паспортов — сообщила ему нужные данные. Он куда-то позвонил, затем велел нам сидеть в кабинете и никуда не выходить и ушел. Феликс зашевелился, выбираясь из угла. Я посмотрела на него и спустила ноги на пол.

— Он все сделает, — прошептал Феликс. — У него есть возможности... доступ, понимаете?

Я пожалала плечами. Не понимала я ничего, но признаваться в этом не хотела. Главное — есть надежда, что Максимилиан заберет из маминой комнаты Феликса и каюк, и я смогу жить нормальной человеческой жизнью. А лестницу в стене я быстро забуду. У меня психика крепкая, с двумя мужьями развелась — и ничего, выдюжила. Все равно эта история похожа на сон после просмотра фантастического кино с пивом, выкину из головы и дело с концом.

В кабинет влетел Максимилиан в джинсовом костюме и кроссовках. В руках у него была барсетка и два паспорта.

— Так — нормально? — спросил у меня он, дергая себя за ворот рубашки. — Или что-то еще?

— Вообще-то куртку надо, — ответила я. — Но если вы на улицу выходить не собираетесь...

— Как знать, — буркнул он и снова исчез.

Вернулся он в кожаной куртке, залез в ящик стола, вытащил оттуда какие-то бумаги, сунул в барсетку и проговорил:

— Деньги взял, документы тоже взял... Да, Мария Александровна! Заберите свои доллары, мне чужого не надо.

Он впихнул мне пакет.

— Еще вопрос. Вы говорили, что полицию вызвала соседка. Что ее к этому подтолкнуло? Феликс сделал что-то по вашим меркам неприличное или незаконное?

— Ничего особенного он не сделал! — отмахнулась я. — Просто так сложились обстоятельства. Она хотела неприятностей для меня. Из-за того, что ее бывший муж заглядывает ко мне в кастрюли. Понимаете, она не умеет готовить и очень любит командовать! Она служила прапорщиком где-то на балтийской границе — ходила со спаниелем и искала наркотики у туристов. Ее все слушались и боялись, мало ли, вдруг собака возле чемодана сядет. А теперь на нее никто не обращает внимания и ей скучно.

Максимилиан хмыкнул и приказал:

— Двигаем! Надо торопиться! Вы как пришли?

— Через Прорву, — отозвался Феликс.

— Ты с ума сошел — девушку через Прорву тащить? — возмутился Максимилиан. — А если бы у кого выиграло и налетели? Ты хоть о чем-нибудь думаешь кроме своих экспериментов?

— Не выиграло же... — пожал плечами Феликс.

Максимилиан тяжело вздохнул. Взял меня под локоть и открыл дверь кабинета. Вышли мы не в коридор с гобеленами, а в громадный зеркальный зал, мгновенно заполнившийся отражениями нашей тройцы. Я увидела, как выгляжу со стороны, и окончательно расстроилась. Волосы всклокочены, лицо белое, как мел, очки отблескивают. Только оранжевые шлепанцы выглядят славным ярким пятном и привлекают внимание окружающих. Ну, Маша...

— Не бойтесь, — успокаивающе сказал Максимилиан и коснулся ближайшего зеркала.

Отражения закружились, превращаясь в вихрящиеся линии. Мы шагнули вперед и увязли в песке. Феликс что-то пробормотал на своем языке.

— Так безопаснее! — жестко отозвался Максимилиан. — С нами женщина, не забывай!

Я осторожно вытряхнула песок из шлепка, и, как выяснилось, не зря. Следующий шаг привел нас в лужу. Ноги моментально промокли. Максимилиан дернул меня за локоть и повел вперед. Я покорно потопала куда вели — выбора у меня все равно не было.

Мы шли по пыльной дороге из бетонных плит. Вокруг расстилался жуткий пейзаж — мертвенная пустыня, сухие искривленные деревья, усиженные стервятниками. Присмотревшись к тому, что вначале показалось мне булыжниками, я взвизгнула. На обочине дороги валялись человеческие черепа. Максимилиан обнял меня за плечи и доверительно сообщил:

— Если не сходить с дороги, здесь абсолютно безопасно. Тут нет сил, могущих осквернить путь.

— Нас засекут! — простонал Феликс.

Максимилиан что-то прошипел в ответ. Мы перепрыгнули через узкую канаву, пересекающую дорогу и неожиданно оказались на улице современного мегаполиса. Максимилиан уверенно потащил нас в магазин «Отделочные материалы», подмигнул продавщице, открыл дверь с табличкой «Служебное помещение».

— Куда вы? — завопила девица, отрываясь от стула.

Максимилиан втолкнул меня в темный проем, и я вышла в мамину комнату. На столе, поблескивая пирамидкой, лежал каюк. В дверь бились, собираясь сорвать ее с петель. Я обернулась. Братья дружно ступили на пол комнаты. Проем в стене затянулся, явив взору нетронутые обои с сиреневыми цветочками. Я порадовалась, что после этих приключений не придется делать косметический ремонт, и указала Максимилиану на дверь:

— Вот! Слышите?

Он кивнул. Сбросил на кровать куртку и рубашку, взъерошил волосы. Провел рукой над вертящейся пирамидкой каюка, и конструкция обратилась в макет Кремля, искусно склеенный из спичек. Я ахнула. Осмотрела спичечный Кремль, Максимилиана и спросила:

— А ваши рога... Они исчезли или мне их просто не видно?

— Какая вам разница, Мария Александровна? — гадко усмехнулся он, повернул ключ и распахнул дверь.

Дверь едва не сбила с ног Лизу, занесшую кулак для очередного удара. Увидев полуголового Максимилиана, она зарделась и медленно опустила руку. Я осторожно выглянула в коридор. Представителей власти в погонах там не наблюдалось. Я села на стул и стала наблюдать за развитием событий. Максимилиан оказался хоть чуток, да повыше Лизы, что было редким случаем — в основном мадам Сердюк окружали мелкотравчатые мужчинки, и смотреть на них снизу вверх она не привыкла. Встретив столь крупный, да еще и холеный экземпляр, Лиза заволновалась. Максимилиан молчал и смотрел ей в глаза.

— Доброе утро, — выдавила из себя Лиза и отступила на шаг.

— Доброе утро, — согласился Максимилиан и сделал шаг вперед, подходя к ней вплотную. — А я спал, знаете ли... И тут Мария Александровна брату говорит — вроде бы стучат, пусть Макс откроет. Ей почему-то показалось, что полиция пришла.

— Отчего же сразу милиция? — сдавленно проговорила Лиза, поправляя распущенные смоляные патлы.

— Мало ли... — уклончиво отозвался Максимилиан.

Исходившие от него волны сексуального обаяния временами захлестывали стул, на котором я сидела. Крепкий и опасный, как метиловый спирт, Максимилиан вызывал желание немедленно его попробовать. Пришлось повернуть голову и сосредоточиться на Феликсе. Тот грустно созерцал макет Кремля, время от времени ковыряя рассыпанные спички.

— А ведь мы с вами уже встречались, — негромко заметил Максимилиан. — Вы на меня, конечно, внимания не обратили — так, лицо в толпе... А я вас запомнил. Не каждый день на границе можно было увидеть красивую женщину в форме, у ног которой сидела очаровательная собачка.

— Вы помните Лаймочку? — подпрыгнула Лиза. — Я по ней скучаю! Не думайте, что она была игрушкой. Она была натаскана на наркотики и уверяю вас, дело свое знала!

— Не сомневаюсь! — улыбнулся он.

Лиза улыбнулась ему в ответ, еще раз окинула его цепким взглядом и сказала:

— Я, конечно, извиняюсь, что вас разбудила. Но я стучала по делу. Видела, что ваш брат здесь, хотела попросить его об одолжении. Мне надо вкрутить лампочку, а я страшно боюсь электричества.

— Я вам вкручу, — кивнул Максимилиан. — Брат пусть Марию Александровну развлекает.

— Казанские новости? — хохотнула Лиза.

Максимилиан накинул рубашку и снисходительно проговорил:

— Им есть что обсудить. У них столько тем, вы даже представить себе не можете. Пойдемте, посмотрим на вашу лампочку.

Он вывел Лизу в коридор, закрыл дверь. Стол подернулся зеленоватой дымкой, макет Кремля исчез и превратился в нестабильный каюк, поблескивающий хрустальной пирамидкой. Феликс ухватил кусок проволоки и стал прикручивать ее к торчащему выступу, что-то бормоча.

— Что вы говорите? — уточнила я.

— У вас очень распушенная прислуга! — возмущенно заметил Феликс. — Постоянно ломится в помещение, хотя я велел ей не входить, что-то требует. Увольте ее и наймите другую.

— Это не прислуга, — медленно отозвалась я. — Это соседка, Феликс! Я не могу нанять другую соседку.

— Соседка? — он на минуту оторвался от проволоки и сфокусировал на мне бездонные синие глаза. — А я думал, это ваша горничная.

— Это коммунальная квартира, Феликс! Здесь полно соседей. Я же вам все показывала и рассказывала!

— Боюсь, я не очень внимательно слушал, — признался он. — Меня больше интересовала стабильность полей. Эта комната мне подходит.

— Очень жаль, но вы мне не подходите в качестве квартиранта! — заявила я. — Забирайте деньги, забирайте свой каюк — вас с братом двое, как-нибудь унесете, и уходите. Хоть сквозь стену, хоть сквозь пол, меня это не волнует. Даю вам час на сборы. Вы слышали, что я сказала? Или мне повторить?

— Не напрягайтесь, Мария Александровна! — посоветовал возникший на пороге Максимилиан. — Работай, Феликс, не отвлекайся. Я все улажу.

Феликс тут же перестал обращать на меня внимание. Достал из своей сумки что-то, отдаленно напоминающее елочную гирлянду и привязал ее к проволоке. Я повернулась к Максимилиану. Он скрестил руки на груди и скучным тоном сказал:

— Надо выполнять свои обязательства, Мария Александровна. Вы с братом вчера заключили договор. Вы сдали ему комнату, он заплатил вам за нее деньги, и теперь имеет право жить в ней два месяца. Вы ведь взяли крупную сумму в долларах?

Я вспыхнула.

— Взяли? — повторил Максимилиан.

У меня возникли десятки вариантов ответа: «Я вам их уже три раза возвращала», «Подавитесь вы этими деньгами», «Так и знала, что это какая-то наколка!» и так далее... Но под пристальным взглядом Максимилиана буркнула:

— Да. Взяла.

— Вот и славно, — кивнул он. — Конфликтов с соседями и полицией не будет, я вам обещаю. Паспорта у меня есть. Если возникнут еще какие-то проблемы, я все решу. Пусть Феликс спокойно работает. Не волнуйтесь, мы здесь долго не задержимся.

— Вы что, тоже собираетесь здесь жить? — удивилась я.

— Да, — ответил он. — Так будет удобнее.

— Но...

Я вспомнила роскошный парк, гобелены, резные колонны. Уходящий в небо шпиль замковой башни и выпалила:

— Вам здесь не понравится. У нас воды горячей в душе постоянно нет и в туалет по утрам очередь!

— Ничего, — усмехнулся он. — Я справлюсь. Я уже договорился с Лизой, она будет стирать нам трусы и носки. Так что не разубеждайте Феликса, пусть думает, что это горничная.

— Вы... вы... — я вскочила со стула. — Это неспроста, вы что-то замыслили! Он — понятно, он вечный двигатель собирает! А вам-то здесь что понадобилось?

— Бракоразводные дразги, Мария Александровна, — весело ответил Максимилиан. — Как вы поняли, я в данный момент развожусь с женой. По нашим законам ее адвокат должен в трехдневный срок вручить мне письменную претензию на раздел имущества. Если же он меня не найдет... Впрочем, у нас очень сложное брачное законодательство, в нем много тонкостей, а я не хочу загружать вас лишней информацией.

— Вот как... — задумчиво протянула я.

— Да, вот так, — ответил он. — А сейчас, если вам не трудно, оставьте нас с братом вдвоем. Когда у меня возникнут какие-то вопросы бытового плана, я позволю себе вас побеспокоить. Договорились?

Я молча вышла из комнаты. Оглядела коридор. Лиза шепталась с Амалией. Увидев меня, они вздрогнули и спрятались по комнатам.

«Боже мой, во что я позволила себя втянуть? — тоскливо подумала я. — Я пустила жить в мамину комнату двух рогатых демонов с поддельными паспортами, которые собирают взрывоопасный каюк. Почему я не нашла в себе сил их выгнать? Или... или это какая-то демоническая магия?»

Глава 3

Старый маг Пальмирус знал, что его считают выжившим из ума. Но его это несколько не волновало. За свою жизнь он заработал немало полновесных золотых монет — только десять лет службы при дворе Альбина Жестокого принесли ему целое состояние. Теперь он мог позволить себе удалиться от дел и отдаться единственному увлечению, с годами, пожалуй, превратившемуся в манию. Пальмирус коллекционировал и изучал вещи, принадлежавшие таинственной расе Пришельцев. Скупал он и рукописи, в которых были упоминания о встречах с Пришельцами, не теряя надежды, что ему где-нибудь попадет крупная информация о принадлежащих ему артефактах. Именно бешеные суммы, которые он отдавал за старые пергаменты и ржавые, на взгляд непосвященного, железки, и снискали ему славу столичного сумасшедшего.

На данный момент в коллекции Пальмируса было около двух десятков вещей, несомненно, являвшихся изделиями Пришельцев. Три огромных зала вмещали в себя предметы, находящиеся под сомнением — в них крылась магическая сила, но ее природу Пальмирус определить не сумел. Хотя среди этих предметов, быть может, находились

артефакты более ценные и пригодные к делу, Пальмирус откладывал их изучение до лучших времен. В данный момент он занимался исследованием самого загадочного экспоната своей коллекции — хитро сплетенного обода из серебряной проволоки размером с тарелку. Большинство проволочек было безжалостно помято, местами разорвано, а прикрепленная оправа для камня пострадала от варварской попытки оторвать ее щипцами. Однако изделия Пришельцев отличались прочностью и стойко сопротивлялись вандалам.

Пальмирус сел за стол и приступил к ежедневной монотонной работе. Почти год он расправлял и выпрямлял проволочки, пытаясь придать ободу прежний вид и восстановить сложный узор плетения. В то время как руки занимались делом, мысли старого мага потекли в привычном направлении. Он стал рассуждать о таинственной силе Пришельцев, загадке их путешествий по мирам и причине исчезновения.

— Ох-ох-ох... — кряхтел он, отгибая искореженный кусочек проволоки. — Что — правда? Что — ложь? Влияние взглядом... навязывание своей воли... Все это, простите, хорошо наедине. Подошел Пришелец ко мне, предложил: отдай ободок, Пальмирус. Я размяк и отдал. Предположим... Хотя я с моим драгоценным ободком не расстанусь, как ты меня не убеждай. Но как они могли воздействовать на толпу? Как навязать волю одного человека разношерстной массе индивидуумов? Что им помогало? Допустим, такой вот ободок, надетый на голову...

Пальмирус любовно погладил отполированную часть проволоки. Серебро потеплело от прикосновения его руки.

— Венец власти... — пробормотал он. — Как же заставить тебя работать, славный мой? Ключевое слово? Активирующее заклинание? Тайных выступов, на которые можно нажать, в тебе нет. Знать бы еще, что за камень тебя украшал... Эх, ведь выковыряла же какая-то пьяная солдатня, да пропила в кабаке за бесценку! Ох, горе, горе... Знал бы, где искать, выкупил бы за любые деньги!

Обод ярко вспыхнул, заставляя мага в страхе отдернуть руки. Из мятой оправы для камня вырвался тонкий оранжевый луч, устремился к окну и вылетел на улицу. Пальмирус поспешно проговорил заклинание Слежения и мысленно последовал за оранжевой нитью.

Через час столицу всколыхнула волна слухов. Пальмирус Безумный, оправдывая свое прозвище, вломился в спальню графини де Астильяк, вытащил из кровати ее любовника королевского гвардейца Бриссана, и потребовал срочно продать ему серебряные ножны от шпаги, украшенные чеканкой и драгоценными камнями. Памятуя о рассказах, неприглядно живописующих деятельность Пальмируса при дворе Альбина Жестокоего, Бриссан отказать магу не посмел. Внакладе он не остался — Пальмирус отвалил за ножны кругленькую сумму, а графиня за моральный ущерб получила загадочный флакончик из темного стекла, который спрятала в тайнике, уложив в хитроумно запирающуюся шкатулку.

Пару дней возле дома Пальмируса отирались толпы подозрительных личностей, желавших продать магу различные оружейные принадлежности, зачастую находившиеся в отвратительном состоянии. Дворецкий Пальмируса холодно сообщал посетителям, что чародей очень занят и в ближайшие несколько недель приема вести не будет. Вскоре ажиотаж стих, и улочка перед особняком мага приобрела привычный чинный вид, не омрачаемый живописными группами бродяг. И только ночные прохожие, замечавшие яркий магический свет в окнах второго этажа, привычно бурчали себе под нос:

— Опять чудит, старый безумец... Хоть бы дом не взорвал, а то будет нам!

А свет в окнах горел почти каждую ночь — Пальмирус упорно пытался вернуть ободу

первозданный вид и примерял к оправе камни из ножен Бриссана. К сожалению, после появления луча, обод вновь стал мертвым изделием из металла. Он не откликнулся на подносимые к нему камни, не реагировал на заклинания, в общем — мятая неодушевленная железяка. Но Пальмирус, вдохновленный внезапным магическим проблеском, не унывал. Он рассортировал камни по размеру, отдельно отложил сапфир и розовый агат, идеально подходящие к оправе. И занялся подготовкой к прочтению заклинания Воссоединения.

Заклинание было сложным, работало только в полнолуние, требовало соблюдения разнообразных предварительных ритуалов, включавших убийство черного барана. И. что самое противное, присутствия второго мага, который должен был помочь Пальмирусу сфокусировать энергию на камнях.

Кандидатуру помощника Пальмирус выбирал долго и тщательно, почесывая лысину. Обращаться к старому товарищу Метрополису ему не хотелось. Ушлый приятель прекрасно знал цену вещей, принадлежавших Пришельцам. И если при слиянии с камнем обод проявит хоть малейший признак магической силы, Метрополис вцепится в него, как клещ и Пальмирусу придется тратить драгоценное время на борьбу с равным соперником. Перебрав и отбросив всех известных ему столичных магов, Пальмирус остановился на Прибое Драконоборце.

Молодой маг обладал недюжинной как чародейской, так и физической силой, что было немаловажно при жертвоприношении барана, и изделиями Путников совершенно не интересовался. Он уже третий год курсировал между ресторанами и борделями, пропивая гонорар, выплаченный ему парламентом за победу над залетной виверной. Пальмирус знал, что последние пару месяцев Прибой посещает бордель в кредит — гонорар-то закончился, и собирался попросту предложить ему небольшую сумму за участие в сотворении заклинания.

Гонец, высланный к Прибою, вернулся с лаконичным ответом «Всегда готов». Пальмирус вздохнул с облегчением — мало ли какая вожжа может попасть под хвост молодому чародею, возмнившему себя драконоборцем, и отправился на пригородную ферму за бараном.

Прибой, в свою очередь, через пару часов оправился от приступа жестокого похмелья и сильно пожалел, что не поторговался с гонцом Пальмируса.

— Надо было сотню просить... — бурчал он, разыскивая разбросанную по комнате одежду. — Барана-то резать... Фу!

Тем не менее, даже пятьдесят золотых были немалым подспорьем в запутанных денежных делах Прибоя. Он кое-как оделся, пригладил буйные кудри и обошел близлежащие магазинчики, погашая самые неотложные кредиты за счет аванса, выданного гонцом. Через час столица бурно обсуждала потрясающую новость: известный драконоборец оказал честь безумному Пальмирусу, согласившись сотворить для него одно из сложнейших заклинаний века.

— Дорогая моя! Старость надо уважать. К тому же мы, чародеи, обязаны поддерживать друг друга в трудную минуту, — снисходительно объяснял Прибой графине де Астильяк, столкнувшись с ней возле ювелирной лавки. — Как знать, может быть и я, когда одряхлею, буду вынужден просить помощи у молодых и талантливых собратьев.

— А мне старик показался весьма... — задумчиво ответила графиня и, не слушая дальнейших речей Прибоя, вошла в лавку.

Расплатившись с первоочередными долгами, Прибой спустил остатки золота на кутеж в модном кабачке «Летучая рыбка». Предложение Пальмируса укрепило его пошатнувшуюся

финансовую репутацию — лавочки, кабатчики и даже хозяйки борделей с уважением выслушали заявление «Заплачу из денег Пальмируса». Все знали, что в скупости старый чародей не замечен и три дня до сотворения заклинания Прибой прожил без особых хлопот.

К Пальмирусу он явился на пару часов раньше назначенного времени. Как Прибой и рассчитывал, старый маг окинул его насмешливым взглядом и отправил на кухню поужинать с бокалом вина. Там известный драконоборец быстро обаял кухарку, съел добавочную порцию тушеного мяса и мирно задремал у очага, наслаждаясь приятной сытостью и временным покоем.

Пальмирус разбудил его в десять вечера, и, не слушая нытья о прибавке к гонорару, погнал в зал, где на привязи томился баран. Агнец заклания успел навалить дурно пахнущую кучу на роскошный паркет Пальмируса и бил копытами по благородному дубу, оставляя на нем вмятины.

«Ремонт старику в монетку не обойдется!» — ехидно подумал Прибой. А вслух спросил: — Слушай, Пальмирус! А чего мы сливать-то будем? Потому как ежели живых тварей, то я меньше чем за пять сотен...

— Опомнися! — хихикнул старый маг. — Разочарую. На пять сотен не рассчитывай. По ювелирке поработаем.

Прибой присмотрелся к разложенным на столе вещам. Мятый серебряный обод, подносы с драгоценными камнями. Богатые у старика увлечения, что и говорить...

Ритуал откатали, как по маслу — Прибой еще не утратил навыков, вбитых ему в чародейской школе, а Пальмирус работал так, что хоть в учителя бери.

Последние слова заклинания повисли в воздухе. Ни сапфир, ни розовый агат, лежавшие в круге на отдельных подносах, не шелохнулись. Зато из кучи камней на соседнем столе выпрыгнул грубо обработанный александрит с неровными гранями, и как влитой встал в оправу обода. Пальмирус издал ликующий крик, схватил обод. Повертел его в руках и напялил себе на голову.

Прибой почувствовал присутствие чужеродной силы, пробивающейся в зал извне. Александрит ярко полыхнул — от начального голубого проблеска до мощного багрового аккорда. Пальмирус дико заорал, сорвал с себя обод и кулем рухнул на пол. Прибою хватило одного взгляда на перекошенное лицо, чтобы понять — гонорар ему никто не заплатит. Чужая сила исчезла. Обод повертелся на забрызганном кровью паркете и подкатился к ногам Прибоя. Действуя как во сне, драконоборец спрятал обод в потайной карман мантии, сгреб с подносов драгоценные камни — не кухарке же их оставлять! — и покинул дом Пальмируса через окно первого этажа.

Пробежав кварталов десять по ночным улицам, он перешел на шаг и призадумался. О его предстоящей работе с Пальмирусом знали все. Даже если отбросить показания слуг, которые видели его вечером в доме, столичные чародеи все равно не поверят, что он отказался творить совместное заклинание и оставил Пальмируса работать одного, живого и невредимого. Ссориться с чародейским Советом Прибою не хотелось. Да и заклинания, которыми они вытягивали правду из нарушителей закона, могли принести непоправимый вред его здоровью.

Он пометался по темным переулкам. Выпил вина в какой-то харчевне, вновь побрел в ночь, не в силах принять правильное решение. И вдруг впереди, в десятке шагов от него, вспыхнул невиданный ослепительно-желтый свет. Легко затмевавший яркие окна королевского дворца, по традиции освещаемые сотнями свечей. Возникший прямоугольник,

напоминающий дверной проем, горел ровно, без колебаний, копоты и чада. Завороженный Прибой сделал несколько шагов и заглянул внутрь.

Его взору предстала комната, обставленная странной мебелью. В центре, на столе, лежала диковинная, несомненно магическая конструкция, испускавшая импульсы, подобные заклинанию Воссоединения, только слишком ровные и неодушевленные. Стоявший возле конструкции рогатый темноволосый тип коснулся хрустальной пирамидки и вскрикнул. Рядом с ним мгновенно возник второй рогоносец. Он повернул голову и встретился взглядом с Прибоем, приковав его к месту.

Драконоборец ощутил мощь незнакомой силы, скорее всего и упокоившей старого Пальмируса. И понял, что не сможет ей противостоять. Во взгляде рогатого было что-то парализовавшее его волю и способность к сопротивлению.

Рогатый шагнул, протянул руку. В голове Прибоя прогремело: «Верни немедленно!». Он, всхлипывая от страха, полез в потайной карман мантии за ободом, потерял равновесие и рухнул на мостовую. Когда он поднялся, желтый проем уже исчез. Так же неожиданно, как появился. Прибой повертел в руках обод и принял решение.

В половине четвертого утра он дернул за веревку тайного колокольчика у задней двери дома Метрополиса. Бывший одноклассник Пальмируса открыл дверь сразу, словно стоял и ждал его звонка.

— Ну, что расскажешь? — прошептал он. — Пальмирус был хорошим магом. Есть какие-то разумные объяснения?

— Тысяча золотых, и ты сам выясняешь у этой штуки, как ей это удалось, — ответил Прибой и продемонстрировал Метрополису край обода. — Иначе мне придется отдать ее Совету.

Метрополис осторожно коснулся обода. Кивнул и исчез в глубине дома.

«Кажется, я опять продешевил...» — подумал Прибой, пряча в потайной карман мешочек с золотым монетами.

Впрочем, когда он вспомнил о камнях, прихваченных из дома Пальмируса, его настроение улучшилось. Он, слегка кособочась из-за тяжести мешка, направился на поиски конюшни. Сейчас Прибоя интересовал только резвый конь, способный долго и быстро нести его вдаль от столицы. А там...

Маленькие городки любят, когда у них есть собственный маг. Хлопот у чародея-провинциала немного — хорошая погода к ярмарке, да праздничный фейерверк по поводу королевского дня рождения. Зато свежий воздух, домашнее вино, сеновалы с девками...

«Может быть и бордель найдется!» — успокоил себя Прибой Драконоборец и ускорил шаг.

Глава 4

Я лежала на диване, созерцала потолок и остро завидовала людям, живущим в отдельных квартирах. Такие приступы со мной случались регулярно: зайдешь в общий душ, наступишь на чужой обмылок и долго, со вкусом, кроешь соседей и мечтаешь о личной ванной комнате. О железной входной двери на лестничной площадке, в которую незваные гости позвонили-позвонили, да и ушли. А не молотят кулаками, подбадриваемые воплями Амалии «Стучи, стучи, она дома! Я ее только что видела». Об отдельной кухне, где в кастрюлю не будет совать нос полковник и его гости...

Но что делать, если другой квартиры у меня нет? Заработать на новую я не смогу — нет у меня никаких высокооплачиваемых талантов. Нет ни богатых покровителей, ни умения

складывать копеечку к копейке, экономя на спичках. Ипотеку без первого взноса банк мне не одобряет, а мама не особенно-то рвется продавать наши комнаты. Как доходит до дела, сразу начинает вспоминать, как они с моим отцом получали комнату от завода, как потом смогли получить вторую... на этом разговоре обычно все и заканчивается: продавать комнаты дешево мама не хочет, а дорого никто не покупает.

Я всегда старалась подбадривать себя тем, что жилье пусть не ахти какое, но свое. Не так как у Амалии с Розочкой, имеющих временную регистрацию и зависящих от милости переселенческого фонда. В последний год большим подспорьем в убеждении служил вид Вовчика с Ленкой. Я почти перестала себя жалеть — ведь люди снимают у меня кусочек моей коммуналки, платят мне за это деньги и переживают, как бы я их не выгнала на улицу. Радоваться надо, что я сама не в таком же положении!

Но сегодня привычные аргументы не успокаивали. Мысль о сдаче жилплощади внаем раздражала, как ноющий больной зуб. Бесил трубный бас Амалии, доносившийся из кухни, грохот ее сковородок, переплетавшийся с визгливым смехом Лизы. Но больше всего меня злил тот факт, что обе старые клуши вьются вокруг Максимилиана, сидящего на столе перед плиткой Амалии и поедающего блинчики со смородиновым вареньем.

«Хоть рогов сейчас не видно, — уныло подумала я. — Впрочем, Лизу уже ничего не смутит — ни рога, ни хвост!»

В кухне раздался дружный хохот.

— Когда мы жили в Тбилиси... — завела любимую песню Амалия.

Барон прислушался к хохоту, зевнул. Уверенно направился к двери и стал царапать ее лапой. Что же, этого следовало ожидать. Пес привык два-три раза в день выходить во двор, гулять и справлять естественные потребности. И никакие рогатые квартиранты не должны ему в этом мешать.

Я щелкнула замком, открыла дверь. Барон уверенно потрусил к выходу.

— Ой! Там же подъезд закрыт! — подпрыгнула Лиза. — Сейчас, Барончик, сейчас...

— Я его выпущу! — слез со стола Максимилиан. — Пойдем, Барон, я открою.

Я хотела посоветовать ему: не тяни руки к собаке. Укусит — мало не покажется. Люди смотрят на колли, умиленно говорят «Лесси» и пытаются погладить по мягкой шерсти. Никто не задумывается о том, что перед ними стоит самая настоящая овчарка, у которой мощные челюсти, острые зубы и, возможно, вздорный нрав. Колли — добрые собаки, считает народ. Боже, как они ошибаются!..

Я открыла рот, чтобы холодно сказать «Это не Лесси», как вдруг сообразила, что Максимилиан, скорее всего не поймет моего замечания. Вряд ли он смотрел старое кино и одноименный телесериал. Пока я мучительно подбирала нужные слова, Барон понюхал протянутую к нему руку. Одобрительно фыркнул и они с Максимилианом затопали по лестнице.

— Извините... — проговорил Феликс, выглядывая из маминой двери. — Простите... Я хотел бы вас побеспокоить... Можно вас на минуточку?

Я взглянула в его чистые, сияющие синевой глаза, и поняла, что он опять забыл, как меня зовут. Замечательно, что и говорить!

— Я вас слушаю.

— Зайдите, пожалуйста, — оживился Феликс. — У меня к вам просьба.

Я вошла в комнату. Каюк оброс деталями, на полу змеились длинные черные шнуры. Не провода, нет. Черные, странно пахнущие веревки с равномерно вплетенными красными

бусинами. Я на всякий случай взглянула на электросчетчик — может, там так мотает, что никаких тысяч баксов не хватит? Нет, все как обычно.

Феликс переминался с ноги ногу.

— Я вас слушаю, — повторила я.

— Вы не могли бы сменить кухарку? — умоляюще попросил он. — Я доплачу вам за беспокойство. Понимаете... тесто невкусное, начинку почему-то подают отдельно, и она тоже невкусная!

Я посмотрела на стопку блинчиков, изготовленных Амалией, банку яблочного повидла, сиротливо притулившуюся рядом с каюком, и злорадно подумала, что смородиновым вареньем Максимилиан брата не угостил.

— Видите ли, Феликс, — ласково сказала я. — Амалия...

— Служит у Марии Александровны уже много лет! — радостно проорал Максимилиан возникая на пороге. — Она прекрасно готовит традиционные для этого мира блюда. И если они не пришлись тебе по вкусу, это твои проблемы! Терпи, домой вернемся, там пожрешь. А Марию Александровну по пустякам не беспокой. Она и так для нас много сделала. Работай, давай! Заземление до сих пор не поставил... А если гроза?

— Да, да... — закивал Феликс и подобрал с пола веревку.

Максимилиан взял меня под локоть.

— Андрюха спрашивает, чем ты у Барона глистов выводишь, — озабоченно сообщил он. — Я сказал, что не знаю, и лучше тебя приведу, чтобы ты все объяснила. Он Фердику лекарство какое-то импортное купил, а теперь сомневается...

— Вы уже и с Андреем подружились! — ахнула я, вырывая руку.

— Нормальный пацан, — пожал плечами Максимилиан. — Отчего же не подружиться? Пойдем, выпьем пива на свежем воздухе. На брудершафт. А то, как неродные — вы, Максимилиан, вы, Мария Александровна. Мы же все-таки родственники! Хоть и казанские. Тетушкино наследство доставили, не украли по дороге.

Я посмотрела на ехидную усмешку и выпалила:

— Сегодня утром вы напомнили мне, что я заключила с вашим братом сделку. Я взяла у вас деньги и сдаю вам комнату. Я не отказываюсь от своих обязательств. Но в них не входит панибратство с квартиросъемщиками и распитие слабоалкогольных напитков в их обществе!

— Вот так, да? — тихо спросил он. — Ты меня боишься или тебе противно?

— Я... — я вспомнила подходящее слово и высокомерно заявила. — Я не желаю с вами корешиться!

— Макс! — завопили во дворе. — Иди сюда, пиво греется! Роза уже тарань почистила и порезала. Закусон готов!

— Иду! — крикнул в форточку Максимилиан.

— У вас тут и так цветник, — ядовито заметила я. — И Розочки, и Лизочки... как-нибудь не заскучаете. А обращение на «вы» для дальних родственников вполне приемлемо. Будем считать, что вас мама хорошо воспитывала.

— Она так и делала, — серьезно ответил он.

Я вернулась в свою комнату и бессильно слегла на диван. Что же это творится? Даже подозрительный к незнакомцам Андрей вспылал к Максимилиану теплыми чувствами! Про Розу я молчу. Эта ни одних брюк мимо не пропустит. Но Андрей!..

Неужели я, без всяких подписей кровью, заключила сделку с дьяволами? И впустила в наш мир зло, которому для начального этапа хороша и коммунальная квартира? Может быть,

сходить в церковь, попросить святой воды, обрызгать комнату и Максимилиана с Феликсом? Хотя жалко будет, если Феликс исчезнет. Он ведь такой красивый! Он не может быть исчадием зла. Просто рассеянный изобретатель вечного каюка, которому не нравятся блинчики Амалии.

В раздумьях о зле, красоте и добродетели, я немного задремала. Из плена завораживающих снов, в которых полуголый Феликс в черной маске собирал каюк на плите Амалии, меня вырвал Барон. Он потребовал вечернюю порцию сухого корма. Пришлось встать, насыпать корм в миску. Налить в другую миску чистую воду, а заодно поставить чайник на плиту — квартиранты не повод морить себя голодом. Надо хоть чаем с бутербродами поужинать.

Эти обыденные действия привели к неожиданному результату. Я узнала, что моему казанскому двоюродному брату не удалось обаять всех без исключения. Исключением оказался Жека, восплаивший к моей новой родне жгучей ненавистью. Судя по всему, огромную роль тут играл звонкий смех Лизы, кормившей Максимилиана лапшой у себя в комнатке.

— Что это за хмыри? — шипел мне Жека, наваливаясь на плиту. — Маша! Ну, приехали, привезли деньги. Это я понимаю. Это святое. А с какой стати они здесь жить остались? Пусть валят в гостиницу! У нас тут и так народу полно, в кухне не провернешься. Ты, Маша, о соседях совсем не думаешь!

— Я позориться и выселять братьев в гостиницу не собираюсь, — сухо сказала я. — Все соседи довольны. Я не понимаю, что тебе не нравится.

— Мне не нравится, как они себя ведут! — окрысился Жека. — Эти заявления — Лиза, постирай носки и все такое прочее. Лапша ему несоленая, диван жесткий. Аристократ хренов!

— Так оно и есть! — рассмеялась я и ушла, оставив полковника в глубоком недоумении.

Барон быстро поужинал и снова попросился во двор. Удерживать собаку было глупо — он и так терпеливо пережил затворничество из-за скандалов с Лизой. Что ж теперь, из-за Жеки его запирают?

Я заварила термос чая, приготовила тарелку бутербродов — пошла в ход колбаса, недоеденная на дне рождения. Порадовалась, что купила в киоске пакет карамелек, и улеглась на диване с книжкой. Дверь оставила приоткрытой, чтобы не вскакивать, если Барон тут же вернется.

Я откусила бутерброд, пожевала. Что за?.. Опять! Я выплюнула длинную белую волосинку и пообещала себе завтра же вычесать Барона. Кардинальной перемены от этого не будет — все владельцы колли знают, что собачья шерсть способна проникнуть куда угодно. Ее можно найти в середине праздничного пирога, запечатанной пачке масла, в банке консервов... А уж сколько шерсти скатывается, если провести мокрыми руками по выходным штанам! Причем на коричневых брюках всегда много белой, а на белых — рыжей. Закон линьки.

Я внимательно осмотрела нетронутые бутерброды. Сняла с них рыжую шерстинку и попыталась отрешиться от действительности, погрузившись в книгу. Перечитывать сказки бабушки Нортон было легко и приятно. Мужественные космопроходцы, вооруженные лазерными резаками, вытеснили у меня из головы свою собственную фантастическую ситуацию. Уютно свернувшись под пледом, я ушла в звездный мир космодромов и фотонных двигателей.

А утром, продрав глаза, поняла, что рядом со мной на диване кто-то спит. Я нашарила очки, соскользнувшие на подушку, водрузила их на нос и обомлела, увидев Феликса. Из-под пледа торчали пятка и голое плечо, левый рог угрожающе утыкался в подушку, а на стуле были грудой свалены мужские вещи.

«Интересно, он в трусах спит, или Лиза их постирать взяла?» — спросонья подумала я и тут же взвилась как ужаленная.

От сотрясения дивана Феликс заворочался и приоткрыл один глаз.

— Что вы делаете в моей постели? — взвизгнула я.

— Сплю, — пробормотал он и потянул на себя плед.

— А почему здесь? — ошалело спросила я.

— Макс велел, — ответил он, завернулся в плед и тихо захрапел.

Кипя от негодования, я привела себя в порядок и кинулась в мамину комнату. Дверь оказалась незапертой. Каюк на мгновение превратился в спичечный Кремль, затем перестал придушиваться и вновь завертел пирамидкой. Я схватила дрыхнувшего Максимилиана за рог и сильно дернула, с облегчением отметив, что никакой Розочки в маминой кровати нет. Только борделя мне тут не хватает!

— Доброе утро, Мария Александровна! — поприветствовал меня он, садясь на постели. — Вы уже проснулись?

— Я требую объяснений! — отчеканила я. — С какой стати вы прислали ко мне спать Феликса? Я сдаю вам одну комнату, а не комнату и свой диван! Надо было сразу подумать о том, как вы будете здесь размещаться.

— Я подумал, что вам одиноко, и вы по нему скучаете, — невинно ответил Максимилиан. — Позвольте напомнить, что когда вы явились в мой дом, то сказали, что вы — любовники. А я знаю, что Феликс, хоть и рассеян, но умеет доставить женщине...

— Я сдаю вам комнату! — заорала я.

— Одно другому не мешает, — пожал плечами он и почесал голову, от чего рога растворились в воздухе.

— Не смейте больше так поступать! Мы с Феликсом не любовники. Я считаю крайне неприличным спать с незнакомым мужчиной в одной постели.

— Хорошо, Мария Александровна.

Я смерила его презрительным, как мне показалось, взглядом.

— Кстати, — улыбнулся он. — Вы знаете, что только что сделали мне крайне непристойное предложение?

— Когда?

— Когда будили. У нас женщина тянет руки к рогам мужчины, только если...

— Со своим монастырем в чужой устав не ездят! — отрезала я и удалилась, гордая собой.

— Мария Александровна, вы хоть поняли, что сказали? — вздохнул Максимилиан у меня за спиной.

«Что ему не понравилось? — призадумалась я. — А, наверное, поговорки такой не знает...»

Но Феликса на всякий случай толкнула в плечо — еще не хватало, чтоб он рассеянно завалил меня в койку, а минут через пятнадцать вежливо спросил: «Простите... А как вас зовут?»

Мне всегда казалось, что мужчина должен запоминать имена своих любовниц. Если

только он не пьян в доску. Впрочем, наблюдая, как Феликс одевается, я подумала, что надо было все-таки дергать за рог. Такой экземпляр бесхозно пропадает! Ну, сообщала бы ему почаще, что я — Маша. Можно бейдж на халате носить, в конце концов.

В дверь коротко стукнули. В комнату заглянул Максимилиан.

— Готов? — спросил он у Феликса. — Там чпок вылетел.

— Сейчас? — подпрыгнул тот.

— Пока мы спали, — недовольно ответил Максимилиан. — Я встал, смотрю, а он на полу валяется.

— Надо по округе прогуляться, — наморщил лоб Феликс. — Если произошел выброс, то диаметр может быть до двух километров.

Видимо, мое лицо как-то нехорошо изменилось. Максимилиан предостерегающе кашлянул, Феликс схватил водолазку. Они понеслись в мамину комнату, тихо переговариваясь на своем лязгающем языке.

— Если это радиация... — завопила я.

— Нет-нет, — обернулся Максимилиан. — Никакой радиации. Никаких химических отходов. Чисто семейное дело. Брат пытается вернуть фамильную реликвию. Не волнуйтесь, Мария Александровна!

Я ему не поверила и побежала следом. На полу валялось что-то, отдаленно напоминающее пробку от шампанского. Феликс покрутил ее в руках, пощелкал ногтем. Приткнул в дырку каюка и повернулся ко мне:

— Вы не подскажете, насколько карта города в смартфоне соответствует действительности?

— Довольно приблизительно, — ответила я. — А куда вы собрались, собственно?

— Феликса интересует этот район, — вступил Максимилиан. — Нам надо обойти окрестности и проверить, не лежит ли где-то наша вещь. Хотя вероятность спонтанного перехода очень мала, мы все равно обязаны отработать эту версию.

— Я пойду с вами, — неожиданно для себя заявила я. — Район знаю, как свои пять пальцев, мы тут по детству все проходные дворы облазили. Если что — помогу советом.

Максимилиан пристально посмотрел на меня, затем на Феликса и вежливо наклонил голову:

— Вы нас чрезвычайно обяжете, Мария Александровна!

Сборы были недолгими. Я поспешно натянула голубые джинсы и теплый свитер. Мазнула по губам розовой помадой и призадумалась. С какой стати я навязалась рогатым братьям в качестве экскурсовода? Из-за врожденного женского любопытства? Посмотреть, что они ищут? Или я чувствую вину перед людьми за то, что впустила в мир представителей зла и по мере сил пытаюсь ограничить их действия? Ведь если они начнут устраивать вселенскую катастрофу на улицах, я всегда могу позвать на помощь полицию! А уж brave парни в серой форме сначала эту парочку толпой затопчут, а потом будут разбираться, в чем дело. Можно осторожно намекнуть, что у них документы фальшивые? Нет, не стоит. У меня же первой неприятности появятся.

— Мария Александровна! — позвал Максимилиан.

— Да-да! — откликнулась я, так и не разобравшись в себе и не решив, что делать.

Мы, не сговариваясь, тихо прошли по скрипучему полу. Соседи мирно спали. Во дворе нас ослепила яркое солнце — последний день апреля обещал быть теплым и безветренным.

— Барон! — спохватилась я, увидев собаку. — Как ты выскочил? Пойдем домой. Домой,

кому сказала!

— Не прогоняйте его, Мария Александровна, — остановил меня Максимилиан. — Пусть идет с нами. Это придаст прогулке добропорядочный штрих — два казанских родственника помогают беззащитной девушке выгуливать собачку. Никаких объяснений уже не требуется, правильно?

Я с сомнением посмотрела на Барона, пожала плечами.

— Тогда я возьму поводок.

— Он не нужен, — отмахнулся Максимилиан. — Феликс! Что ты стоишь, как столб? Где проводник? Ты думаешь, я носом землю рыть буду?

— Да, да, — закивал Феликс, внимательно рассматривавший сарай.

Максимилиан надрывно вздохнул, подобрал пивную пробку, валявшуюся возле лавочки, и протянул Феликсу. Феликс сжал ее в кулаке, перевел взгляд на гараж Андрея. Через пару минут пробка выскользнула у него из руки и покатила к калитке. Барон глухо заворчал и вздыбил шерсть. Максимилиан потрепал его по спине, шагнул к калитке.

— Идемте, Мария Александровна! — позвал он. — Феликс! Ноги прилипли?

Мы вышли на улицу. Пробка, звеня и подпрыгивая на асфальтовых выбоинах, покатила налево.

— Что у нас в той стороне? — осведомился Максимилиан.

— Э-э-э... Мэрия, Федеральный арбитражный суд, городская больница, — стала перечислять я. — Белый Собор, ресторан китайской кухни...

— Достаточно, — остановил меня он. — Будем разбираться на месте. По каждому отдельному сигналу. Значит, так. Возьмите Феликса под локоть.

— Это имеет отношение к делу? — нахмурилась я.

— Да! — заверил меня Максимилиан. — Вы будете следить, чтобы он не потерялся. И не надо морщиться! Должен же кто-то за ним присматривать. Я вам доверяю родного брата, а вы!..

— Вы действительно братья? — не удержалась я. — Или это легенда для квартирной хозяйки? Слишком уж вы разные, Максимилиан!

— Братья, — ответил он. — Могу чем-нибудь поклясться, если это для вас имеет значение. Мы — сводные братья по отцу. Феликс! Скажи Марии Александровне, что у нас общий папа!

— Общий, — покорно подтвердил Феликс.

Я покачала головой и взяла Феликса под локоть. Мы прогулочным шагом двинулись по улице. Пробка дождалась, пока мы к ней подойдем. Подскочила и прокатилась метров на пять вперед.

— Это — проводник? — уточнила я. — А как он работает?

— Не забивайте свою хорошенькую голову глупостями, — улыбнулся Максимилиан. — Гуляйте, наслаждайтесь прекрасным днем и свежим воздухом. Кстати, вы с Феликсом — весьма симпатичная пара.

Я фыркнула. Интересно, какую цель преследует Максимилиан, пытаюсь свести меня с Феликсом? Беспокоится, что рассеянный братец остается без присмотра, когда он спит? Так можно Феликса Розочке подложить и проблем не будет. Хотя, да... Потом надо еще избавиться от Розочки! А это сложный вопрос. Что же, как бы то ни было, а на поводу у Максимилиана я идти не собираюсь. С мимолетными искушениями можно справиться, к красоте привыкнуть...

Феликс рванулся вперед. Я повела у него на локте и спокойно спросила:

— Нельзя ли помедленней?

— Там! — выкрикнул он и указал пальцем на отделение банка, в котором я обычно оплачивала коммунальные услуги.

Пробка повертелась у крыльца, запрыгала вверх по ступенькам. Проскользнула в открывшуюся железную дверь и скрылась в помещении.

— Что это за учреждение? — спросил Максимилиан, разглядывая зеленую вывеску.

Я коротко обрисовала ситуацию, крепко держа Феликса, который рвался войти внутрь. Покинувшая кассу старушка спрятала в сумку квиток квартплаты и осмотрела нас с нескрываемым подозрением. Максимилиан задумчиво почесал подбородок, скомандовал:

— Ждите здесь. Барон, пошли!

— Туда с собаками нельзя! — взвыла я. — Вас охрана выгонит!

— Мне — можно, — отрезал он и скрылся за железной дверью.

Через пару минут из кассы повалил народ, дружно ругавший проклятых террористов. В помещении кто-то истошно орал «Не раньше, чем через полчаса, я вам говорю! Ваня! Да выключи же ты рубильник!» Все это переплеталось с гулким, чрезвычайно довольным лаем Барона. Какофонию звуков заглушил мощный рев Максимилиана:

— Минуточку! Сейчас я позову эксперта, пусть посмотрит. Феликс! Иди сюда!

Феликс встрепенулся и побежал на зов. Я, не отпуская его локтя, проникла в сберкаассу. Отделение банка располагалось здесь еще со времен моей бабушки. Никаких новомодных хромированных стоек и зеленого стекла тут не было. Огромные комнаты на первом этаже купеческого дома встречали посетителей массивными бронзовыми люстрами с множеством лампочек, из которых горела хорошо если половина, а то и треть, широкими мраморными подоконниками, уставленными фикусами и китайскими розами. Под ногами скрипел вытертый паркет, а на потолке тянулся лепной бордюр из цветов, неплохо изученный мной за время стояния в очередях. Сохранил это потрепанное великолепие охранный ордер, особняк был памятником архитектуры — тут уж, хочешь не хочешь, а банку пришлось умерить аппетиты.

Феликс нагнулся. Подобрал с пола пивную пробку, швырнул ее вверх. Пробка прилипла к одной из люстр. Стекланные висюльки пришли в движение, комнаты наполнил мелодичный звон.

— Ваня! Выключи рубильник немедленно! — закричала полная дама в темно-синем шерстяном костюме.

Где-то в глубине подсобных помещений раздался щелчок и в комнатах воцарился загадочный полумрак.

— Стол давайте подвинем, — негромко распорядился Максимилиан. — Я сейчас влезу. Надо все проверить.

Полная дама, видимо, заведующая, энергично закивала и крикнула:

— Ваня! Иди сюда! Помоги товарищу стол подвинуть! Нет, нет, этот не берите! Он хлипкий, он вас не выдержит!

Максимилиан с охранником подтащили под люстру увесистый дубовый стол с намертво привинченными высохшими чернильницами. Барон, одобрительно улыбаясь, ткнул мне в колени. Псу все происходящее явно доставляло удовольствие. А вот мне — нет. Я поняла, что коммунальные платежи мне теперь придется оплачивать на Главпочтамте, где всегда длинная очередь и плохо пахнет расплавленным сургучом. Потому что больше я в эту кассу

ни ногой!

Максимилиан влез на стол, раскрутил лампу. Снял бронзовый обод, украшенный висюльками, и внимательно осмотрел.

— Что там? — взволнованно спросила заведующая.

— В лаборатории разберутся, — ответил Максимилиан, спрыгивая на пол. — Я вам расписку оставляю, через три дня ждите результатов. Ваня! Включай рубильник. Давай стол на место вернем, и можете спокойно работать. Благодарю всех за содействие.

Он вручил заведующей листок бумаги с криво нацарапанными каракулями, и мы покинули сберкассу. Обод, заботливо упакованный Ваней в пакет, почему-то достался мне. Некоторое время мы молча шли по бульвару. Наконец, я не выдержала и заявила:

— Я ваши ценности носить не нанималась! Забирайте его, пока он не взорвался!

Максимилиан взял у меня пакет и выбросил в ближайшую урну. Я остановилась, как вкопанная.

— Вы... вы же его выкинули!

— Он мне не нужен, — спокойно отозвался он. — Ошибка. Холостой выстрел.

— Вы... — от возмущения у меня перехватило горло. Я протолкнула комок и продолжила. — Вы устроили цирковое представление, помешали людям платить деньги, оторвали персонал от работы. А теперь, как ни в чем не бывало, выкинули пакет!

— Что ж мне его, на память оставлять? — огрызнулся Максимилиан. — Я вам ясно сказал — случилась ошибка.

— Я не знаю, как вам удалось произвести хорошее впечатление на заведующую, что она позволила... — прищурилась я.

— Просто попросил об одолжении, — ухмыльнулся он. — Мне редко отказывают. Это кафе? Давайте позавтракаем и решим, что делать дальше.

Я взглянула на вывеску «Русский чай» и предупредила:

— Здесь подают только блины.

— Ничего, — хмыкнул Максимилиан. — Я с удовольствием сравню их со стряпней Амалии Готлибовны.

Посещение «Русского чая» дало очко в пользу беженцев из Тбилиси. Феликс с ужасом осмотрел бледные желтые брусочки, из которых вытекало повидло, и завтракать отказался. Максимилиан слопал пяток блинчиков с капустой и три с клубничным вареньем, заставил нас с Феликсом выпить по чашке кофе и спросил:

— Ты новый проводник делать собираешься? Или мы домой пойдём?

— Да-да, — пробормотал Феликс и вытащил из стаканчика салфетку.

Из кафе мы пошли за скомканной салфеткой. Розовый комочек уверенно устремился по бульвару. Двигаясь за ним, мы вступили под сень Белого Собора. Я осмотрела моих спутников — не проявились ли у них рога от близости к храму? Нет. Да и на сам храм они никак не отреагировали. Скользнули рассеянными взглядами по золоченым куполам и сосредоточились на салфетке.

Розовый комочек привел нас в городской парк, где я купила булочку и покормила крошками прожорливых лебедей. Барон, бегавший по берегу пруда, восторженно лаял, пока один из лебедей не попытался ущипнуть его за нос. Максимилиан вступился за друга и швырнул в лебедя комком земли. В общем, от пруда мы драпали, не обращая внимания на салфетку, под возмущенные крики пенсионеров, гревшихся на лавочках. Выслушав летящие в спину замечания о распушенной молодежи, я твердо решила в ближайшие пару лет

исключить парк из прогулочных маршрутов. Лебедей я не видела, что ли? Тем более таких наглых!

— Проводник куда-то делся... — заметил Феликс, которого мы вдвоем тащили под локти.

Максимилиан осмотрелся по сторонам, повел носом, словно к чему-то принюхиваясь. Коротко сказал:

— Оно и к лучшему. Через забор, быстро!

Я уставилась на высоченную кованую решетку, увитую плющом.

— Мы с Бароном не перелезем!

Максимилиан что-то рыкнул на своем языке и толкнул Феликса в спину. Тот в одно мгновение вскарабкался по решетке и исчез за плющом. Максимилиан схватил меня на руки, встал на кирпичное основание и попросту перебросил через забор. Я взвизгнула, попала в объятия Феликса, который усадил меня на камень и поймал летящего Барона. С решетки спрыгнул Максимилиан и приложил палец к губам. Потрясенная внезапным полетом, я прижалась к нему, встала на цыпочки и прошептала в ухо:

— Что случилось?

Он наклонился, шепнул:

— Обход.

Осторожно отвел ветку плюща и указал мне на улицу. Я высунула нос в дырку. По проулку, вдоль клумбы, ковыляла высокая худая старуха в потертом пальто. Рядом с ней плелась дряхлая болонка, хромавшая на одну лапу. Максимилиан потянул меня за руку и хрипло попросил:

— Только не кричи. Если нас заметят...

Я посмотрела на него, на Феликса и невпопад отметила:

— А у вас рога появились!

— Они чуют иллюзию, — прошипел он. — Пес вынюхивает магию, понимаешь?

Я недоверчиво усмехнулась, приникла к дырке. И едва не заорала от испуга. Старуха с болонкой куда-то исчезли. По улице плавно двигалось нечто, закутанное в длинный темный балахон с надвинутым на лицо капюшоном. Рядом с существом шествовал огромный черный пес с налитыми кровью глазами. Я глухо пискнула в ладонь Максимилиана, предусмотрительно заткнувшего мне рот.

Небо потемнело, приобретая густой фиолетовый оттенок. Зашелестели невидимые крылья, и я поняла, что где-то рядом мечутся обитатели Прорвы. Из желудка поднялась ледяная волна ужаса. Пес повернулся и уставился на меня. Взгляд испещренных прожилками красных глаз словно подбивал: «Крикни. Крикни погромче и я избавлю тебя от этой рогатой обузы».

Я вцепилась в Максимилиана, спрятала голову ему под куртку. Услышала, как коротко и решительно гавкнул Барон, и провалилась в темноту. Затем был резкий запах нашатыря, свет, озабоченные голоса.

— Она не беременна? — деловито спросила женщина.

— Я не знаю, — тихо ответил Максимилиан. — Право же... Вы такие вопросы задаете.

— Вы — муж? — уточнила наглая особа.

— Он — двоюродный брат из Казани! — прошипела я, приподнимаясь на локте. — И я не беременна.

— Замечательно, милочка! — усмехнулась нахалка в белой шапочке. — У вас полис с

собой? Я должна оформить оказание первой помощи. Имя, фамилию скажите.

— Не надо ничего оформлять! — простила я, вспомнив собачий взгляд и леденящий ужас. — Я заплачу вам за беспокойство. Мы сейчас уйдем. Мы торопимся. Мне надо домой. Где мои очки?

Максимилиан достал из кармана мои очки, бумажник и улыбнулся медсестре:

— Я заплачу. Извините за беспокойство.

Не знаю, сколько он заплатил, но с территории городской больницы, на которую мы проникли через забор, нас провожали с почестями. Врач, заботливо поддерживавший меня за талию, помог Максимилиану усадить меня в такси. Медсестра, ставшая милой и приветливой, советовала поить меня крепким бульоном и кормить апельсинами. А увязавшаяся за нами санитарка гладила Барона и повторяла:

— Лесси! Умничка! А красавица какая!

Таксист почуял денежных клиентов. Это выразилось в деланном беспокойстве — удобно ли мне сидеть с Максимилианом и Бароном на заднем сиденье, вопросах, не дует ли Феликсу из форточки и прочей мелочной суете. Пока мы кружили по центральным улицам с односторонним движением, страх немного отступил. Однако, увидев у своей калитки старушку с фокстерьером, я категорически отказалась выходить из машины. Максимилиан успокоил таксиста щедрыми чаевыми, и мы просидели десять минут, пока старушка не исчезла из виду. Феликсу такое времяпрепровождение не понравилось. Он вздыхал, охал, пару раз пытался выйти наружу, и утих только после грозного окрика Максимилиана.

Уверившись, что старушка скрылась за углом, я резво добежала до калитки. Спряталась в подъезд, крикнула:

— Только не забудьте калитку захлопнуть!

— Конечно! — отозвался Максимилиан и грохнул замком.

— Простите... — дернул меня за рукав Феликс. — Я могу вас попросить об одном одолжении?

— Конечно, — машинально ответила я, думая, что речь опять пойдет о блинчиках Амалии.

— Вы с нами больше не ходите никуда, пожалуйста, — ровным тоном проговорил он. — Помощи от вас никакой, а неудобств целая куча.

Я на секунду остолбенела. А когда смогла двигаться, рванула вверх по лестнице, не обращая внимания на окрик подоспевшего Максимилиана. Барон глухо зарычал на Феликса и бросился за мной. Я добежала до своей двери, поспешно отомкнула замок. Заперла его изнутри, упала на диван и разрыдалась. Вроде бы, ничего оскорбительного в словах Феликса не было. Но мне почему-то стало ужасно обидно.

Да, от меня нет никакого толку в драке, я подслеповата и медленно бегаю, не владею рукопашным боем и стрельбой. Не могу быстро и ловко перелезть через забор, боюсь высоты, крупных насекомых и вздрагиваю, если за спиной раздастся громкий звук.

Но... Я же не причинила им никакого вреда! Совсем наоборот! Я показала им массу достопримечательностей и помогла Максимилиану отыскать в городском парке туалет. Хрен бы он сам нашел это замаскированное подземное помещение!

Я не пыталась сдать их властям и промолчала, когда эта мерзкая собака предлагала мне крикнуть. Я... я сделала все, что могла и даже больше! И что в ответ?

В дверь поскреблись.

— Мария Александровна! Это Максимилиан. Откройте, пожалуйста. Я хотел бы с вами

поговорить.

Я накрыла голову подушкой. Всхлипнула и горестно подумала: «Стучи хоть до посинения... Меня нет, я в домике!»

Глава 5

— Ой, а у нас на рынке сегодня такой ужас случился! — оповестила всех Розочка, поднявшись по лестнице. — Представляете, женщина в обморок упала и умерла! Ваших лет где-то, Елизавета Владимировна...

Лиза насупилась, поправила задорный желтый бантик в волосах. Повернулась к Максимилиану и спросила:

— Что-нибудь еще порезать?

— Нет, — покачал головой он, задумчиво рассматривая кастрюлю, в которой варилась курица.

На моем столе горками лежали нашинкованные помидоры, очищенная морковь, разноцветный болгарский перец, порезанный на четыре части, апельсиновые дольки и горсть замоченного изюма. Я покосилась на открытые банки маслин и маринованных шампиньонов, осторожно вытряхнула мусор с совка и пристроила веник в угол.

— А что это ты готовишь? — бесцеремонно сдвигая Лизу в сторону, поинтересовалась у Максимилиана Розочка.

— Бульон, — ответил он.

— Какой забавный рецепт! А еще у нас сегодня туалет на ремонт закрылся. Пришлось через весь рынок ходить, так я чуть...

— Роза! Ты уже пришла? — пробасила из комнаты Амалия.

— Да, мама! — отвлеклась от туалетной темы Розочка. — Вы на ужин что-нибудь приготовили?

— Блинчиков напекла, — отозвалась Амалия. — С картошкой. Будешь кушать?

— Попозже, — скривилась Роза. — Макс! Там Андрей скучает. Спрашивает, ты спустишься?

— Попозже, — кивнул Максимилиан. — Сначала бульон сварю.

— Давай я еще что-нибудь сделаю! — предложила Лиза, ловко отпихивая Розочку от плиты. — Я могу морковку потереть. Или порезать.

— Все уже готово, спасибо.

— Но я хочу что-нибудь для тебя сделать! — с придыханием проговорила Елизавета.

— Загляни к Феликсу, — пожал плечами он. — И если ему что-то надо...

Лиза увесисто наступила Розочке на ногу и, коротко стукнув в дверь, вошла в мамину комнату. Максимилиан слез с подоконника, развернул негодующую Розочку в сторону лестницы. Ласково сказал:

— Андрюха там заждался.

И легонько подтолкнул ее в спину. Розочка, возмущенно шипя что-то вроде «старперша целлюлитная», зацокала каблуками по коридору.

— Роза! Ты долго не засиживайся... — трубно взвыла Амалия. — А то я тебя утром не разбужу!

— У меня завтра выходной! — рывкнула труженица торговли. — У нас на рынке санитарный день! Оставьте меня в покое, мама!

Грохнула дверь подъезда. В кухне наступила блаженная тишина. Я поставила чайник на плиту, стараясь не задеть кастрюлю с бульоном. Да уж, завелось наше бабье... Делят моих

братьев из Казани, делят, да никак не поделят. Даже про полковника забыли, хотя до этого каждый день летали обвинения, что Роза специально голая зубы чистит, чтобы в его комнату переехать. Заварила Маша кашу!

А сама-то? Был бы Феликс кривым, хромым да лысым, не видать ему ключей от комнаты, как своих ушей. Кризис среднего возраста, что ли? Последние года три, после второго развода сижу в своей норе тихо, не высываюсь, с собакой к реке и то не хожу. Заказчики мои в вирте, вживую-то почти никого не вижу. Я сама, осознанно, спряталась от мира, в котором может кипеть подобие страстей. Ведь обжигалась уже на страстях, знаю, чем это может закончиться!

Первое мое замужество было респектабельно-унылым. После окончания училища я пошла работать по распределению в краевую научно-техническую библиотеку. В тот период в моей жизни тоже главенствовала скука. Пыльные стопки книг с загадочными названиями, наводящие тоску каталоги, толпы студентов, переговаривавшихся на малопонятном жаргоне.

Прилично одетый Игнатов, пригласивший меня тяпнуть лимонада после закрытия библиотеки, принцем не был — это я поняла с первого взгляда. Но бывшие сокурсницы стремительно выскакивали замуж, и я сначала привела Игнатова домой, чтобы он выпил с мамой чаю, а через пару месяцев, утешая себя тем, что он не скуп, не глуп и выше меня ростом, отправилась подавать заявление в ЗАГС.

И свадьба, и развод у нас были тихими. Переехала я к Игнатову, два года пожила в его квартире и вернулась домой к маме.

Начался новый виток размеренной жизни. Утренняя прогулка с Бароном — работа продавщицей в киоске фототоваров — вечерняя прогулка с Бароном. О новом замужестве, я, честно говоря, не помышляла. Все знакомые владельцы собак были поголовно женаты, покупатели фотопленки в киоске свиданий мне не назначали.

Мир перевернулся после бабушкиной телеграммы: «Сломала ногу срочно выезжай жду». Мама поспешно уволилась — она подрабатывала на пенсии помощником бухгалтера и уехала в поселок Морской. А я... Впервые в жизни я осталась без присмотра — до этого мама с Игнатовым передавали меня с рук на руки, и...

— Мария Александровна! — коснулся моего локтя Максимилиан. — У вас есть какие-нибудь пряности? Я в магазине купить не догадался, а второй раз идти откровенно лень.

Я молча открыла настенный шкафик и указала на баночки со специями.

— Не обращайтесь вы внимания на Феликса, — продолжил он, вытаскивая из шкафика перечницу. — Он... не умеет общаться, что ли? Как бы вам правильно объяснить... У него нет необходимости быть деликатным, думать о чьих-то чувствах. Он всегда...

Дверь маминой комнаты отворилась. Оттуда вылетела красная как вареный рак Лиза, сопровождаемая воплем «Извольте выйти вон!»

Максимилиан мирно произнес:

— Лизонька! Раз ему ничего не надо, ты сходи вниз, к Андрюхе, и посмотри на лекарство от глистов, которое он собаке купил. Ты же в глистах разбираешься? Сделай это для меня, ладно? А то он меня этим лекарством запарил уже!

Лиза некоторое время раздумывала. Затем поправила бантик, накинула куртку и удалилась во двор.

— Вот вам очередной пример, — указывая на дверь, сказал Максимилиан и понюхал смесь пряностей для рыбы. — Фу! Что у вас в этих баночках? Это же ни в коем случае нельзя класть в бульон! Хоть домой иди за продуктами!

— Идите, — равнодушно ответила я.

— Опасно это, Мария Александровна, — вздохнул он. — Домой я пойду, только если будет какая-то острая необходимость. На дорогах патрульных полно, а Прорве брачный сезон в полном разгаре. Нет уж, лучше мы бульон без специй покушаем.

— Патрульные... это как та старуха с собачкой? — уточнила я, не в силах сдержать разыгравшееся любопытство.

— Да. Там, на улице, мы видели патрульного. Время от времени они делают обходы по мирам. Проверяют, не прячется ли где-нибудь беглый преступник, отлавливают контрабандистов. Если бы нас с Феликсом заметили, мы бы влипли в крупные неприятности. Так что примите мою благодарность за то, что вы нас не выдали.

Я вспомнила тяжелый собачий взгляд и передернулась.

— Он... Он хотел, чтобы я его позвала! — пожаловалась я Максимилиану. — Он заставлял меня кричать!

— Награду предлагал? — осведомился он.

— Нет, — растерялась я.

— Вот жмот! — ухмыльнулся Максимилиан. — Надо будет накапать при случае. Он был обязан предложить вам вознаграждение. Ворье кругом!

— Со мной разговаривал пес! — взывала я. — Этот жуткий пес...

— Так пес и есть патрульный! — пояснил Максимилиан. — Тот, второй, просто помощник. У него разум семилетнего ребенка. Зато хорошие физические данные и умение четко выполнять собачьи команды. Их специально этому обучают. В питомнике. Они могут отпереть дверь, надеть наручники, сложить в сумку вещественные доказательства... Да мало ли дел, которые непосильны четырем лапам!

Барон, внимательно слушавший наш разговор, утвердительно кашлянул. Максимилиан нагнулся и погладил его по голове.

— И тебе спасибо! Ты его грамотно отвлек. Я не думал, что ты поймешь мою просьбу. У вас очень умный пес, Мария Александровна. Я вам завидую. Если бы он не был к вам так привязан, я бы его купил или украл. Но он все равно убежит.

— Он сам решил жить у меня, — пробормотала я, вспомнив бесконечные визиты Игнатова, забиравшего собаку.

— Он — молодец, — улыбнулся Максимилиан. — Захотел жить вместе с любимым человеком, и живет. Уважаю.

— Но патрульные... — вернулась к животрепещущей теме я. — Мне что, теперь от каждой старушки шарахаться? Я же все время буду думать...

— По мирам они ходят редко, — успокоил меня Максимилиан. — И потом, отчего вас заклинило на старушках? Девочка с таксой тоже может оказаться патрулем.

Я коротко ахнула. Родной город перестал казаться мне мирным и уютным. Как же жить дальше?

— Живите, как прежде, — ответил на мою мысль Максимилиан. — Вы увидели их истинный облик только потому, что рядом были мы. А так... Они будут проходить мимо, не причиняя вам вреда, а вы не будете их замечать.

— Мне это не нравится! Я хочу...

Слова застряли у меня в горле, потому, что из маминой комнаты выглянул Феликс. Он жестом позвал Максимилиана внутрь. Тот сразу потерял интерес к нашему разговору. Коротко извинился и исчез в комнате. Я некоторое время подслушивала под дверью, но

ничего кроме отрывочных фраз на чужом языке разобрать не смогла. От увлекательного шпионского занятия меня оторвал Андрей, не побрезговавший лично подняться на второй этаж.

— А то меня эти бабы уже задрали, — пожаловался мне он, почесывая бритую голову, — Того и гляди, глистов в кофе подольют. Цапаются и цапаются... Макс! Вали вниз! Там твой цветник вот-вот передерется!

— Пять минут, Андрюха! — откликнулись из-за двери. — Дело закончу.

— Ну, хоть ты спустишься! — ухватил меня за руку Андрей. — Ей-богу, сил моих нет про рынок слушать. У них там мрут оказывается все, как мухи. Хорошо, что я в супермаркет за продуктами хожу!

На лавочке, несмотря на вечернюю прохладу, атмосфера раскалилась до предела. Лиза с Розочкой метали друг в друга уничтожающие взгляды. Я опустилась на пластиковый стул. Розочка наклонилась ко мне и жарко зашептала в ухо:

— Представь, мы так хорошо сидели, и тут эта кобыла приперлась! Начала Андрюхе мозги глистами порошить... Макс когда придет, ты не знаешь? Я устала ждать, пока он бульон доварит!

Я отодвинулась в сторону, неопределенно покивала. Погладила подбежавшего ко мне Фердинанда, дернула за ухо Барона, чтобы он не обиделся, и вновь погрузилась в воспоминания.

Оставшись без маминого контроля — ее и игнатовские звонки по телефону не в счет — я встретила принца своей мечты и по уши влюбилась. Высокий сероглазый блондин Горшков превратил мою жизнь в праздник. Он оказался прямой противоположностью педантичному Игнатову. Ночной стук в мою дверь мог заполнить комнату розами, шампанским и огромным тортом. Наутро Горшков исчезал, зачастую возвращался грустным и, не предъявляя никаких претензий по ведению домашнего хозяйства, ужинал чаем с хлебом и тащил меня в постель.

Я жила, как в тумане, не задумываясь над странными финансовыми перепадами. Меня не насторожило то, что Горшков, который до встречи со мной жил с матерью в четырехкомнатной квартире, охотно переехал в коммуналку и домой больше не ходил. Я могла по его первому требованию выгрести все деньги из карманов, потому что мне до работы два шага пешком, а на обед я беру с собой бутерброды из дома. Я могла... Да много что я могла и делала!

Почему он на мне женился? Думаю, что в надежде срубить с моей бабушки крупную сумму денег. Он постоянно морочил мне голову какими-то деловыми проектами и жаловался на отсутствие начального капитала.

Мы расписались пять лет назад, под Новый Год. Бабуля подарила мне на свадьбу ковер и сковородку. Горшков скрипнул зубами, но промолчал. Хлебно-тортовый туман тянулся до весны. А потом в мою квартиру потянулись первые кредиторы. Я с удивлением узнала, что Горшков — заядлый игрок в покер.

Следующий год я провела в чередe скандалов. Горшков из моего дома уходить не хотел. Он фонтанировал идеями, приводившими меня в ужас — продать мамину комнату, продать подаренный бабушкой компьютер, продать хотя бы ковер... Последней каплей стало предложение продать Барона. Может, это было и не по-семейному, но Барона я на него и натравила. После этого он исчез, и нанятые бабушкой адвокаты полгода искали его по всему городу, пока не устроили мой развод.

Жизнь с Горшковым послужила мне хорошим уроком. Я уяснила, что любовь приносит одни неприятности, и научилась отказывать людям в резкой форме. После вала страстей я спряталась в комнату, как улитка в раковину. Старательно избегала новых знакомств и с недоверием относилась к чужим людям. Как же я, при всей моей подозрительности, связалась в историю с каюком и рогатыми квартирантами? Неужели все-таки кризис среднего возраста? Недостаток романтики и внутренний бунт против имиджа старой девы в очках, который я незаметно приобрела?

Я тяжело вздохнула и услышала, как щелкнул кодовый замок.

«Полковник с рыбалки, — подумала я. — Остальные-то все дома...»

Лиза с Розочкой дружно уставились на открывающуюся калитку из металлического листа. Однако, вместо ожидаемого Жеки, во двор проскользнул потрепанный хмырь — бомж, не бомж, но уж не директор завода, это точно. За ним следовала маленькая кудлатая собачка с измазанным зеленкой боком. Парочка остановилась посреди двора и завертела головами, присматриваясь к окнам. Из-за сараев выскочил Барон и залился злобным лаем. Его немедленно поддержал Фердинанд. Я взглянула на мамино окно. Темнота. А ведь только что горел свет! Неужели...

Я хотела закричать, но не смогла издать ни звука. Барон кидался на болонку, Фердинанд — на хмыря. Их лай разнесся по округе и был подхвачен хором собачьей стаи, живущей на заброшенной стройке в соседнем квартале.

— А ну, пошел вон отсюда! — завизжала Розочка. — Пошел вон, кому сказала! Повадились тут по углам отливать!

— Я сейчас полицию вызову! — присоединилась Лиза. — Ишь ты какой! Приперся, высматривает что своровать...

Хмырь начал отступать к калитке. Еще бы — две разъяренные бабищи, размахивающие кулаками, да две собаки, которых никто не собирается унимать.

— Роман! Сюда, живо! — проорал в телефон возникший на крыльце Андрей. — Тут бомжара забрел какой-то охреневший. Пусть Алла ментов вызовет.

Охранник из ювелирного не подвел — спасавшийся от наскокивавшей на него Розы хмырь попал прямо в его железные объятия. К лаю и женским крикам добавились суровые голоса полиции. Андрей с властями дружил, и отстегивал им достаточно, чтобы к нему мчались по первому зову. В этом шуме еле слышно скрипнула дверь подъезда. Я увидела рогатую тень. Тень некоторое время помаячила, а потом исчезла, так и не решившись выйти во двор.

Через полчаса, оформив протокол, мы проводили взглядом «уазик», увозивший в отделение глухонемого бомжа и собаку, как-то незаметно превратившуюся в здоровенного кобеля, похожего на сенбернара. Но на это, по счастью, никто не обратил внимания. Стоило «уазику» скрыться из вида, как во двор спустился сияющий Максимилиан. Он облобызал Розочку с Лизой, похвалил их за храбрость, и приобнял меня за плечи, не позволяя ускользнуть в комнату.

В бурное обсуждение случившегося вплелось лязганье кодового замка. Калитка распахнулась и во двор, нетвердо держась на ногах, вошел полковник. Впрочем, вошел он не сразу — удочки упорно не желали пролезать в калитку. Андрей с Розочкой начали давать Жеке противоречивые советы. Он покорно их выполнял, пока не запутался в леске и не упал навзничь, зацепившись за железную скобу для чистки обуви. Лиза со стоном встала с лавочки. Одной рукой взяла за шиворот бывшего мужа, другой сгребла снасти. Толчком ноги

захлопнула калитку и, без особых усилий, поволокла Жеку на второй этаж. Проезжая мимо, Жека открыл глаза, осмотрел нашу компанию и одарил всех потоком нецензурных слов. Андрей побагровел, сжал кулаки. Максимилиан остановил его, лениво проговорив:

— Забей, Андрюха! Охота тебе мараться?

— Да я его... — зарычал тот.

— Забей! — усмехнулся Максимилиан. — На каждого алкаша силы тратить — себя не уважать.

Андрей хмыкнул, и преследовать жертву не стал. Но дружеская атмосфера безвозвратно испарилась, и это позволило мне позвать Барона и сбежать в комнату. К счастью, меня больше никто не беспокоил, и я заснула во время чтения, даже не положив телефон на прикроватный столик.

Первомайское утро принесло сюрприз, начинавший походить на добрую традицию. Рядом со мной опять спал Феликс.

— Да что же это такое? — простонала я. — Как вы сюда попали? Я ведь дверь запираю, я точно помню!

— У вас замок очень простой, — пробормотал он.

— Сегодня же сменю! — гневно пообещала я. — Погодите... А кто вам дал право его вскрывать?

— Мне хотелось выспаться, — зевнул он. — Я был у дочери вашей кухарки, но там все ужасно храпят. И я пришел спать к вам.

— Какое хамство... — покачала головой я.

Он открыл глаза и спросил:

— Почему — хамство?

Я посмотрела ему в глаза и вздрогнула. Знакомый синий взор куда-то исчез. На меня смотрели мутные белесые очи с крошечными зрачками чуть больше макового зерна.

— Почему — хамство? — повторил Феликс тоном обиженного ребенка и подслеповато прищурился. — С Максом в одной комнате тоже не выспишься. Он еще громче кухарки храпит, я знаю!

— А что у вас с глазами? — нахмурилась я.

Меня неприятно поразило изменение его лица. Вроде бы те же красивые черты, милая беспомощная улыбка. И мерзкий рыбий взгляд, вызывающий бегающие по коже мурашки.

— А что с глазами? — удивился он, поднес руку к лицу. И опять улыбнулся. — А-а-а... Это я линзы снял. Я плохо вижу. Врачи велели мне носить линзы.

Я встала, накинула на ночную рубашку халат и решительно пошла за Максимилианом. Мамина кровать пустовала. Максимилиан спал на полу, подложив под голову свернутую куртку. Комнату действительно сотрясал равномерный храп, но смягчить мое сердце эти звуки не смогли. Я легонько пнула его под ребра, стараясь не прикоснуться к рогам. Дождалась, пока он сядет, и вывалила на него поток претензий.

Мне почему-то показалось, что все мои жалобы на нарушение неприкосновенности жилища он пропустил мимо ушей. И всерьез взволновался, только когда я упомянула, что Феликс сидит в моей комнате без линз. Вот тут он сразу вскочил, начал рыться в сумке. Достал контейнер и помчался в мою комнату.

— Какого черта? — возмутилась я.

— Да он с кровати встанет и убьется! — проорал мне Максимилиан. — Вы что, не понимаете? Он же без линз при дневном свете только силуэты различает! Ну, вы даете,

Мария Александровна...

— Я сама без очков ни черта не вижу, — отрезала я. — И ничего, дожила до своих лет и два раза замуж выходила. Не вижу никаких причин делать ему скидку по состоянию здоровья.

— У вас — совсем другая ситуация, — отмахнулся Максимилиан. — Вот, Феликс, держи.

— Ты принес?

Феликс забрал контейнер и через минуту одарил меня синим взглядом.

— Спасибо, что позвали Макса, — проговорил он. — Вы очень любезны.

— Не за что... — сквозь зубы процедила я.

Меня душили противоречивые чувства. С детства меня учили тому, что убогих, а не только подслеповатый, но и слегка тронутый на голову Феликс явно относился к этой категории, надо жалеть. Но прощать бесцеремонность и неприкрытый эгоизм я не хотела. Я сама очки на ощупь разыскиваю и только потом могу разглядеть, кто рядом в койке лежит. Но это никого не беспокоит и Максимилиана в первую очередь, что характерно! От этой мысли я опять накинулась на него, требуя, чтобы он принял меры и оградил меня от вмешательства в личную жизнь. Мои речи прервал стук и призыв Лизы:

— Народ! Выходи строиться! Идем на демонстрацию!

— Кстати... — пробормотал Максимилиан. — Я еще вчера слышал это слово. Вы не могли бы мне объяснить, куда они идут?

— Э-э-э... — замялась я. — День весны и труда. Многолетняя традиция. Праздник.

— Белтайн? — сдвинул брови он. — Еще рано. Я вчера по солнцу проверял, у нас три дня в запасе!

— Вы идете? — завопила Лиза. — Мы уже готовы, только вас ждем! Прогуляемся, цветы к памятнику Ленина отнесем

Действительно, соседи были при полном параде. Лиза, по случаю праздника, облачилась в пушистый мохеровый свитер ярко-алого цвета. Закрепила в черных волосах кумачовый бантик и размахивала тремя гвоздиками, упакованными в целлофан. Чисто выбритый полковник благоухал одеколоном. Но эффектнее всех выглядела Розочка. Красные обтягивающие штанишки с прорезями по боковым швам переливались и блестели несметным количеством фальшивых бриллиантов. А скромная белая блузочка и пионерский галстук придавали наряду исключительно первомайский вид.

— Ты не замерзнешь? — озабоченно спросил ее Максимилиан. После чего, явно не удержавшись, потрогал один из бриллиантов.

— Я плащ с собой возьму, — томно ответила она.

Максимилиан с сожалением отпустил бриллиант и попросил:

— Подождите нас во дворе. Мы сейчас оденемся и выйдем. Мария Александровна! Собирайтесь живее! Чего вы застыли?

Я хотела сообщить ему, что никогда не испытывала желания носить цветы к памятнику Ленина, да еще в обществе надоевших хуже горькой редьки соседей. Но заметила странно заговорщический взгляд Феликса, ответный кивок Максимилиана, и собралась быстро. Как по армейской команде «Сорок пять секунд — подъем!». Рогатая парочка что-то замышляла, и мне не хотелось оставаться в неведении — что именно?

— Мария Александровна! — крикнул Максимилиан. — Полотенце возьмите с собой, пожалуйста!

Подивившись просьбе, я вытащила из шкафа небольшое махровое полотенце, подумала, прибавила к нему пару кухонных и уложила в сумку. Барон почуял прогулку, завертелся, кидаясь мне под ноги. Я громко спросила:

— Барона берем?

Получила ответ, что собака тоже имеет право ходить на демонстрацию, и уверила выглянувшую из комнаты Амалию, что я присмотрю за Розочкой — ведь бедная девочка такая наивная и рассеянная!

Демонстранты, толкаясь в калитке, выходили на улицу. Максимилиан вежливо пропустил вперед женщин и полковника, взял меня под локоть и повлек в противоположную сторону.

— Вы ведь не испытываете желания возлагать цветы в окружении красных тряпок? — уточнил он.

Я отрицательно замотала головой.

— Феликс! Не отставай! Стоп! Дай сюда пакет, и держись за Марию Александровну. Так мне будет спокойнее.

— Вы считаете, что я смогу оградить его от опасностей? — ехидно спросила я.

— Если начнутся неприятности, — миролюбиво ответил Максимилиан, — за вас вступится Барон. И сможет позвать меня на помощь.

Я не нашлась, что ответить. Некоторое время мы брели по улице в молчании. Миновали закрытую по случаю праздника кассу, «Русский чай», на двери которого красовался увесистый замок — у работников общепита случился санитарный день. Постояли, любуясь на фонарики с иероглифами, украшавшие веранду китайского ресторана.

— Там — река? — неожиданно спросил Максимилиан, указывая на бульвар.

— А откуда вы знаете? — удивилась я. — Да, бульвар идет к набережной.

— Очень хорошо, — кивнул он. — То, что надо. Ведите нас.

Мы с Бароном часто гуляли к реке. Бульвар заканчивался пешеходным мостом, спускавшимся на новую набережную. Там, миновав ряды летних кафе, можно было углубиться или в парк со старыми аттракционами и медленно вращающимся колесом обозрения, или свернуть в лесополосу, до которой еще не добралась цивилизация. Тянувшиеся вдоль реки пустыри уже много лет служили местом выгула собак, чему в немалой степени способствовала расположенная неподалеку школа служебной дрессировки.

— Зачем мы идем к реке? — спросила я Максимилиана.

— Надо оставить ложный след, — деловито объяснил он. — Видели вчерашнего гостя?

Я кивнула.

— Он так и не понял — есть в доме магия или нет, — продолжил Максимилиан. — Нам пришлось прервать поиск, чтобы у него не возникло подозрений. И теперь, прежде чем его возобновить, я хочу выставить приманку. Устройство с сильным магическим сигналом, которое непременно отвлечет внимание от вашего дома. Проточная вода заставит псов поломать голову, где именно находится источник магии. Пока они обшарят реку, пока выловят манок... Может быть, мы к тому времени успеем закончить свои дела.

— А если нет? — не удержалась я.

— Тогда и будем думать, Мария Александровна, — усмехнулся он. — Чего заранее-то волноваться?

Мы прошли мимо грохочущего музыкой кафе, на веранде которого компания молодежи бурно и весело отмечала Первомай. Отчихались от дыма — кругом трещали дрова в

заскучавших за зиму мангалах. И вышли на пешеходную тропу здоровья, размеченную цифрами «100», «200», и так далее, до «1000». Барон призывно гавкнул и скатился по осыпи в знакомую лесополосу.

Я осторожно спустилась за ним и ступила под сень пирамидальных тополей. От реки потянуло сыростью. Я зябко поежилась. Легкая курточка не спасала от застоявшегося в ложбинах холода. Оскальзываясь на мокрой глине, я вывела своих спутников на пустырь и с удовольствием подставила лицо весеннему солнышку. Максимилиан дошел до бетонного парапета со спуском к воде, взглянул на мутную реку. Положил пакет на песок и начал раздеваться.

— Что вы делаете? — в ужасе спросила я.

— Собираюсь искупаться, — заявил он. — Доплыву до середины реки, установлю манок.

— Но... — заметалась я. — Вода же ледяная! У реки истоки в горах! И вообще... Здесь течение бешеное!

— Я хорошо плаваю.

— А если судорога? Кто вас будет вытаскивать, позвольте узнать? Я плавать не умею.

— Феликс тоже, — кивнул он. — Так что на вас возлагается задача не подпускать его к воде. Если с ним что-то случится, я себе этого не прощу.

— Бросьте ваш манок в воду и дело с концом! — заорала я, глядя, как он снимает джинсы.

— Он не будет работать, — объяснил Максимилиан и аккуратно сложил носки в кроссовки. — Его надо установить и активировать. Не учите меня жить, Мария Александровна. Вы взяли полотенце, как я просил?

Я похлопала себя по одному боку, затем по другому и упавшим голосом сообщила:

— А я сумку дома оставила... Но я клала в нее полотенце, правда!

— Вы очень любезно поступили, — ровным тоном отметил он.

Взял пакет и пошел вниз по бетонным ступенькам. Когда он вошел в воду по пояс, я не выдержала и завопила:

— Псих ненормальный! Вернись немедленно! Ты же утонешь!

И кинулась к ступенькам, собираясь ухватить его за плечо. Меня перехватил Феликс. От толчка я плюхнулась на песок и услышала:

— Извините... Не мешайте Максу работать.

Из лесополосы примчался Барон, с лаем бросился на Феликса. Я схватила его за ошейник и повернула голову к реке. Максимилиан плыл, выгребая против течения, которое медленно, но уверенно сносило его вниз. Я вскочила на ноги. Посмотрела на Феликса, созерцавшего тополя, и прошипела:

— Какого черта ты застыл? Бери его вещи! Надо идти вдоль берега. Мы должны его встретить, когда он выплывет. Если он вообще выплывет, блин!

Глава 6

Первомайская прогулка к реке наверняка подарила мне десяток седых волос. Надо будет дома изучить свою шевелюру в зеркале, и если это так, срочно покрасить волосы в какой-нибудь оригинальный цвет. Заодно обновить гардероб — сколько можно ходить в сером и бледно-розовом?

Размышления прервал шорох в кустах. Я покосилась в сторону звука и спросила:

— Вы все еще голый? Или уже трусы одели?

— Голый. Труссы мокрые, боюсь простудить самое дорогое.

Шорох стал громче.

— Тогда не выходите!

— Вы как будто голого мужчину никогда не видели! — расхохотался Максимилиан. — Мария Александровна! Вы же два раза были замужем, вы мне говорили!

— Да, — с достоинством ответила я. — За Игнатовым и за Горшковым. А какое это имеет отношение к делу?

— Видели одного — видели всех, — бодро сообщил он. — Не понимаю, к чему такие церемонии?

— Вы — не человек, — напомнила я. — Боюсь увидеть какие-нибудь подробности, которые могут меня смутить.

— Что вы имеете в виду? — удивился он.

— Ну... — задумчиво протянула я. — К рогам-то я уже почти привыкла. А вот если окажется, что у вас есть хвост?

— У меня есть хвост! — ликующе завопил Максимилиан. — Отличный хвост, всем женам нравится! Хотите — покажу?

— Лизе показывайте... — сквозь зубы процедила я.

— Я ей уже показывал! — хихикнули кусты. — Она оценила его по достоинству. Кстати, Розочка тоже осталась довольна. Присоединяйтесь, не пожалеете!

— Благодарю за приглашение, но у нас в квартире и так достаточно мест общего пользования.

— В какой-то странный ряд вы меня определили.

— Сами виноваты.

— Нет, Мария Александровна! Это вы во всем виноваты! — нагло заявил Максимилиан. — Я пришел в ваш дом, чтобы защитить вас от необоснованных притязаний властей, которые собирались заключить вас и моего брата под стражу? Вы ведь так обрисовали мне ситуацию?

— Примерно так, — неохотно признала я.

— А что на деле? — с чувством спросил он. — Вкрути лампочку, забей гвоздь, почини холодильник, и так до тех пор, пока она меня не изнасиловала!

— Лиза или Розочка? — невинно уточнила я.

— Обе! — заорал Максимилиан. — А Розочка меня еще рыбу заставляла есть!

— А Амалия — блины, — дополнила я. — Если вы уже подсохли, давайте двинемся к дому. Выпьете горячего чая, ляжете с кем-нибудь под теплое одеяло...

— Я лучше бульон подогрею и выпью пару кружек, — пробурчал он, выбираясь из кустов.

Я на всякий случай отвела глаза, но оказалось, что Максимилиан уже полностью одет. К дому мы пошли закоулками — возвращаться по бульвару, заполненному празднично принаряженным народом, никому не хотелось. Мы все, включая Барона, были изрядно перепачканы мокрым песком. На моих светлых джинсах виднелись следы глины — я поскользнулась и упала, когда помогала Максимилиану выбираться из воды. Такую тушу еще поди вытащи! Ну, а Феликс, за которым я плохо присматривала, вообще был грязным, как свинья, хотя вроде бы ничего не делал и к лужам близко не подходил. Миновав частный сектор, мы подошли к пятиэтажкам — в трех домах располагались общежитие для студентов мединститута, общежитие для студентов мехмата университета и просто какое-то

общежитие. Квартал издавна считался опасным — из окон пятиэтажек на головы прохожим частенько летели самые разнообразные предметы, и банановая кожура проходила всего лишь по разряду невинных шуток. Ноги машинально понесли меня на другую сторону. Максимилиан с Феликсом последовали за мной. Я поднялась по ряду асфальтовых ступенек — улица круто поднималась вверх, и поплелась вдоль длинного решетчатого забора. Каждый шаг приближал нас к дому, где можно будет сварить себе чашку кофе, завернуться в махровый халат, укрыться пледом. Тихая уютная жизнь, которая меня вполне устраивает. Я не принадлежу к людям, жаждущим приключений и перемен, я...

Мои мысли распугал оглушительный железный грохот. Я обернулась. Феликс яростно тряс решетчатую калитку, а Максимилиан рассматривал длинный одноэтажный домик, от которого их отделял забор.

— Феликс! Что вы творите? — возмутилась я. — Макс! Заберите его немедленно! Иначе сторож сейчас вызовет милицию.

— Что это за дом? — отрывисто спросил Максимилиан.

— Это школа искусств. Да оттащите же вы Феликса от калитки! Ну, вот...

Как и следовало ожидать, шум привлек внимание сторожа. Дедок резво выскочил из боковой двери дома, обозвал нас «ужратыми шпанюками» от которых ему, деду нет покоя ни днем, ни ночью. И погрозил нам сотовым телефоном, обещая вызвать наряд полиции. Максимилиан усмехнулся, что-то коротко сказал Феликсу на своем языке. Тот вытащил из кармана кусок проволоки и засунул его в замок калитки.

— Что он делает? — взвыла я.

— Мы хотим войти внутрь и посмотреть, не лежит ли там наша вещь, — объяснил мне Максимилиан. — Феликсу кажется...

— Заберите его от калитки! Иначе сейчас приедет полиция и...

— Здравствуй, Машенька! — ласково пропели у меня за спиной. — Давно тебя не видела, детка. Как ты поживаешь?

Я обернулась и увидела Вовкину маму. Бессменная председательница родительского комитета с нескрываемым интересом рассматривала глину на моих джинсах. Максимилиан буркнул пару слов. Феликс неохотно отошел от калитки. Вовкина мама, вдоволь налюбовалась моими грязными джинсами и приступила к расспросам:

— А что это за новые друзья у тебя появились, детка? Мама про них знает?

— Здравствуйте, Елена Борисовна, — промямлила я.

Конечно, стоило напомнить любопытной тетке, что мне три дня назад стукнуло тридцать два года, и я могу гулять по улицам с кем хочу без маминого разрешения. Но Вовкина мама наверняка заявила бы мне в ответ «Дети всегда дети» и завела длинную речь о вещем материнском сердце. Поэтому я приветливо улыбнулась и сказала:

— Познакомьтесь, Елена Борисовна! Это мои двоюродные братья — Феликс и Максимилиан. Они приехали из Казани для... на... на майские праздники. Я показываю им город. У нас столько достопримечательностей!

— А почему вы такие грязные? — поинтересовалась Елена Борисовна и оттолкнула Барона, попытавшегося поставить лапы ей на пальто.

— Мы гуляли возле реки с Бароном, и я уронила сумку в воду, — лихо соврала я. — Мы пробовали достать сумку — в ней была дорогая пудреница и ручка с золотым пером. Но потерпели неудачу.

Сторож, внимательно слушавший наш разговор, счел нужным добавить:

— Налакаются с утра пораньше, а потом сумки теряют.

— Я бы попросила вас помолчать! — повернулась к нему Вовкина мама. — Кстати, Машенька, зачем твой двоюродный брат ломился в калитку?

— Э-э-э... — на секунду замялась я. — Понимаете, Елена Борисовна, я как рассказывала братьям, что в холле школы висит моя акварель. Как одна из лучших работ выпускников. И мы подумали, что нас пустят на нее взглянуть — буквально на минуточку. Феликс очень интересуется живописью.

— Да, ты же здесь училась... — сдвинула брови Вовкина мама. — Действительно...

— Мне до сих пор каждый год приходят приглашения на встречи выпускников, — сообщила я ей чистую правду.

— Закрыто до четырнадцатого мая, — прокаркал сторож. — После четырнадцатого пожалуйста смотреть. А сейчас — не положено.

— Извините за беспокойство, — одарил его улыбкой Максимилиан. — Непременно зайдем после четырнадцатого. Если бы у вас висело соответствующее объявление, мы бы не посмели вас побеспокоить.

— Это же писать надо... — после этих слов сторож зевнул и удалился в боковую дверь.

— Приятно было вас увидеть, Елена Борисовна, — зачастила я. — Но мы, пожалуй, пойдем домой. Надо переодеться, принять душ. Володе привет передавайте, хорошо?

Вовкина мама кивнула и отступила, пропуская нас по узкому тротуару.

— До свидания, Елена Борисовна, — вежливо попрощался Максимилиан.

Мы сделали несколько шагов, после чего мне в спину прилетел вопрос.

— Да, Машенька... А на каком языке твои братья общаются между собой? На татарском? Я не разобрала.

— На немецком, — ляпнула я первое, что пришло в голову. — Они — казанские немцы. Там, в Казани, большая община, поощряющая культурные традиции далекой родины.

— Ясно... — пробурчала Елена Борисовна.

«Вот же вредная баба! — подумала я. — Все заметила, каждое слово подслушала! Ей бы в разведчики идти. Такой талант пропадает!»

— Вы учились в этой школе? — тихо спросил Максимилиан, беря меня под локоть.

— Да. Работу в холле наверняка сняли за давностью лет, но она действительно там висела. Мне всегда удавались акварели с тушью и цветным карандашом. Одно время я подумывала выучиться на иллюстратора книг, но...

— Но?

— Не прошла по конкурсу на художественный факультет, отнесла документы в библиотечное училище, чтобы год не пропал... Впрочем, это давняя история.

— Вы сможете нарисовать мне план дома? Этой школы искусств?

— Зачем? — нахмурилась я.

— Ночью прогуляюсь, взгляну, не лежит ли где наша собственность. С планом мне будет легче ориентироваться на местности.

— Это же... Вы задумали грабеж! — догадалась я. — Не рассчитывайте, что я буду вам потворствовать! Никакого плана я рисовать не буду! И школу искусств вам грабить запрещаю.

— Ограблю без плана, — пожал плечами он. — Дурное дело — не хитрое.

Я попыталась воззвать к его порядочности. Номер вышел дохлым и разве что развлек пару-тройку прохожих, краем уха услышавших наши препирательства. Подходя к воротам

дома, мы разругались вдрызг — вернее ругалась я, а Максимилиан молчал и ухмылялся.

Меня, как слабую женщину, пропустили в душ первой. Вторым пошел Феликс, которого я снабдила мылом, мочалкой и полотенцем. Максимилиан тем временем поставил на плиту кастрюлю с бульоном и попросил меня дать ему какую-нибудь посуду.

— Ну не через край же нам его хлебать, Мария Александровна! — вещал он из комнаты. — Неудобно. Трудно определить, кто сколько съел. Тому, кто кушает последним, приходится глубоко засовывать голову в кастрюлю...

— И ему глаза щиплет! — отозвалась я, припомнив старый анекдот.

Максимилиан рассмеялся.

— А что это у тебя в кастрюле, Машенька? — поинтересовался вошедший в кухню Жека, укладывая голову мне на плечо. — Вкусно пахнет.

— Макс бульон сварил, — ответила я и дернула плечом.

Жека недовольно отодвинулся и заявил:

— Пахнет-то вкусно, а жрать небось невозможно!

— Мы тебя на обед и не приглашаем! — отрезала я и поставила на стол три суповые тарелки.

Жека что-то прошипел и скрылся в своей комнате. Вслед за ним в коридор притащился цветник. Лиза где-то потеряла бантик, а Розочкин галстук покрывали пятна.

— А мы так хорошо прошлись, — заверезжали они, ухитрившись вдвоем повиснуть на Максимилиане. — Песни попели! Цветочки отнесли!

— Рад за вас, — кивнул Максимилиан. — Да, кстати... Лиза, постирай трусы, если тебе не трудно.

Я посмотрела, как он вытаскивает из кармана джинсов мокрые скомканные трусы, и покраснела. Какие, простите, мысли придут Лизе в голову о нашей прогулке? Ничего целомудренного, я уверена! Вот мерзавец, подставил все-таки...

— А мне что сделать? — надулась Розочка. — Лиза трусы стирает, Машка еду готовит, а я как бедная родственница!

Я поперхнулась от возмущения. Пожалуйста, меня уже зачислили в гарем! Падишах поймал мой негодующий взгляд и ехидно улыбнулся.

— Ты, дорогая, поможешь мне хвост от песка ополоснуть! — сообщил он. — А то мы на пляже валялись в антисанитарных условиях, испачкались хуже некуда.

— Сейчас, — деловито сказала Розочка. — Только галстук сниму.

И умчалась переодеваться.

— Что вы себе позволяете? — зарычала я. — Все эти гнусные намеки на пляж и трусы...

— Между прочим, я говорил только правду, — промурлыкал он. — И еще... Вы обратили внимание на Розочкину реакцию при слове «хвост»? Вот оно, отношение нормальной женщины. Вы не фригидны, Мария Александровна?

— Хам, — коротко ответила я и спряталась в комнату, грохнув дверь.

Барон поднял уши.

— Хам, — повторила я для ясности. — Хам и быдло. Думает только о сексе. В связях неразборчив и циничен по отношению к женскому полу. Не смей с ним дружить, понял? Он хуже Горшкова. Правильно его жена дули крутила. Нет, не правильно. Надо было что похуже показывать!

После этой гневной речи я улеглась на диван и задремала. Разбудил меня телефонный

звонок. Экран смартфона отобразил имя «Жанна». Я, толком не проснувшись, поднесла телефон к уху и вздрогнула от вопля:

— Маша! Привет! Поехали на дачу! Отдохнем, сходим на речку, рыбку половим.

При мысли о речке я передернулась и вежливо проговорила:

— Не могу, госпожа Колокольчикова. Дела. Мне надо Игнатову деньги отдать — он мне ноутбук делает.

— Хахаля нового выгулять, — хихикнула Жанна. — Так?

— Какого хахаля? — нахмурилась я.

— Ну не знаю, кто там тебя по больничному саду на руках носит, — промяукала она. — Только Ирка мне вчера звонит и рассказывает: лежу в палате после аппендицита, тоска смертная. Смотрю, говорит, в окно, а там Машку мужик в приемный покой тащит. Здоровый такой, симпатичный. А за ним еще один красавец плетется.

— Ира меня с кем-то перепутала!

— И тебя, и Барона... — хмыкнула Колокольчикова, — Она же немедленно в сад вылезла и проследила, как вы в такси грузились. Ты, часом, не беременна?

— Ирка меня с кем-то перепутала! — с нажимом повторила я. — Ладно, Жанна, меня зовут. Попозже созвонимся, поболтаем.

Блин, не город, а хутор на три двора! На одной окраине чихнешь, с другой «Будьте здоровы!» желают. Ирка, гадина глазастая!..

На кухню я выбралась в расстроенных чувствах. Амалия, что-то напевая, жарила блины.

— Лизка-то совсем сбесилась, — сообщила мне она. — Никакого удержу не знает! Загубит мальчонку своими закидонами, ох, загубит!

— Это вы про какого мальчонку говорите? — насторожилась я.

— Про Максимку, — ответила она. — Так и цепляется она к нему, так и цепляется... А он же безотказный!

— Это точно, — кивнула я.

— Пришлось ему у Розочки постелить, чтоб он от этой Жар-птицы отдохнул!

— А-а-а... — закивала я. — Конечно-конечно... надо отдыхать, да.

Подтверждая мои слова, из комнаты донесся залиvistый женский смех и воркование:

— Розочка, девочка моя рыженькая...

Я покачала головой, заглянула к Феликсу, мудрившему над каюком. Насыпала Барону свежего корма, поставила будильник на одиннадцать вечера и улеглась на диван. Моя задача — предотвратить ограбление школы искусств. Правда, никаких планов, как это сделать, у меня нет. Значит, придется что-то придумывать на месте. Хотя с внезапными озарениями у меня туго... Впрочем, грех жаловаться — за последнее время я побывала в различных переделках, и все как-то обошлось. Авось и сейчас кривая вывезет.

В начале двенадцатого я, зевая, выглянула в коридор. Мертвая тишина доказывала — праздник удался. Ни звука не доносится из комнаты полковника, не поет радио у Лизы, и даже у Амалии не работает телевизор — то ли она не хочет мешать Максимилиану с Розочкой, то ли просто спит.

Я на цыпочках подкралась к двери маминой комнаты и приложила ухо к английскому замку. Эх, была бы замочная скважина, так не грех и подсмотреть... Тишина. Неужели я проспала, и Максимилиан уже ушел на дело? Нет, вроде бы чьи-то шаги. Я напрягла слух. Внезапно дверь распахнулась и чуть не врезала мне по лбу. Я отскочила.

— Это вы, Мария Александровна? — удивился Максимилиан.

— Не знаю, кого вы ждали! — огрызнулась я. — Но мне хотелось спросить... нельзя ли взять у вас кружечку бульона? Чисто по-соседски... Леня среди ночи готовить, понимаете?

— Так я же его для вас варил! — расплылся в улыбке он. — Сейчас подогрею.

После взаимных расшаркиваний, я удалилась к себе, получив кружку горячего бульона, в котором плавало куриное крыло, кусок болгарского перца и апельсиновая долька.

В комнате я обулась, положила на диван черный пуховик и черную вязаную шапочку. Приоткрыла дверь, чтобы видеть коридор и уселась на пол возле журнального столика. Я знала, что этот угол не просматривается из коридора. Отличное место для засады! Вот только по-прежнему неясно, как можно воспрепятствовать грабежу. Ничего, пойду за ними следом, и буду орать, пока сторож не проснется и полицию не вызовет!

Время тянулось медленно. От безысходности я взяла со столика кружку с бульоном. Несмотря на странное сочетание продуктов, стряпня Максимилиана оказалась вполне съедобной. Занятая обгрызанием куриного крыла, я чуть не пропустила мимо ушей еле слышный скрип маминой двери. Пришлось поспешно вытираться скатертью — ничего другого мне под руку не попало, хватать вещи и одеваться. Сигналом «старт» послужила лязгнувшая дверь подъезда. Я заперла дверь, чтобы за мной не увязался Барон, и помчалась следом за похитителями школьного имущества. Высунув нос на улицу, я увидела сворачивающую за угол темную фигуру. Это был Максимилиан. Значит, Феликс остался дома.

Я, стараясь держаться подальше от фонарей, перебежала на другую сторону. Цепь платанов, возле которых я первый раз увидела Феликса, отлично пригодились в качестве прикрытия. Максимилиан уверенно шагал в сторону школы искусств. Он пересек дорогу и стал спускаться по асфальтовым ступенькам. Я сообразила, что мне тоже надо внимательно смотреть под ноги — где-то здесь должно быть подобие лесенки с перилами и бетонными полосами для колясок. Как бы не загреметь...

— А почему такая очаровательная девушка гуляет ночью одна? — спросили меня из подворотни.

Передо мной возникли двое хмырей, перегородивших дорогу. Я молча повернула назад, но путь к отступлению перекрыл резко пахнувший алкоголем громила.

— Мы тебя проводим! — радостно сообщил мне разговорчивый хмырь. — Давай, хлебни пивка, веселее будет.

— Спасибо, не хочу, — пробурчала я и кинулась вбок, на проезжую часть.

Громила схватил меня за локоть и пробасил:

— Куда намылилась?

И тут мне стало по-настоящему страшно. Я ведь даже телефон с собой не взяла — собиралась впопыхах. Да и как вызвать полицию, когда тебя крепко держат за руку? Я в панике дернулась, вызывая дружный смех хмырей. Набрала воздуха в грудь и завизжала:

— Макс! Убивают! Помогите! А-а-а! Макс!

— Не ори, дура! — подскочил ко мне хмырь и замахнулся.

Я резко пригнулась, роняя очки. Зажмурилась и осела на асфальт, закрывая голову руками — громила почему-то отпустил мой локоть. Один из хмырей коротко выругался. Раздался звон металла, упавшего на тротуар, и тонкий протяжный визг. Я приоткрыла глаза, увидела чью-то ногу, обутую в тяжелый ботинок, валяющийся на тротуаре нож, и опять зажмурилась. Визг оборвался, его сменил топот — судя по звуку, кто-то убежал в сторону моего дома.

— Маша! — меня потрепали по щеке. — Все в порядке? Ты цела?

Я посмотрела на Максимилиана. Крепко схватилась за его куртку и спросила:

— Они ушли?

— Двое — ушли, — спокойно ответил он. — Один — лег и отдыхает.

Я взглянула на бесформенную грудку на асфальте и пролепетала:

— Он... Ты... Ты его убил?

— Мария Александровна! — морщась, как от зубной боли проговорил Максимилиан и протянул мне очки. — У вас чисто женское свойство драматизировать события. Я всего лишь сломал ему руку.

Эти слова подействовали на меня как укол в мягкое место. Я вскочила, нацепила очки и, не разбирая дороги, помчалась вниз по улице. Пометавшись во дворе общежития, я распугала бродячих котов и спряталась за мусорные баки. Убежище показалось мне достаточно укромным — фонарей рядом с мусоркой не было, а ограждение из нескольких бетонных плит выглядело очень надежно.

— Мария Александровна! Зачем вы туда залезли? — спросил Максимилиан, заглядывая в щель между баком и ограждением.

— Надо где-то пересидеть, — стуча зубами, пояснила я. — Сейчас кто-нибудь сообщит в полицию о драке, они начнут прочесывать район, нас арестуют и меня посадят в тюрьму!

— Вас-то за что?

— За соучастие! — взвыла я.

— А-а-а... — неопределенно протянул он. — Простите, а можно еще один вопрос? Вы долго собираетесь здесь сидеть?

— До утра, — твердо сказала я. — Утром пойду домой.

— А-а-а... — повторил он, присел на корточки и спросил:

— С какой стати вас вообще потянуло гулять по ночным улицам? Даже Барона не захватили! Это же чистой воды безумие! Вы не казались мне похожей на авантюристку.

Я начала путано объяснять, что хотела препятствовать осквернению храма искусств, к которому питаю нежную привязанность. Детские воспоминания, запах плакатной гуаши, звуки трубы духового оркестра...

— Вы опоздали, Мария Александровна, — фыркнул Максимилиан и погладил подкравшуюся кошку. — Простите, но храм я уже осквернил. Пока вы отдыхали.

— А куда вы сейчас шли? — насторожилась я.

— Вам-то какое дело? Я за себя постоять могу, как вы могли заметить. С кем надо — договорюсь. А с кем не могу договориться...

— Что вы сделали со сторожем? — взвизгнула я. — Признавайтесь! С этим дедом старой закалки невозможно договориться!

— Банально напоил! — огрызнулся Максимилиан. — Это один из самых простых способов убрать препятствие с дороги. Хотите — можете пойти и на него полюбоваться.

— Хочу.

— Замечательно! — расцвел он. — Я стал бояться, что вы и впрямь тут до утра просидите. Запах, знаете ли...

Он галантно помог мне выбраться из-за баков. Цепляясь за его рукав, я добрела до ворот школы искусств. Пережитое потрясение дало о себе знать — ноги были ватными и плохо повиновались. Максимилиан отпер сначала калитку, потом дверь. Дотащил до учительской и предложил:

— Любуйтесь.

В учительской витал характерный запах, тут же напомнивший о громиле, хватавшем меня за руку. Я мельком покосилась на посапывавшего старичка и простонала:

— Я хочу домой.

— Наконец-то! — похвалил меня Максимилиан. — Нагулялись, Мария Александровна?

Надо было ответить ему что-нибудь саркастическое, но у меня уже не было сил. Покидая школу, наглец проявил неожиданный интерес к вазе с парафиновыми фруктами. Долго расспрашивал меня о муляжах и украл грушу, положив ее в карман. Я попыталась протестовать, но это было бесполезно. Не отнимать же мне у него грушу? А уговоры на нахала не подействовали.

Домой мы возвращались мимо памятного мне места драки. На асфальте никого не было, и я поехала при мысли о полицейской облаве.

— Кстати, — пробурчал Максимилиан. — Я шел проверить, сработал ли манок.

— Что? — переспросила я.

— Ничего, — неожиданно холодно сказал он. — Зачем вопросы задаете, если ответы не слушаете?

Я слабо пожала плечами. В молчании мы добрались до калитки. Максимилиан вытащил из кармана грушу и подкидывал ее с задумчивым видом.

В кухне хозяйничала Розочка в застиранном байковом халате. Она поставила чайник на плиту и пробормотала:

— Ты гулял, да? Ой, какая груша!

— Это брату! — сообщил Максимилиан.

— Да... ты же о нем так заботишься, — закивала Розочка. — Мы с тобой так похожи. Думаем о родственниках. Я тоже без мамы — никуда.

Я невольно поморщилась. Еще бы — никуда. Мама и стирает и приготовит.

— Чай будешь? — спросила она, глядя на меня, как на пустое место.

— Завари, — кивнул Максимилиан.

— Только не вздумайте тащить эту драную кошку в мамину комнату! — прошипела я ему, прежде чем уйти. — Мне не нужны пересуды и стенания Амалии!

— Успокойтесь, — отмахнулся он. — Никого я в мамину комнату тащить не буду. Там все равно кровать неудобная.

От такого заявления я остолбенела.

— Макс, чай готов! — сообщила Розочка.

— Спокойной ночи, Мария Александровна, — церемонно склонил голову он и развернулся.

И тут я догадалась, что так и не поблагодарила его за спасение. Дура! Идиотка! Если бы не он...

— Максимилиан! — негромко позвала я. — Простите... Я плохо соображаю! Я хочу сказать вам спасибо! Огромное спасибо. Просто я сразу как-то не подумала...

— Не стоит благодарности, — хмыкнул он. — Если надо — обращайтесь.

В душ я брела в растрепанных чувствах, поневоле прислушиваясь к звукам из Розочкиной комнаты.

«Да что же это за человек такой, а? — взгрустнулось мне. — Вроде бы и делает только хорошее, но гадостей при этом непременно наговорит три вагона! Сразу поскандальить хочется. И эта его беспорядочная половая жизнь...»

Тут я вспомнила, что Максимилиан и не человек-то вовсе и запуталась в своих рассуждениях. А когда по дороге к себе увидела в дверную щель два рогатых силуэта, склонившихся над каюком, мысли заплелись в какой-то невероятный клубок. И я выкинула их из головы, решив предаться раздумьям под утренний кофе. Только бы не забыть еще раз поблагодарить Максимилиана, до того, как он наговорит мне очередную порцию гадостей!

Глава 7

Утром я вышла варить себе кофе и первым делом наткнулась на Максимилиана. Он стоял в коридоре и внимательно смотрел в приоткрытую дверь маминной комнаты. Я тоже осторожно заглянула внутрь. Ничего нового, Феликс возится с каюком, совмещая это с завтраком. Не теряя времени даром, я подступила к Максимилиану со словами благодарности. Слушал он меня невнимательно, не спуская глаз с брата. Слегка обидевшись, я вернулась к плите, и как раз вовремя. Еще миг и кофе бы потек на плиту. Я перелила кофе в кружку. Максимилиан забежал в кухню, дернул меня за рукав и восхищенно сообщил:

— Прикинь, он ее сметелил!

— Кого? — нахмурилась я.

— Ну, эту, как ее?.. Фрукт!

— Грушу? — ахнула я. — Вы с ума сошли, она же парафиновая! Ему надо срочно делать промывание желудка!

— Ничего с ним не будет! — отмахнулся Максимилиан и повысил голос. — Эй, Феликс! Груша как? Вкусная была?

— Не очень, — признался тот. — Суховатая.

Я в панике кинулась в комнату, бормоча «Боже мой, надо вызывать «Скорую», он умрет!». Максимилиан ловко меня перехватил и заговорщически пробормотал:

— Да переварит он ее, не бойся! Я ему когда-то давно тарелку опилок вместо овсяных хлопьев подсунул, а он молоком залил и слопал за милую душу.

— То опилки, а то — парафин! — взвыла я, трепыхаясь в его объятьях. — Он может умереть!

— Кто? — поинтересовались у меня за спиной. Я обернулась и увидела Игнатова. Взгляд у него был настолько неприятным, что я отступила от Макса на шаг и запахнула халат.

— Доброе утро! — весело поздоровался тот с Игнатовым. — Никто не умирает. Просто шутка.

Игнатов недовольно кивнул, принимая объяснение. И поинтересовался у меня:

— Машенька! Это кто? У тебя новые соседи?

— Нет, — машинально соврала я. — Это мои двоюродные братья из Казани.

— Откуда у тебя братья в Казани? — нахмурился бывший первый муж.

Я прикусила язык, сообразив, что Игнатов знает наперечет всех моих немногочисленных родственников. Надо было что-то срочно придумывать. Как назло, в голову ничего не приходило, и я попыталась сменить тему, предложив Игнатову чай или кофе на выбор. Игнатов отказался. Из комнаты выглянул Феликс. Он был в контактных линзах и поэтому не понравился Игнатову еще больше, чем Максимилиан. Я бегло осмотрела Феликса. Никаких признаков отравления видно не было. Тогда я решила отложить эту проблему и сосредоточиться на бывшем первом муже, чтобы побыстрее его выпроводить.

— Почему ты не позвонил? — буркнула я.

— У тебя телефон вне сети! — заявил Игнатов. — Ты же сама говорила, что ноутбук нужен срочно.

— Срочно-срочно! — оживилась я. — Надеюсь, ты его привез? Я сейчас отдам тебе деньги. Ты возьмешь доллары? Не хочешь — поищем какой-нибудь обменник.

— Все равно, — кисло сказал Игнатов. — Ноутбук привез, да. В машине лежит.

— Так неси его сюда! — потребовала я.

И тут, услышав голос папочки, на сцену вышел Барон. Он выдал свой коронный зевок с продолжительным лязганьем зубов. Уставился на Игнатова незнающим взглядом, распушился втрое и коротко рыкнул.

— Ах ты мой красавец! — проговорил папочка и поспешно отодвинулся к двери полковницы. — Умница! А мамочку как любит и охраняет!

Барон поднял уши и пристально уставился на Игнатова. Узнавал он его то через пять, то через десять минут — в зависимости от настроения. А как-то раз не признал вовсе, и нам с Игнатовым пришлось беседовать на лавочке, заперев собаку в комнате. Наши нечастые встречи для освежения интимных отношений проходили в квартире Игнатова. Благо, после измены Барона, он больше не заводил никаких животных.

Убедившись, что сегодня Барон настроился на длинную комедию, Игнатов ретировался за ноутбуком. Я услышала, что на лестнице он с кем-то здоровается. Остановилась взглянуть, кого там еще несет, и увидела пьяного полковника с незнакомым мужиком. Пришлось загнать Барона в комнату. Он явно был не в том настроении, когда его стоит знакомить с Жекиными друзьями. Максимилиан с Феликсом пошли к каюку. Я прихватила кофе, который разделила на две чашки. Вытащила из дивана деньги и села ждать Игнатова.

Он принес ноутбук, включил, проделал пяток нехитрых действий — открыл и закрыл пару папок и документов, включил музыку и запустил клип. Я выслушала заверение о гарантии на полгода, расплатилась и попрощалась. Отпустила Барона проводить Игнатова — пес всегда желал видеть своими глазами, что папочка действительно сел в машину и уехал. Поставила на зарядку и включила разрядившийся телефон, чтобы больше никто не нагрязнул без предупреждения, и пошла к своим квартирантам.

В коридоре на меня оглушительным водопадом рухнули блатные аккорды. Жека развлекался на всю катушку, не считая нужным прикрывать свою дверь.

— Женя, будь добр, сделай потише! — проорала я.

— А что такое? — нагло спросил он, высовываясь из комнаты. — Мы мешаем клеить Кремль?

— Собака нервничает, — отозвалась я. — Не издевайся над Бароном.

Полковник не нашелся, что ответить и немного приглушил звук. Я вошла в мамину комнату и первым делом пощупала Феликсу лоб. Ему это не понравилось. Как и мои вопросы о тошноте и болях в желудке. В какой-то момент в его глазах мелькнуло самое настоящее бешенство. Боюсь, что от словесной перепалки, а возможно и рукоприкладства, меня спасло только присутствие Максимилиана. Он перестал вязать узлы на длинном, хитро сплетенном шнурке и улыбнулся:

— Она как Изольда, правда, Феликс? Сплошная забота о твоём здоровье...

— Кто такая Изольда? — насторожилась я.

— Моя третья жена, — еще шире заулыбался Максимилиан. — Бывшая жена, разумеется. Она прекрасно делает массаж. И она ушла от меня к Феликсу.

Я захлопала глазами, пораженная забавной информацией. Феликс скривился и буркнул:

— Мы давно развелись!

Я заметила, что Максимилиан уже открыл рот для следующей реплики, и наострила уши. Все-таки интересно хоть что-то узнать про эту их загадочную жизнь в замках с башнями. Пусть даже и сплетни про бывших жен!

Но вместо голоса Максимилиана я услышала яростный лай Барона, сплетавшийся с очередным шансоном. Я выскочила в коридор. К стенке прижимался пьяный мужик. Я схватила Барона за ошейник.

— Выход ищу! — прокричал мне мужик, отодвигаясь от пса. — Женька заснул, а я выход найти не могу.

Это заявление меня не удивило — люди частенько не могли найти выход из коридора, путаясь в обилии дверей. Скорее меня удивило, как полковник в одиннадцать-то утра ухитрился так набраться, что заснул под оглушительную музыку. Я махнула рукой, указывая мужику путь к лестнице. Барон залаял еще громче и рванул удавку так, что чуть не свалил меня с ног. Я выругалась. Неожиданно меня тряхнули за шиворот, и Максимилиан приказал:

— Отпусти Барона! Этот тип что-то спер! Он рылся у тебя в комнате.

— Откуда ты?.. — я выпустила ошейник из рук.

Мужик побежал к выходу, но там ему преградила путь Елизавета, возвращавшаяся из магазина. Правосудие оказалось коротким, но справедливым. Не успела я всем объявить, что у меня нечего красть, кроме ноутбука и телефона, а они на месте, как Барон вырвал карман куртки мужика, а Лиза отвесила оплеуху. На пол выпал знакомый кулечек с казанскими долларами.

— Блин! — заорала я.

Расследование по горячим следам выяснило, что Жекин гость увидел в приоткрытую дверь, как я достаю деньги, чтобы расплатиться с Игнатовым. После того, как комнату покинули сначала бывший муж с собакой, а затем и я, мужика попутал бес и он решил прихватить то, что плохо лежит.

— Будешь полицию вызывать? — жадно спросила Лиза, охочая до бесплатных развлечений.

Я взглянула на Максимилиана и отрицательно покачала головой.

— Не хочу. Свое вернула, а разборку разводить среди соседей...

— Жаль! — вздохнула Лиза.

Блатные аккорды смолкли, и на пороге своей комнаты возник шатающийся полковник. Он окинул нашу компанию мутным взглядом.

— Вы чего к моему корешу докопались, а?

— Докопались? Кореш он тебе? — пошла в атаку Лиза. — Притащил ханыгу, который у Маши деньги спер, а теперь еще и понты давишь? Я тебе сейчас покажу!

Я подхватила Барона и доллары. Мы позорно покинули «зал суда», случайно затолкав оказавшегося на пути Максимилиана ко мне в комнату. Захлопнув дверь, я швырнула деньги на диван. И только собралась с чувством зарыдать, как услышала трель своего телефона. Звонила мама. Вот! Вот кому я сейчас пожелаю на всю эту осточертевшую коммунальную жизнь, предложу еще раз попробовать обменять наши комнаты на какое-нибудь отдельное жильё! Мама должна меня понять, она сама тысячу раз говорила...

— Да, мама! — всхлипнула я, хватая трубку.

— Мария! — тон мамы был ледяным. Да и обращение полным именем я слышала от нее только в самых... как бы это выразиться... неприятных разговорах. — Что ты там творишь, я

тебя спрашиваю? Кто проживает в нашей квартире, представляясь всем друзьям семьи и родственникам твоими братьями из Казани? Что все это значит? Отвечай немедленно!

— Я... — в голове промелькнула куча вариантов вранья. Нет, ни один из них маму не устроит. — Ну, это, конечно, не родственники, мама... И они приехали на пару дней. А тут как раз съехал Вовка...

— Я уже разговаривала с Еленой Борисовной, — отчеканила мама. — И удивлена описанием, в каком виде ты разгуливаешь по улицам.

— Но мама! — простонала я. — Это чистая случайность! Ты же знаешь эту гримзу! Она может наговорить все что угодно...

— Пока я не услышу от тебя вразумительных объяснений, я буду верить каждому, кто рассказывает мне свою версию событий! То, что ты висишь голая на шее у какого-то мужчины в общей кухне, тоже не красит твой моральный облик!

Ах, Игнатов! Подлец! Не побрезговал накапать бывшей первой теще... Ничего, ты у меня еще попросишь «освежить»... Я тебе так «освежу», на всю жизнь запомнишь!

— Мария! Почему ты молчишь?

— Как зовут твою маму? — прошипел Максимилиан, отбирая у меня телефон.

— Татьяна Петровна, — ответила я и обняла Барона, зарывшись в мягкую шерсть.

В одно ухо мне влетал суховатый, чуть официальный голос Макса, а в другое — коридорные вопли.

— Доброе утро, Татьяна Петровна! Позвольте представиться, меня зовут...

— Алкаш! Еще скажи спасибо, что Маша ментов вызывать не стала! Загремел бы ты за соучастие...

— Видите ли, она сейчас очень расстроена, произошла попытка ограбления ее комнаты. Нет, вор задержан на месте. Нет, брат из Казани — это я. Вор был собутыльником Евгения Викторовича.

— Да вы, Амалия Готлибовна вечно ничего не слышите! Меня это просто поражает! Тут грабят среди бела дня, а вы, как всегда вздремнули! Хорошо, кашу на плите вариться не оставили. У меня эта горелая вонь уже в печенках сидит!

— Нет, нет! Видите ли... Представиться родственником Марии Александровны была моя, как я сейчас понимаю, глупая идея. Когда Андрей... Вы же помните вашего соседа Андрея? Да, да. Это он сообщил мне, что у Марии Александровны освободилась комната, которую она сдает. Снимая жилье в приватном порядке, на короткий срок я побоялся испортить репутацию Марии Александровны и предложил ей... Извините, я не хочу сказать ничего плохого о вашем бывшем зяте, но он трактует ситуацию с точки зрения банальной ревности!

— Чтоб духу твоего здесь больше не было! Втерся ко мне в доверие, Лизонька. Честное слово! Да я его на весь город опозорю, не сомневайся! Ишь, крыса позорная, девушку обобрать хотел...

— Татьяна Петровна! Это совершенно неправильная постановка вопроса! Вы должны сказать: Максимилиан, немедленно приезжайте к нам и привезите дочь, чтобы я убедилась, что с ней все в порядке. И я возьму у Андрея машину и доставлю Марию Александровну пред ваши светлые очи. Я должен совершать действия, а не вы, Татьяна Петровна! Зачем вы будете трястись в автобусе, тратить время и нервы... Да. Конечно, могу, и я это сделаю. Да. Вроде успокоилась. Не плачет.

Он оторвал меня от Барона и сунул телефон.

— Машенька! — запрочитала мама. — Какой ужас! Хорошо, что Максимилиан с Бароном были рядом! Вы должны приехать, я должна знать, что ты цела и невредима.

— Я цела и невредима, — заверила маму я. — Это был тихий ворюга, а не бандит и насильник...

Тут я вспомнила вчерашнее нападение и горько разрыдалась. Боже мой, знала бы мама, как я замечательно провожу время! Максимилиан ловко отобрал у меня телефон и начал утешать маму. Ободряющие слова перемежались с комплиментами в мой адрес. Речь его текла плавно и гладко. Через некоторое время я перестала рыдать и впала в подобие теплого обволакивающего сна, в котором, тем не менее, слышала все происходящее. Закончив разговор, Максимилиан командным тоном приказал:

— Все, Мария Александровна. Полчаса на сборы, утирание соплей и выдачу пайка Барону. Мы едем к вашим родственникам. Ясно?

— Но... — растерялась я, вырываясь из дремы. — Как же вы поедете? Тут ведь Феликс, который съел грушу, и каюк!

— Да что вы привязались к этой груше? — поморщился он. — Я хотел бы напомнить, что мы с Феликсом — не люди. Он и гвозди сожрет и переварит, если больше нечего будет! А вот каюк, как вы его называете, и заставляет меня ехать к вашим родственникам. Потому что только вашей мамы мне здесь и не хватает!

— Ну, знаете ли! — возмутилась я.

Максимилиан уселся на диван и жестко предложил мне взглянуть на ситуацию с его стороны. Он по мере сил обеспечивает безопасность брата, который проводит научный эксперимент в маминой комнате. Ограждает Феликса от помех со стороны местных жителей — что сразу проассоциировалось у меня с людоедами-туземцами — и следит, чтобы им на хвост не сели псы. Из-за глупости Феликса, ухитрившегося снять комнату в коммунальной квартире, ему приходится тратить время и силы на улаживание мелких дрызг и флирт с обделенными вниманием женщинами. В общем, не жизнь, а сплошные трудности. Аж слеза прошибает...

Жертвуя собой — под этими словами, видимо подразумевалась беспорядочная половая жизнь — ему удалось наладить подобие рабочей обстановки. И тут в дело вступила я, квартирная хозяйка, у которой он в долгу за молчание перед Псами. Начала неумело втягивать его в череду неприятностей, напоминающих фальсификации...

— Что вы несете? — взвилась я.

— Извольте дослушать, Мария Александровна! Сначала вы, здравомыслящая на вид женщина, идете преследовать меня по ночному городу. И, то ли провоцируете группу пьяных придурков, то ли разыгрываете комедию, находясь с ними в сговоре.

Барон недовольно заворчал.

— Затем вы устраиваете попытку ограбления своей квартиры.

— Я никуда с вами не поеду! — вцепившись в Барона, заорала я. — Вы умело выворачиваете факты и хотите вывезти меня из города и убить в лесополосе, как помеху вашему научному эксперименту!

— Я не могу понять, чего вы добиваетесь! — тоже повысил голос он. — Вы не требуете повышения квартплаты, не проявляете сексуального интереса ни ко мне, ни к Феликсу, не выставляете дополнительных условий, зато планомерно мешаете моей работе.

Коротко стукнув в дверь, в комнату ворвался Андрей.

— Ну, козел! — выдохнул он. — Я не я буду, но этот алкаш отсюда съедет!

Притаскивает кого ни попадя... Так же и ко мне вломиться могут!

— Андрюха, дай машину. Надо Машу к матери свозить, — коротко бросил Максимилиан.

Я открыла рот, чтобы повторить, что никуда с ним не поеду, но вновь провалилась в теплую дрему. Долетавшие голоса сговаривались о том, что Барон пока поживет у Андрея, искали ключи от комнаты, отдавали Лизе и Амалии указания о кормежке Феликса, а потом я, повинувшись настойчивым словам, мешавшим мне отключиться, переделалась в джинсы и куртку, взяла сумку и побрела к машине. Там голос оставил меня в покое, и я умиротворенно заснула.

Разбудил меня приглушенный собачий лай. Я открыла глаза. В стекло машины упирались лапы. Барон требовал, чтобы я немедленно вышла наружу. Так, минуточку! Меня же украл Максимилиан! И, кажется, повез в лесополосу... Я открыла дверь. Нет, асфальт.

— Проснулись, гражданочка? — заботливо спросил молодой полицейский. — А ваш муж к реке пошел. Просил нас присмотреть, чтоб с вами ничего не случилось. Вы так сладко спали, он будить не захотел.

Я очумело потрясла головой. А где же Барон?

— Здесь была собака?

— Нет, гражданочка. Это у реки бродячие псы лают, вот вам и приснилось. Я вашему мужу еще говорил: нет там никаких рыбаков, одни бомжи да собаки, а он уперся, говорит, пойду друга поищу.

Я огляделась. Машина стояла возле полицейского поста на выезде из города. Так, а выезд из города у нас через реку! Я подошла к мосту. Ну да, тут по берегу до того места, где купался Максимилиан чуть больше километра. Интересно, он что, манок поперся проверять?

— Давно муж ушел? — повернулась я к стражу правопорядка.

— Да с полчаса уже будет, — нахмурился тот. — Я и сам думаю, не случилось ли чего. Хотя, если он друга встретил...

Я еще раз вслушалась в отдаленный собачий лай. Станный сон, из которого меня вырвал Барон, придал бодрость и нехарактерное боевое настроение. Я доверительно сообщила сержанту, что муж наверняка сбежал нажраться, чтобы за рулем до моря не сидеть. Полицейский рассмеялся. Солидный джип Андрея вкупе с взяткой, а я почему-то была уверена, что Максимилиан оплатил услуги по моей охране, помогли войти в образ обеспеченной идиотки.

— Пойду искать! — заявила я. — Он там еще два часа проторчать может. Мальчики, если что, я ору, а вы меня от бомжей спасаете, ясно? Муж доплатит.

Мальчики встретили мое заявление одобрительными кивками. Еще бы, такое развлечение, да за деньги! Дали бы мне пистолет, сама бы согласилась. А у них вон и автоматы и служебная собака...

— О! — оживилась я. — Может, вы мне песика займете? Для храбрости?

— Это же казенное имущество... — задумался сержант.

Я метнулась к машине, вытащила из сумки кошелек. Выгребла все деньги и убедительно сказала:

— Я ведь напрокат беру! У меня дома свой есть. Знала бы, что этот гад смоеся, непременно бы захватила. Его только с собаками искать!

После недолгих уговоров я получила брезентовый поводок и спокойную немецкую овчарку по кличке Найда. При этом у меня мелькнула мысль, что Максимилиан-то Барона

дома оставил неспроста. Драгоценного брата с каюком охранять! Спускаясь к реке, я попробовала установить контакт с собакой. Осторожно погладила ее по голове и объяснила:

— Учти, он мне не муж. Так что мы, две слабые девушки, идем выручать из беды наглого, но обаятельного проходимца.

Найда широко улыбнулась. Я ободрено продолжила:

— Кобель высшей пробы. Он тебе обязательно понравится. Я уверена, что этот сексуально озабоченный хам сейчас вляпался в неприятности...

Подтверждая мои слова, где-то рядом раздался дружный ожесточенный лай. Свора преследовала беглеца, который шумно бежал в нашем направлении.

— И мы должны его спасти! — закончила я инструктаж и спустила Найду с поводка.

Максимилиан, а именно он выскочил из кустов, сначала отпрянул, увидев женщину с собакой. Видимо, он решил, что преследователи взяли его в клещи. Затем просветлел и крикнул:

— Девочки, к машине!

Следом за ним сквозь кусты проломилась три черных пса и две фигуры в балахонах. Найда рванулась к псам, залаяла, толчком повалила одного из них на землю. Добежавший до меня Максимилиан рванул рукав моей куртки и повторил:

— К машине!

— Найда! — позвала я.

Черные псы пятились от разъяренной немецкой овчарки. А кто-то из подоспевшей погони сразу лег на брюхо и заскулил. На балахоны собачья атака такого впечатления не произвела. Они пытались обойти овчарку, но им мешала скученность.

— Беги вперед! — велела я Максимилиану. — Меня они не тронут. И зови на помощь ментов!

На этот раз я не испытывала никакого страха, глядя в красные глаза псов. И капюшоны их помощников меня не напугали. Уроды, небось, вот морды и прикрывают! Но рыцарствующий Максимилиан, конечно же, поступил по-своему и решил вынести меня с поля боя на руках. В этот патетический миг ближайший балахон зарядил ему в лоб чем-то вроде парафинового персика, и мой рыцарь повалился на землю, крепко меня к ней придавив.

— Гражданочка! — заорали где-то неподалеку. — С вами все в порядке?

— Нет! — истошно завопила я, нашаривая слетевшие очки. — На помощь! На нас напали ролевики из кино про девять и кольцо, они камнями швыряются, чуть мужа не убили!

Раздался пистолетный выстрел, заставивший балахоны зашипеть.

— Вы лягте где-нибудь! Они из лука шмальнуть могут! — предупредила доблестная полиция и стала пробираться к нам на выручку.

Я злобно подумала, что мы тут залегли по полной программе. Кое-как выбралась из-под Максимилиана и обнаружила, что у него на голове во всей красе торчат рога. Ну, невезуха! Я поспешно сняла с себя куртку и набросила ее на рога. Выбравшаяся из бурелома полиция не обратила на этот странный факт никакого внимания. Сержант еще раз пальнул в воздух, обращая балахоны в бегство, и авторитетно заявил:

— Нет, гражданочка, это не про кольцо. Это Гарри Поттеры. Одна радость, у них хоть луков нету.

Умница Найда подбежала к нам и стала тыкаться носом Максимилиану в лицо.

— Буди его, подруга! — прошептала я. — Макс, рога убирай, живо!

— Муж-то живой? — деловито уточнил сержант. — Неохота протокол на труп составлять.

— Живой, — ответила я. — Не надо протокола.

Я наклонилась к Максимилиану, пощупала голову, убедилась, что рога исчезли и сдернула куртку.

— Вот!

— Ого! Шишка, небось, будет, — сочувственно сказал сержант.

— Еще бы, таким бульжником зарядили! Помогите мне его до машины дотащить.

С помощью двух полицейских я кое-как запихала бесчувственного Максимилиана на заднее сиденье джипа и задумалась. Ехать домой со сворой псов на хвосте? К Феликсу, от которого никакого толку? Раздумья прервал телефон.

— Да, мама! — отозвалась я, протягивая сержанту еще одну купюру, вытащенную из кармана Максимилиана — пришлось заплатить за потраченные патроны. — Уже выехали, не беспокойся. Нет, скоро не будем. Ты же знаешь, я быстро ездить не люблю.

Я нажала на отбой. Присела перед Найдой, чмокнула ее в нос. Боевая подруга улыбнулась и облизала мне щеки. Эх, была не была, рвану к маме! Может, псов со следа собью? Я села на водительское сиденье джипа. Покрутила ключи, которые вытащила у Максимилиана из кармана вместе с мятыми купюрами.

— Мария Александровна! — пробормотали на заднем сиденье. — Вы что, машину вести собрались?

— Разумеется, — весело ответила я. — Она сама не поедет.

— А вы?..

— Права лежат в сумке. В них моя фотография в очках, так что все в порядке.

— Тогда езжайте быстрее, — тихо попросил он. — Им реку переплыть — раз плюнуть.

Я помахала сержанту и гордо вырулила на мост. Не такая уж я неумеха и трусиха, если приглядеться. И вижу то плохо, то не очень, в зависимости от ситуации — как мне выгодно, так и вижу. Дорогу под колесами разберу и встречные «КамАЗы» замечу. По молодости Игнатов считал, что люди должны совершенствоваться и научил меня водить машину. А Андрюшин джип я несколько раз перегоняла домой от реки, когда мы возили купаться Барона с Фердиком. Андрюша, понимаете ли, воды боится, поэтому во время купания собак хорошо закладывает.

Я кинула взгляд в зеркало заднего вида. По отмели покинутого нами берега метались псы.

— Теперь я должен вас благодарить, — проговорил Максимилиан. — Вы меня спасли.

— Вас спасла Найда, — улыбнулась я. — Но так, в целом, вы бы и сами добежали. Хорошо бегаете, быстро. Только какого лешего вы к ним полезли, а?

— Хотел подслушать один разговор, — признался он. — А подлая ветка возьми да хрустни. Вот такая незадача.

Некоторое время я лавировала перед разъездом. Когда джип нырнул в тоннель под железной дорогой, я облегченно вздохнула и хотела спросить Максимилиана, чем это таким в него швырнули, не надо ли ему к врачу или хотя бы минеральной воды, а то выглядит он, мягко говоря...

Предупреждая мой вопрос, с заднего сиденья обиженно заявили:

— Все-таки вы к Феликсу слабость питаете, Мария Александровна!

— Почему? — искренне удивилась я.

— Ну... — фыркнул он. — Братец гадость сожрал, и вы вокруг метаться начали. А меня чуть не убили, а вам все равно.

Я поздравила себя с тем, что на дороге попался такой удачный светофор. И великодушно предложила:

— Хотите, я вам водички куплю попить? Вон, магазин с парковкой.

— Хочу.

Я лихо подрулила к магазину, деловито спросила:

— Что-нибудь еще? Рядом аптека. Бинты, зеленка, аспирин?

— Ничего, — он осторожно сжал пальцы в кулак, снова распрямил. — Через час само пройдет.

— Замечательно, — кивнула я. — Сейчас куплю воды и помчимся. А то мама волнуется.

Взгляд, которым он меня одарил, был непередаваем. Эдакая смесь детской обиды и восхищения. Хорошо получилось! Как бы повторить?

В магазине я управилась быстро — все время казалось, что рядом стоит скулящий Барон и за джинсы тянет меня к машине. К счастью, мое покалеченное сокровище никто не украл. Только какая-то рыжая девица с обочины пыталась рассмотреть его профиль через затемненное стекло. Фигушки, милая! Он сейчас на кобеляж не способен. Убедившись, что покалеченный сам способен пить воду из откупоренной бутылки, я невзначай поинтересовалась:

— А чем это они в вас швырнули?

— Я не смогу вам объяснить, — ядовито ответил он. — Для этого надо иметь понятие о вещах... О которых вы понятия не имеете.

— Ну и ладно, — легко согласилась я. — Тогда расскажите мне об Изольде.

— Зачем? — поперхнулся минералкой Максимилиан.

— Люблю учиться на чужом опыте, — ласково пояснила я ему. — Давайте, выкладывайте. Сами ведь проболтались, что такое было. Хочу знать, как она обаяла Феликса, ну и почему они развелись, разумеется.

— А... — хмыкнул он. — Забавная история. Мы с ней поженились по сговору, в интересах... В наших интересах, в общем. Супругой она была неплохой, только детей у нас не было. Со временем ей стало скучно возиться с котятками и щенками, и она переключилась на Феликса. Мы развелись по обоюдному согласию, я взял Феликса за шиворот и лично отвел к алтарю, чтобы он не забыл на ней жениться. Он ведь парень рассеянный. А Изольда нормальная баба, зачем ее обижать?

— Угу. А почему они потом развелись-то? Меня это волнует!

— Ах... — лицо Максимилиана стало до невозможности хитрым.

Я почувствовала, что влезла в какую-то ловушку, но давать задний ход было поздно.

— У них с Феликсом тоже не было детей, а ей хотелось... более поглощающей заботы. И тогда она развелась с Феликсом и вышла замуж за нашего папу. Таким образом, мы оба и еще семеро лбов, да две наши сестры на выданье стали ее приемными детьми. Забота о таком количестве детей оказалась ей не под силу, плюс Феликс пару раз забывал, что они развелись, ну и... В общем, наш папа тоже развелся с Изольдой. Но я видел ее в прошлом году на Белтайне с перспективным кавалером. Мило поболтали.

— Ясненько, — процедила я сквозь зубы.

Максимилиан замолк, а потом вроде бы задремал. Выглядел он уже гораздо лучше, волноваться я перестала. Поэтому, не забывая следить за дорогой, стала размышлять, правда

или ложь рассказ об Изольде. С одной стороны попахивает мыльной оперой, а с другой — в жизни и не такое бывает. Про мое супружество с Горшковым тоже можно романы писать. Правда, криминальные.

Я проехала через второй мост и прибавила скорость. Максимилиан что-то пробормотал. Улегся на сиденье и безмятежно захрапел. Я покосилась на его отражение в зеркале. Вляпалась я конечно с этими рогатыми братьями — мама не горюй! И никому не пожалуешься, за сумасшедшую примут. Решат, что у тетки на почве сексуальной неудовлетворенности крыша поехала. От перебора фантастических романов перед сном.

И ладно бы эльфы мерещились, то есть, жить пришли! Те, судя по книгам и фильмам сплошь культурные, никаких рогов и псов, взгляд с поволокой. А мне что досталось? Правильно бабушка говорит: «Что ни говно, то к нашему берегу!»

А с другой стороны... Я всегда полагаюсь на мнение Барона. В свое время с Горшковым проигнорировала, и что вышло? А Максимилиан Барону нравится, ходят по двору и коридору не разлей вода. И к Феликсу пес привык, хотя вначале рычал. Вряд ли бы Барон мирно терпел рядом со мной тех, кто желает мне зла.

Просто надо преодолеть полосу трудностей. Найдут они свою вещичку, отвалят, и в моей жизни воцарится хорошо оплаченный покой. Я опять покосилась на отражение в зеркале, у которого выросли рога, и пробормотала:

— А так ли он мне нужен, этот покой?

Глава 8

«Да... — подумал Метрополис, разглядывая дорого доставшийся ему обод. — А на вид — рухлядь рухлядю. Если бы не покалывание в кончиках пальцев, можно было бы подумать, что вещь мертва. Однако мертв Пальмирус. Интересно, был ли он счастлив перед смертью? Ведь сбылась его заветная мечта — он держал в руках работающее изделие Пришельцев!»

Метрополис бросил последний взгляд на обод и спрятал его в хитроумный тайник, окруженный сетью ловушек. Выпрямился, потирая спину — годы давали о себе знать, пробормотал:

— А в руках ли? Вот старый дурак...

Произнеся такую короткую и емкую эпитафию покойному другу, он отправился почивать. Себя Метрополис дураком не считал и твердо знал, что со сложными проблемами надо разбираться с утра на свежую голову. А в его распоряжении был не только таинственный обод. За полчаса до визита Прибоя Метрополис отвалил кругленькую сумму камердинеру покойного Пальмируса за две пухлые папки, набитые бумагами. Попросту говоря, выкупил ту часть архива Безумного, которая касалась работы с артефактами Пришельцев.

Однако осуществить свой план — хорошо выспаться, выпить чашечку кофе и приступить к разбору бумаг ему не позволили власти. В шесть утра недовольного Метрополиса разбудил камердинер. Он дрожащим голосом сообщил, что хозяина в холле ожидают два чародея, которые хотят препроводить его на встречу с главой Совета.

Метрополис ругнулся. Обжигаясь, отхлебнул пару глотков кофе из поданной чашки. Натянул расшитую звездами мантию и поспешно спустился в холл.

— Рад встрече, — пробормотал он.

— Стеарин ждет, — лаконично ответили ему посланники и подхватили под локти.

Трясаясь в карете, Метрополис мучительно раздумывал, каким образом пронирыливый

Стеарин ухитрился пристегнуть его к делу. А может это просто выстрел наугад? И его тащат в Совет только потому, что он был... ну, как бы единственным другом покойного. Метрополис велел себе не нервничать заранее и попытался переключиться на какие-нибудь приятные мысли. Хотя бы помечтать, что Пальмирус упомянул его в завещании, отписав ему кругленькую сумму. Это было бы весьма кстати — оплата архива и обода полностью исчерпала денежные запасы Метрополиса. В отличие от Пальмируса, он не пошел по пути работы с запрещенными заклинаниями. Некромантские ритуалы всегда вызывали у него брезгливость и внутреннее отвращение. А Пальмирус таких чувств то ли не испытывал, то ли сумел хорошо подавить. И каков результат? Честный Метрополис всю жизнь с завистью смотрел на коллекцию друга-нарушителя. Позволить себе скупать артефакты Пришельцев он не мог.

— Приехали, — буркнул сопровождающий.

Метрополиса выволокли из кареты, повели к боковому входу в здание чародейского Совета. На куполе полыхали слитки разноцветной слюды, что не мешало шумным голубям топтаться по карнизам и ронять помет на мантии мечущихся вокруг дома чародеев. Несмотря на несусветную рань, в Совете и возле него было чрезвычайнолюдно. Тучного Метрополиса буквально внесли по ступенькам и подтолкнули к скучающему в коридоре секретарю Стеарина. Тот прикоснуться к старому магу не стал. Окинул изучающим взглядом, приказал:

— Следуйте за мной, достопочтенный.

Метрополис, содрогаясь, побрел по темному коридору. Миновав развилку на подвал, он немного приободрился. Похоже, его вели в кабинет Стеарина, что внушало некоторые надежды на благополучный исход дела. Секретарь заглянул в дверь и вежливо кашлянул. До Метрополиса донеслось отрывистое «Через пару минут». А затем умоляющий женский голос проговорил:

— Поверьте, я была бы первой жертвой этого зелья! Я же покупала эликсир молодости, магистр! Он меня обманул!

Через некоторое время из кабинета Стеарина вышла заплаканная графиня де Астильяк. Она смерила Метрополиса негодующим взглядом и прошипела несколько выражений, не употребляемых дамами из высшего общества. Старый маг удивленно пожал плечами, шагнул в кабинет.

— Очень рад, что ты откликнулся на мое приглашение, — пробасил Стеарин, не делая попытки приподняться с кресла в знак приветствия.

Метрополис злобно подумал, что поди тут откажись, а вслух произнес:

— Магистр Стеарин! Услышав об оказанной мне чести, я помчался по вашему зову, ибо...

— Ближе к делу, — хмыкнул Стеарин. — Ты же у нас лучший друг покойного Пальмируса, так?

Метрополис на секунду замялся. Прикинул, не разыграть ли сцену «Как покойного?», но передумал.

— Да, магистр, — с достоинством ответил он, утирая несуществующую слезу. — Этой ночью я получил весть, что моего друга больше нет в живых. И долго предавался скорбным раздумьям о быстротечности времени, а также...

— Кто сообщил тебе эту печальную новость? — вкрадчиво спросил Стеарин.

— Не знаю, кто это был, — соврал Метрополис. — Позвонили в колокольчик, я открыл

дверь. Какой-то оборванец проговорил, что Пальмирус мертв и удалился.

— И ты поверил? — ехидно ухмыльнулся Стеарин, почесывая рыжую бороду.

— Сердце подсказало мне, что вестник провозгласил истину, — склонил голову Метрополис.

Некоторое время собеседники молчали.

— А когда ты последний раз видел Прибоя Драконоборца? — поинтересовался магистр, сверля Метрополиса пронзительным взглядом.

— Пару дней назад, — быстро отозвался тот. — Возле рыбной лавки. Поговорили о ценах на севрюгу, он похвастался, что Пальмирус пригласил его на работу.

— А почему не тебя?

— Не знаю! — с искренней досадой ответил Метрополис. — Предполагаю, что из-за барана. Двум старикам, отягощенным радикулитом, очень трудно справиться с брыкающимся животным.

Стеарин вцепился в эти слова, как клещ. Он с полчаса мурыжил Метрополиса, вытягивая подробности о предполагаемой работе. Что хотели сливать, да не знает ли Метрополис, чем его друг интересовался в последнее время? Не видел ли Метрополис знаменитых ножен гвардейца Бриссана, какие там были камни и прочее тра-та-та.

Взмокший Метрополис понял, что Стеарин хочет подобраться к ободу, и на все вопросы отвечал отрицательно. Наконец, после очередного упоминания о ножнах, слегка вспыхнул и предложил Стеарину побеседовать на эту тему с Прибоем. И тут магистр, перегнувшись через стол, сообщил Метрополису шокировавшую его новость:

— Прибой мертв. Его тело найдено сегодня в пять утра возле городских ворот.

— А?.. — Метрополис чуть было не спросил, была ли при покойном тысяча золотых, но вовремя опомнился и гневно зарычал. — А кто же посмел поднять руку на нашего единственного прославленного Драконоборца? Неужели козни завистников-чародеев были столь велики, что...

— Успокойся, — усмехнулся Стеарин. — Его не коснулись чары. Прибоя банально зарезали.

Метрополис нахмурился.

— И что ты думаешь по этому поводу? — спросил Стеарин.

— Думаю — стоит ли пятнадцать лет зубрить заклинания, когда ловкая шпана с кинжалом успевает добраться тебе до горла?

— Ну, мы-то свои давно уже вызубрили, — покачал головой магистр. — Поздно что-то менять, правда?

После этих слов он кивнул и шевельнул рукой, отпуская Метрополиса из кабинета. Столь неожиданное окончание аудиенции вызвало у старого мага легкое удивление. Он, чинно вышагивая и здороваясь с многочисленными знакомыми, покинул здание Совета и поспешил в городской морг.

Знакомый прозектор Метрополису очень обрадовался. Особенно после слов, что встречу старый маг предлагает обмыть в кабачке «Три карася» за свой счет. Заказав обильный обед, друзья выпили по кружке вина. Помянули сразу и Пальмируса и Прибоя.

— Да... — вздыхал прозектор. — Поди ж ты... Прибой — молодой, здоровый, как бык, алкоголизм не в счет, а ткнули стилетом в печень и ку-ку!

Поохав над превратностями судьбы, они заказали еще кувшин вина. Метрополис подобрался к интересующей его теме.

— А Пальмирус? — спросил он, ковыряя рыбу. — Годы, перенапряжение? Или все-таки заклинание? Скажи мне правду! Я же был его лучшим другом, пойми!

— Ох, правды тебе не скажет никто... — грустно улыбнулся прозектор.

— Что это значит? — насупился Метрополис.

— Когда привезли тело, над ним витал легкий серебристый сгусток энергии, — выдал тайну прозектор. — Пока специалисты добежали, пока руки помыли, он взял и растаял.

— Зачем они руки мыли? — озадачился Метрополис. — Труп-то все равно!

— Да селедку как раз ели, все по локоть в жиру, работать неудобно — руки очень скользкие...

— А-а-а...

— Ну, а теперь по всему выходит, что Пальмирус просто умер. Возможно от страха. Судя по выражению лица.

Метрополис покивал. Потом, озаренный внезапной идеей, попросил:

— Опиши сгусток!

Покидал кабак он в легком подпитии и твердой уверенности, что старый дурак Пальмирус обод перед смертью все-таки надевал. Сгусток энергии как две капли воды походил на его описание. Теперь он раскаивался, что не расспросил Прибоя об обстоятельствах смерти Безумного. Но вчера ночью он просто побоялся долго беседовать с чародеем, которого уже искала вся полиция столицы. Прихватят на пороге, потом не отмажешься.

А сегодня он уже искренне жалел как о покупке архива, так и смертоносного обода. Выкинул уйму деньжищ — и все почему? Из-за застарелой зависти, что у Пальмируса такое есть, а у него нет. И что теперь с этим добром делать? Ни изучать спокойно не сядешь — в любой момент в дом вломятся люди Стеарина и привет. Не продашь никому, потому что слишком уж вещички приметные. А если Стеарин заподозрит, кто ныне является владельцем бумаг и обода, жизнь Метрополиса не будет стоить ни гроша.

Мучимый этими тягостными размышлениями, он добрался домой и благополучно лег досыпать упущенные часы. Разбудил его очередной визитер, на этот раз приятный. Это был душеприказчик Пальмируса. Старый лис таки упомянул товарища в завещании. Метрополису причиталась сумма в две тысячи золотых — ровно столько, сколько он потерял на своих покупках и набор столового серебра. Метрополис долго и скорбно беседовал с душеприказчиком, выясняя подробности завещания. Оказалось, что Пальмирус завещал свою коллекцию и архив школе при чародейском Совете, с условием, что выпускники будут уделять два семестра поиску и разгадке вещей Пришельцев.

После ухода душеприказчика Метрополис опять впал в уныние. Он не сомневался, что Стеарин уже подписал соответствующий указ и теперь обод, хранящийся у него в тайнике, является похищенным имуществом школы. Метрополис мельком обдумал возможность бегства и тут же ее отверг. Годы не те, чтобы срываться с насиженного места. Да и всех, кто сейчас поспешно покинет столицу, Стеарин будет разыскивать. И найдет.

Кряхтя и охая от осложнений, которые он сам себе создал, Метрополис спустился в подвал, чтобы проверить ловушки вокруг тайника. Там он обнаружил неприятный сюрприз. Это был секретарь Стеарина, получивший в горло стрелу из замаскированного арбалета. Небольшим утешением служило только то, что добраться до тайника секретарь так и не смог.

подавив первый приступ паники, Метрополис приступил к действиям. Он обшарил

карманы покойного и обнаружил список из десяти имен, в котором он проходил пятым номером. Возле имен четырех его предшественников стояли аккуратные галочки. Метрополис поставил точно такую же напротив своего имени и довольно ухмыльнулся. Следующим в списке шел его сосед — модный астролог Галлей.

Дождавшись темноты и одарив своего камердинера толикой золота, Метрополис хладнокровно сфабриковал неоспоримые доказательства причастности Галлея к убийству. Тело секретаря было втащено в сад астролога, а камердинер был послан к Стеарину с сообщением, что они с хозяином с час назад слышали у соседей беготню, шум и чей-то предсмертный крик.

Несмотря на вечернюю росу, довольные хозяин со слугой битых два часа пили чай на ступеньках заднего крыльца дома. Галлея они не любили единодушно — за наглость, пренебрежение к старикам и склонность к мотовству. Вдосталь насладившись картинами ареста и обыска, они дали людям Стеарина слаженные показания и улеглись спать.

Метрополис закрыл веки, упиваясь покоем и блаженством. Конечно, после долгого сидения на ступеньках у него наверняка разыграется радикулит — но ведь дело того стоило!

Неожиданно до его слуха донеслись какие-то странные шорохи. Он открыл глаза и был ослеплен потоком яркого, неестественного света, бьющего ему прямо в лицо. Метрополис испуганно сел на кровати и принялся тереть глаза. Постепенно зрение вернулось. Он увидел перед собой освещенный прямоугольник, в котором стояла рогатая фигура. Старый маг взвизгнул, хотел отползти, но ему помешала спинка кровати.

— Где венец? — ровным тоном спросил рогоносец. — Ты не тот, у кого он был прежде.

Метрополис почему-то сразу подумал о Прибое. То-то у него, мерзавца, руки так тряслись!

— Верни мне венец! — потребовал рогатый.

Неведомая сила подняла Метрополиса с кровати. Он покорно пошел к тайнику. Отключил ловушки, вынул обод. Принес в спальню и положил к ногам рогоносца. Тот нагнулся. Попробовал взять обод, но пальцы скользили по серебру. Рогоносец задумчиво посмотрел на обод, на Метрополиса. Спросил:

— Как он к тебе попал?

Метрополис честно изложил всю историю приобретения обода. Рогатый пару раз щелкнул пальцами, чего Метрополис страшно испугался, хотя никакого вреда ему это не принесло. Велел показать ему золотую монету. Кивнул, достал из кармана маленький брусочек и стал нажимать на крохотные выступы. Метрополис ожидал немедленной смерти, но рогатый назвал брусочек Максом и о чем-то с ним поговорил. Выслушав еле слышные ответы живого брусочка, он повернулся к Метрополису. Тот взглянул в бездонные, пронзительно-синие глаза гостя и услышал приговор:

— Сиди здесь. Держи венец под подушкой и не смей никуда уходить. Через час ты получишь тысячу золотых, а я заберу венец.

— А-а-а?.. — прохрипел Метрополис.

— И не вздумай пялить его на голову. Подохнешь, понял?

После этих ободряющих слов синеглазый рогоносец движением руки закрыл проем, и в спальне Метрополиса наступила полная темнота.

Глава 9

Домой я возвращалась в приподнятом настроении. Визит к маме с бабушкой прошел удачно. Мамулю очаровали пошлые ярко-желтые розы, которые ей презентовал

Максимилиан. Она заявила, что подобный «прощальный» букет ей никто никогда не дарил, и уже наверняка не подарит. А ей, оказывается, всегда такого хотелось. После этого заявления она, припевая, уволокла букет в свою комнату, а Максимилиан победно на меня посмотрел. Получилось, что я зря закатила ему скандал в цветочном магазине. Бабуля тоже осталась довольна — ей перепали три орхидеи в коробочке, и она носила их за собой по всему дому. Ужин с шампанским прошел на высоте. Максимилиан не стеснялся веселить маму с бабушкой пошлыми анекдотами. А эти две ярые поборницы моральной чистоты не стыдились хлестать шампанское и гоготать во все горло. Вот и пойми престарелых родственниц! Когда я на кухне чашку разбила и в сердцах выругалась, хором на меня орали. А то же самое из уст Максимилиана — с превеликим удовольствием.

Сидели мы, правда, недолго. Максимилиан рано запросился спать и вырубился в южной спальне, как бревно. Исключив всякую возможность эротических развлечений, о которых я начала подумывать. Просто так, назло Игнатову.

Дорожные разговоры особого улова не принесли. Я выслушала гордое заявление Максимилиана, что у него семеро детей от разных жен и узнала, что Джилла — пятая супруга по счету. О псах и балахонах он говорил уклончиво.

— Я же тебе уже объяснял! — он перестроился в левый ряд и прибавил скорость. — Они патрулируют миры, запрещенные к посещениям.

— Это я поняла. А почему, собственно, тебе нельзя находиться в нашем мире? По-моему, ты не беглый преступник и не контрабандист!

Максимилиан фыркнул:

— Ничего криминального в моей биографии нет, поверь на слово.

— Тогда в чем причина? — нахмурилась я.

— Ваш мир не входит в Содружество, — неохотно проговорил он. — Посещение таких миров... Как бы сказать доступнее? Почему карается изнасилование, Маша?

— Ну... — попыталась сформулировать я. — Это жестокий поступок. У жертвы не спрашивают согласия, ей больно, обидно... травмы не только физические, но и моральные. В душе может остаться неизгладимый след, который испортит жизнь.

— Ты все замечательно объяснила, — кивнул он. — Вот и наше несанкционированное посещение по большей части оставляет в памяти обитателей мира боль и обиду. А то и неизгладимый след.

Я хотела уточнить, что значит «несанкционированное». Прикинуться дурой и сделать вид, что не знаю этого слова. Но он ухитрился как-то ловко повернуть разговор на мои замужества, и я, не знаю почему, выложила все, как есть. Унылую историю первого брака с Игнатовым и романтически-криминальную — второго. Рассказала я и про то, что последние три года веду тихую, почти затворническую жизнь.

— Раньше, пока я не работала дома...

— А где ты еще работала? — заинтересовался Максимилиан.

— О... — рассмеялась я. — В самых разных местах. И в библиотеке — по распределению после училища. Я же тебе говорила, что мы с Игнатовым познакомились в библиотеке!

— Я думал, вы там вместе читали, — усмехнулся он.

— Нет, я там работала. Это было так нудно!.. Техническая литература, ужас. Потом я вышла за Игнатова замуж и уволилась. Потом развелась. Немножко помогала Таньке с рекламными буклетами, у нее вечно была путаница с цветами. Вела развивающие занятия в

бывшем ДК — учила малышню рисовать гуашью и акварелью. Потом работала на обработке результатов переписи. Пока результаты не закончились. Я как раз была второй раз замужем...

Максимилиан вздохнул и покачал головой.

— Но бабуля несмотря ни на что оплатила мне курсы и купила ноутбук. Сказала: попробуй изменить свою жизнь, научись чему-нибудь новому. И я стала потихоньку учиться. На первых порах меня сильно поддержала Танька. Она работала в большом рекламном агентстве и у нее была куча левых заказов. Она передала мне газетенку «Зори дачника», и я...

— Кто такая Танька? — отрываясь от дороги, повернулся ко мне Максимилиан. — Ты упоминаешь ее уже в третий раз. А сама перед этим говорила, что у тебя нет подруг.

Я немного помолчала, решая, стоит ли выкладывать Максимилиану правду или просто отделаться фразой «Да мы давно поругались». Потом подумала, что врать смысла нет.

— Она и была моей единственной подругой. Она пропала... подожди, да, два года назад. Продала квартиру и исчезла вместе со своей собакой. Эрдельтерьером. Ну и... в общем, я не знаю, жива она или нет. Скорее всего — нет.

Максимилиан уловил недосказанность. Кинул на меня вопросительный взгляд.

— Перед исчезновением она совсем... помешалась. Говорят, у нее была шизофрения, — неохотно продолжила я. — Вполне возможно. Она говорила и делала очень странные вещи. Родственников у нее не было, только какая-то двоюродная тетка, с которой они не ладили. Не знаю, подавала ли тетка заявление в милицию... Наверное, подавала. Но мне, как ты понимаешь, никакие результаты неизвестны.

— Надо ее поискать!

— Как? Ходить по людям и спрашивать, не видели ли вы даму с эрдельтерьером? У меня нет ни одной ее фотографии! Я сама не люблю фотографироваться, она тоже не любила... не любит, не знаю, как правильно сказать. В адресном столе есть только ее старые координаты...

— Я не знаю, что такое адресный стол, — улыбнулся Максимилиан. — У меня другие методы. У тебя остались какие-нибудь ее вещи? Побрякушки, перчатки, сумочка?

Я задумалась. Что-то было, да... А что? Блузка? Нет, не блузка... Мысль сбилась от звонка сотового телефона. Скрытый номер с ходу спросил:

— Макс?

— Нет, — удивленно ответила я.

— А где Макс? Это Феликс.

— Рядом, — сообщила я. — Машину ведет.

— Дай ему трубку!

Вот звоночек: ни здравствуйте, ни пожалуйста! Но трубку Максимилиану я передала. Он коротко переговорил с Феликсом на своем языке. Нажал на отбой и остановил машину на обочине.

— Я должен идти к себе домой, — как-то виновато объяснил он. — Это срочно и важно. Ты вернешься в город одна. Может оно и к лучшему. Если псы сидят у моста в засаде, на тебя одну они не обратят внимания.

От злости я немедленно перешла на «вы».

— Что вы себе позволяете? А если бы я не умела водить машину?

— Я должен идти, — повторил Максимилиан. — Это очень, очень важно. Понимаешь,

ту вещь, которую мы ищем, надо выкупить. Я пойду за золотом. Когда я вернусь, мы поищем твою подругу, обещаю.

— Скатертью дорожка. По мне, хоть не возвращайтесь.

— Такими словами в Прорву не провожают, — серьезно ответил он. — Там брачный сезон в самом разгаре, я ведь тебе уже говорил. Сейчас как разыграет у кого-нибудь доблесть перед бабой показать...

Я вспомнила чудовищные глаза и крылья и содрогнулась.

— А почему ты не можешь пойти по дороге?

— Через Прорву быстрее... и меньше шансов что засекут. Извини, если что не так и пожелай мне удачи.

— Удачи... — эхом отозвалась я и вышла из машины, чтобы пересесть на водительское сиденье.

Он тоже вышел. Возле капота мы столкнулись, и так получилось, что поцеловались на прощание. Вынуждена признать, что целуется Максимилиан великолепно. Видимо опыт пяти браков — большое дело. И наверняка у него была хотя бы одна жена в очках, потому что он умеет их снимать с женщины весьма деликатно и даже как-то эротично. Неоценимое качество!

Он погладил меня по щеке, проговорил:

— Я, если получится, раньше тебя вернусь.

— А как мы будем это объяснять? — вдруг всполошилась я.

— Кто первый появится, говорит, что второй увидел знакомых и задержался. А ты взяла Андрюшину машину, чтобы порисоваться, — скороговоркой выпалил он и отдал мне очки.

Обошел меня и спустился в лесополосу. Через секунду мелькнула дверь в Прорву. Минута, другая... Все, растаяла. Я сообразила, что стою на трассе возле незапертой машины. Вооружилась оптикой, быстро села за руль и потихоньку поехала домой. Настроение было — хуже некуда. Да еще по радио я наткнулась на песню Цоя «Группа крови» и слова «Пожелай мне удачи в бою» бодрости не прибавили.

Знакомых полицейских на мосту не оказалось. И собака на привязи сидела другая. Никакой засады мне заметить не удалось. Подъезжая к дому, я занервничала. Легко говорить — взяла джип порисоваться! Да Андрей с меня шкуру спустит за такие шуточки!

Это с Максимилианом наш «смотрящий по двору» нежно дружит и по первому требованию выдает машину. С какой стати проникся — непонятно, но факт есть факт. А прочие соседи для него «лохи третьего сорта». Я, наверное, прохожу по второму — помогает Барон.

Я никогда ничего с Андреем не делила, старалась держать дистанцию, ловко заминала разговоры о дворовых отношениях. Один раз была у него в квартире, и искренне восхитилась ремонтом. Несмотря на вид типичного братка, Андрюша обошелся без позолоты — кругом царила дорогая и изысканная простота. Денег у хозяина ювелирного хватало.

Но это не значит, что он склонен ими разбрасываться! За свой любимый джип Андрюша печень вынет через гланды. Одно дело — доверить мне его от реки перегнуть, другое — разрешить бесконтрольно рассекать по городу. Ни одна из его блондинок себе такого не позволяет. Что уж говорить обо мне!

Как оказалось, накручивала я себя зря. Барон с Фердиком лениво валялись на Андрюшиных ступеньках перед закрытой дверью. Ясно было, что хозяин где-то недалеко — иначе бы он не оставил собак во дворе. Но хотя бы объясняться с ним нет никакой

необходимости.

Я долго возилась с тяжелыми воротами, но, в конце концов, поставила джип перед гаражом. Барон мне очень обрадовался, ударил лапами в живот. И потянул наверх, всем своим видом демонстрируя, что он уже нагостился у Андрея и хочет домой. В коридоре было безлюдно. Никого, кроме Амалии, на горизонте не наблюдалось. Да и та равнодушно скользнула по мне взглядом, поздоровалась, и вздремнуть пошла. Я впустила Барона на его законное место. Побегала под дверями маминой комнаты, опять помянула недобрый словом английский замок за отсутствие наблюдательной скважины. Погрызла ногти и решила постучать. Мертвая тишина, дверь задраена изнутри. Отпирать комнату своим ключом было неловко. Для такого поступка нужны какие-то основания.

Я поставила греться воду на кофе.

А что если они уже выкупили интересующую их вещь и ушли домой ей любоваться? Каюк-то им тогда больше нужен не будет... Бросят мне его тут, как кучу хлама, да и все.

— Действительно... — заноса в комнату кофе, пробормотала я себе. — Все эти поцелуи на шоссе хороши, пока надо обманывать псов и врать соседям про братьев из Казани. Но когда дело будет сделано, они здесь ни секунды не задержатся. Как же я сразу этого не сообразила? Эх, Маша, Маша, пора повзрослеть!..

Барон удивленно шевельнул ушами.

— А ты думал, с нами прощаться будут, детка? — спросила его я. — Я вообще-то тоже на это рассчитывала. Но теперь думаю, что зря. Давай выпьем кофе, отопрем дверь и посмотрим, большую ли гору мусора нам оставили в наследство. Чует мое сердце, на помойку нам гулять и гулять.

Барон насторожился. В маминой комнате послышались громкие раздраженные голоса, переругивающиеся на незнакомом языке. С каждой секундой они звучали все громче, а затем к воплям добавились удары и грохот. Что-то долбануло в дверь — ее таранили изнутри. Барон залаял. Я продолжала стоять, как вкопанная, не в силах ни шевельнуться, ни пискнуть. Раздался короткий мужской вопль. Треск, шипение. Я вышла из ступора. Схватила ключ и отперла дверь, не задумываясь о возможных опасностях. Просто отперла и все. И как выяснилось — вовремя.

На столе горел каюк. А на полу... На полу, сцепившись, катались два моих рогатых братца из Казани. Более крупный и явно тренированный Максимилиан время от времени ударял Феликса головой о батарею парового отопления.

— Что вы делаете? — завизжала я, хватая за ошейник Барона, который решил присоединиться к дерущимся. — Прекратите немедленно! Потушите пожар! Каюк горит!

Мои слова подействовали на них, как ведро холодной воды. Максимилиан отпустил Феликса. Тот очумело потряс головой и бросился к каюку. Выдрал несколько шнуров, достал из середины хрустальную пирамидку. Набросил на дымящуюся конструкцию одеяло с кровати, сел на стул и обхватил голову руками. Максимилиан прислонился к подоконнику и сверлил брата взглядом. В глазах плескалась та же бездна бешенства, как в первый миг нашей встречи, когда он выбежал из двери за Джиллой. Я почувствовала себя крайне неуютно. Пробормотала:

— Вы точно его потушите, да? Мне пожара не нужно!

— Не беспокойтесь, — взглянул на меня Феликс. — Все будет нормально. Нам тоже не нужно пожара. Извините.

Максимилиан не произнес не слова. Я потянула Барона за ошейник. Вышла из комнаты

и прикрыла за собой дверь. Ничего себе научный эксперимент! У полковника и то тише гуляют. А тут вся разница, что без музыки. Зато с пожаром. Я кое-как затолкала возмущенного Барона на место, уселась на диван. Какое счастье, что этого позора не видел никто из соседей! Как бы я им объясняла случившееся? Понимаете, Макс случайно бросил петарду в Феликсов макет и они из-за этого подрались...

— Извините, — без всякого стука заглянул ко мне Феликс. — Мария Александровна, а как у вас можно нагреть немного воды?

— Вы хотите тушить каюк горячей водой? — уточнила я, пораженная тем, что он наконец-то запомнил, как меня зовут.

— О, нет, что вы! — улыбнулся он. — Там уже ничего не горит. Если хотите, можете проверить. Я просто хотел сделать компресс. Макс очень сильно ударил меня по лицу. Я боюсь, что глаз заплывет, и мне будет неудобно работать. Но, если вас это затрудняет...

— Нет-нет, — подскочила я.

На красивую физиономию Феликса было действительно страшно смотреть. Ухо как вареник, скула разбита, на лбу здоровенная ссадина. Здорово Максимилиан его отделал!

Я поставила на газ чайник. Феликс завертелся вокруг меня, еще несколько раз извинился за пожар и драку. Пришлось простить — чего уже ломаться, знала, кого жить пустила. Он приободрился и стал клянуть у меня какую-нибудь тряпку для компресса. Я сказала ему, что выдавала Максимилиану стопку полотенце, который он клятвенно обещал вернуть. Но Феликс покосился в сторону маминой комнаты и шепотом признался, что пока не хочет туда заходить.

Я еще раз посмотрела на его разукрашенную физиономию и понимающе кивнула. В результате он расположился на моем диване, смачивая полотенце в тазу, куда я время от времени подливала очередную порцию кипятка. Надувшийся Барон недовольно за ним следил. Минут через пятнадцать в комнату молча заглянул Максимилиан. Под глазом у него красовался солидный синяк, а губа была рассечена. При виде нашего импровизированного лазарета он хмыкнул и захлопнул дверь. Феликс жалобно на меня посмотрел, пробормотал:

— Еще раз извините, Мария Александровна.

— Чего уж там, — махнула я рукой. — Хватит извиняться. Лучше объясните, из-за чего вы подрались? Или это страшная тайна?

Он опять заулыбался. Компрессы не привели его физиономию в достойный вид, но глаз, до этого стремительно затекавший, вроде бы оставался в одном и том же состоянии. Но в таком виде он мне нравился даже больше, чем в киношном варианте. Подпорченная красота упростила общение.

— Да чуток и из-за вас, — хихикнул он.

Я удивилась и потребовала подробностей. Оказалось, что пока мы катались на море, Феликс нашел вещь, которую они искали. Но она уже сменила владельца, а тот получил ее законным путем. Заплатил за нее деньги. Для того, что бы получить вещь назад, ее надо было или выкупить, или убить нынешнего владельца. Убийство нежелательно по многим причинам. Проще выкупить.

Расклад портила маленькая деталь — сидя в моей комнате, Феликс не мог вынуть из кармана требуемую сумму. Не мог он и отойти от каюка, чтобы не сбилась настройка. Тогда он позвонил Максимилиану и попросил его сходить домой за деньгами.

Деньги были доставлены в комнату через полтора часа. Братья пошли за своей вещью и обнаружили только труп владельца. Поиск зашел в тупик. Теперь все надо начинать сначала.

— А драка? — нахмурилась я.

— Я напомнил Макс, что мы заключили соглашение. Я занимаюсь поиском, а он берет на себя вопросы безопасности.

— Да, он мне это говорил, — блеснула осведомленностью я.

— Он говорил вам, какую цену за это запросил? — усмехнулся Феликс.

— Нет.

— Он забирает вещь себе.

— А?..

— А я убеждаюсь, что моя методика поиска работает, и с уже отлаженным вариантом каюка начинаю искать другую вещь. Без пробного эксперимента модель не усовершенствуешь, — вздохнул он. — Проще отдать Макс венец. Я потом себе кубок поищу. Если получится...

Я потрясенно молчала. Нет, я и раньше знала, что все услуги имеют свою цену. Но рассказ Феликса звучал жестко.

— Простите, я отвлекся от темы. По условиям нашего соглашения он должен был находиться здесь, в пределах досягаемости. Я знал, что мы можем столкнуться с вопросом выкупа. И собирался сам сходить за деньгами. Видите ли, я хожу через Прорву свободно. Тамошние обитатели — мои дальние родственники по материнской линии. Они не трогают таких, как я. А Макс затратил на дорогу в четыре раз больше времени. И все потому, что повез вас кататься.

— Это было необходимо, — проблеяла я.

— В этом не было никакой необходимости, Мария Александровна, — скривился Феликс. — Он мне сам заявил — я запарился тут сидеть, хочу развеяться. Он развеялся, из-за его расхлябанности мы потеряли вещь, а когда я ему это сказал...

Он опять опустил полотенце в воду. Я тупо смотрела на него. Прорва... Дальние родственники по материнской линии. То-то у него глаза такие мерзкие без линз! Какой кошмар... я же спала с ним в одной кровати!

— Я стал вызывать у вас отвращение? — угадал мои мысли он. — Меня это не удивляет. Прорва у всех миров вызывает отвращение. Но родителей не выбирают, правильно? Я сын своей матери и ничего не могу изменить. И я незаконнорожденный сын своего отца. В отличие от Макса. Просто, когда мне было семь лет, папаша ни с того ни с сего воспылил ко мне любовью и забрал меня в свой замок. Где спаянный коллектив его сыновей от двух браков кормил меня на завтрак опилками вместо овсяных хлопьев. Впрочем, я заболтался. Вам это знать совсем не нужно. Извините, я пойду работать.

Он швырнул полотенце в таз и вышел из комнаты. Меня окатило брызгами. Я проводила Феликса ошеломленным взглядом. Да, ну и расклад! Называется — хотела что-нибудь о них узнать, вот и узнала. Теперь сиди, переваривай. Если Феликс не врет, а мне почему-то показалось, что он не врет — ему-то пришлось и о себе сказать гадость, то Макс далеко не такой белый и пушистый, как выставляется. Вещь, которую они ищут, для них достаточно ценна. И если он ее получает в качестве оплаты за работу, он с Феликса пылинки должен сдувать. А не кушать пирожки у моей бабушки, нахваливая соседское парное молоко, что он сегодня утром делал.

Услышав отдаленный грохот, я выскочила в коридор. Лиза с ведром воды направлялась в мамину комнату.

— Уже все смела, сейчас пол протру, — доложила она. — Это ж надо... Все мужики

одинаковые — нажмутся и в постели курят.

Я посмотрела на скособоченный макет Кремля, упакованное в пакет обгоревшее одеяло. Все веревки и железки были аккуратно сложены на кровать. Максимилиан сидел на подоконнике, копаясь в жестянке с леденцами. Я покосилась на яркие шарики сочных цветов. Он перехватил мой взгляд и предложил:

— Возьмите, Мария Александровна. Я же у вас все время сахаром одалживался.

Я уже протянула руку, чтобы взять одну. Чисто из любопытства. Не каждый день конфеты из другого мира предлагают. Но тут мой взгляд упал на Феликса. Он стоял в углу, скрестив руки на груди, и рассматривал каюк с каким-то обреченным выражением лица. Мне почему-то вспомнились опилки и парафиновая груша. Я отдернула руку.

— Не хотите, как хотите, — пожал плечами Максимилиан. — Лизонька, ты, как пол домоешь, постираешь мне носки, хорошо?

— Ой, ну что ж с тобой делать! — вздохнула она. — Снимай, постираю.

Максимилиан стащил кроссовки, не развязывая шнурков. Снял носки и бросил на кровать.

— А трусы? — спросила Лиза. — Чтоб ты через полчаса опять не прибежал. Я два раза растеваться не буду!

Максимилиан взглянул на меня наглыми карими глазищами. Слез с подоконника и расстегнул «молнию» на джинсах.

— Сейчас сниму, Лизонька, — ласково пообещал он и потянул вниз джинсы вместе с трусами.

Я поспешно вышла из комнаты, не желая смотреть этот странный стриптиз. И задумалась над своим отношением к делу. Просто Максик с рожками, значит, не вызывал у меня никакой особой брезгливости. Чуть сама у бабушки к нему в постель не влезла. А Феликс с рыбьими глазками — уже не то. Ладно, Лиза, Роза. Те хоть не знают, кто перед ними! Но я-то хороша! Нет, надо держать себя в руках, а то так и до зоофилии недалеко. Все. Встретилась в коридоре, поздоровалась, два раза в день ненароком проверила, что они пожара не устроили. Никаких личных контактов.

До одиннадцати вечера мои отношения с рогатыми квартирантами проходили по выработанному мной плану. Я кивнула Феликсу, столкнувшись с ним возле туалета, и не стала тушить горелку на плите, когда меня об этом попросил Максимилиан. Спокойно забрала чайник и ушла с ним в комнату. Благо, мне теперь было чем заняться. Я включила ноутбук и нырнула в бездны экономической стратегии. Время летело незаметно. Барон понял, что от меня толку не добьются и сходил на прогулку сам. Заглянувшей Розочке я, не отрываясь от игры, сообщила, что стакан сахара занять не могу, потому что не помню, где у меня лежит сахар. Это ее настолько потрясло, что она удалилась без привычного нытья «Ну дай, а то у меня совсем нету». В начале двенадцатого в дверь опять кто-то тихо постучал, и я крикнула «Войдите!» в полной уверенности, что это кто-то из соседей хочет занять соль или спички. О существовании братьев из Казани я, честно говоря, малость подзабыла.

Появление на пороге Феликса стало для меня почти сюрпризом.

— Извините, что я вас беспокою в столь поздний час, Мария Александровна, — заговорил он. — Но мне опять требуется ваша помощь.

— Еще воды? — недовольно спросила я.

— Нет, — замялся он. — Совсем другое.

Мне почему-то померещилось, что он не может найти туалет, и я потрясенно на него

уоставилась. Надо же, какая рассеянность! Ведь я его там сегодня точно видела.

В полумраке комнаты, освещенной настольной лампой и дисплеем, его лицо стало завораживающе красивым. Он улыбнулся и у меня в голове вновь закопошились грешные мысли.

— Я прошу вас пройти или к нам в комнату, или, если вы по каким-то причинам не хотите туда заглядывать, выйти во двор. Я покажу вам здание, шпиль которого виден из окна. И вы мне скажете, что там находится. Пожалуйста, это займет всего несколько минут!

— Конечно-конечно, — согласилась я. — Никаких проблем. А... Максимилиан там?

— Нет, — мотнул головой Феликс. — Он у вашей горничной.

Ах, у Лизы, догадалась я. Отлично, надо заглянуть в комнату и проверить, нет ли пожара.

— Не хочу выходить во двор, — сказала я, сняла очки и потерла уставшие глаза. — Холодно.

Он предупредительно распахнул передо мной обе двери. Подвел к окну и попросил позволения выключить свет, чтобы было лучше видно здание. После щелчка выключателя комната озарилась слабыми всполохами каюка.

— Починили? — вежливо спросила я.

— Почти, — вздохнул он. — Я попробовал другие блоки. Скажите, что — вот там?

Я проследила за направлением его пальца и нервно сжала очки, которые держала в руках. Что же я дура-то такая! Шпиль у мамы из окна один виден.

— Это городской краеведческий музей, — медленно проговорила я.

— Благодарю, Мария Александровна, — прошептал Феликс.

Склонился к моей руке и осторожно ее поцеловал. Я посмотрела на музей, на его куртку. Взяла его за ухо и спросила:

— Феликс! Куда это вы собрались на ночь глядя?

Он невинно на меня посмотрел.

— Куда собрались, спрашиваю? Вы, часом, не музей грабить надумали?

— Если вы сейчас бросите зажигалку в соседний двор и попросите, чтобы я вам ее достал, я этот двор ограблю? — заулыбался он.

— М-м-м... — задумалась я. — Нет, не ограбите, но незаконно проникнете на чужую...

— Значит, я собираюсь незаконно проникнуть в музей, — он извернулся и поцеловал мне запястье.

— Феликс! Это нехорошо!

— Я знаю.

Я хотела ему объяснить, что это не просто нехорошо, а еще и опасно и чревато последствиями, но он наклонился и меня поцеловал. Поэтому речь я не смогла произнести по чисто техническим причинам. Выяснилось, что Феликс тоже целуется очень хорошо. Не хуже, а может быть даже и лучше, чем Максимилиан. Но жесткий край подоконника, впившийся мне в поясницу, изрядно испортил эротические ощущения. Через пару минут я не выдержала и стала от подоконника отползать. Феликс счел это сигналом «стоп». Отпустил меня и тихо извинился. Это было так трогательно, что я растаяла от нежности. И сказала:

— Я тебя одного никуда не отпущу!

— Что ты! Что ты! — он опять начал целовать мне руки. — Это опасно! И могут быть... всякие последствия.

Ну прям мои слова!

В общем, остановились мы на компромиссном варианте. Поскольку Феликс не хочет привлекать к делу Максимилиана — какие-то у него сомнения с вектором чпока, к музею мы идем вдвоем. Я остаюсь караулить снаружи, на лавочке в скверике. Наблюдаю, не заметет ли Феликса милиция. В случае неудачного проникновения я должна буду вытащить Максимилиана из Лизиной постели и объяснить ему ситуацию. Договорившись, мы тихо перебрались в мою комнату. Я порадовалась, что не переделалась в халат. Вытащила из шкафа униформу ночных походов — черный пуховик и шапочку. Зашнуровала кроссовки и сообщила Феликсу, что мы можем отправляться в путь. Барон смотрел на наши сборы прищуренными глазами, но ни рычания, ни ворчания из угла не доносилось. Мы еще разок поцеловались, причем без подоконника процесс затянулся надолго, и пошли на дело.

В коридоре нас ожидал сюрприз. Полуголый Максимилиан, прислонившийся к стене, ковырялся в зубах спичкой.

— Феликс! Ты Марию Александровну гулять ведешь? — притворно забеспокоился он. — Не поздно? Все уже закрыто, знаешь ли... И кино, и театры. И музей тоже закрыт!

Мне эта речь не понравилась.

— Почему именно в музей? — пошла в наступление я. — Может быть, мы просто целоваться идем на свежий воздух! Туда, где никто не подслушивает и не подсматривает.

— Неправда ваша, я не подсматривал, — нагло заявил он. — Я под дверью кашлял, просто вы не слышали. Заняты были очень.

Феликс еле слышно зашипел — да так противно, что я от него отпрянула. Попыталась сообразить, под какой именно дверью кашлял Максимилиан. Пришла к выводу, что разницы нет, и молча на него уставилась.

— Феликс, тебе будет лучше остаться дома и последить за вектором чпока, — сказал он, переходя на серьезный тон. — А я сейчас я оденусь и поведу Марию Александровну гулять. Без поцелуев. Чисто чтобы она развеялась перед сном. Договорились?

Наше молчание он принял за знак согласия и исчез в комнате. Феликс прошептал мне в ухо:

— Остайся дома. Он проверит музей, и я приду к тебе.

В его шепоте прорывались те же нотки змеиного шипа, который минуту назад вызвал у меня дрожь. Ответить я не успела — одетый Максимилиан вышел из комнаты и подхватил меня под локоть и повел к лестнице.

— Знаете... — уперлась я. — Время позднее. Гулять расхотелось. Я, с вашего позволения удалюсь.

— Нет, Мария Александровна! — покачал головой Максимилиан, — Никуда вы не удалитесь. Сейчас мы с вами пойдем грабить музей.

— Ни за что! — с чувством ответила я.

Глава 10

— Вы уверены, что отключили сигнализацию? — нервно оглядела я темный холл.

— Не уверен, но это не важно, — махнул рукой Максимилиан. — Нам не угрожает никакая опасность со стороны властей. Куда же я проводник задевал?

Он порылся в карманах и бросил на пол бесшумно упавший комочек. Комок попрыгал, словно разминаясь после сидения в кармане, и повел нас в глубину музея. Мрачный коридор освещался оранжевыми сигнальными лампочками. Их тусклый свет отражался в глазах чучел, закованных в стеклянные кубы — это выстроились животные нашего края.

— Не торопитесь, Мария Александровна! — попросил Максимилиан. — Я хочу

экспонаты осмотреть. Я редко хожу в музей. Грех не воспользоваться случаем.

— Ищите свою вещь! — сурово сказала я. — В любой момент может приехать милиция и нам придется от них убегать!

— Заяц-русак, важный промысловый объект, его добывают ради шкурки и мяса.

Комочек вертелся под ногами Максимилиана, словно выслушивая надписи с табличек.

— Барсук — типичный представитель смешанных лесов.

— Прекратите паясничать! — потребовала я. — Это переходит все границы!

— Ой! Смотрите! Ой! Вот счастье-то какое...

— Что? Нашли? — всполошилась я.

— Да, да! — он потянул меня к витрине. — Смотрите! Как живая... Такая же рыженькая!

Я посмотрела на чучело лисы и нахмурилась.

— Вылитая Розочка! — продолжал подвывать Максимилиан. — Оранжевая, тощенькая и глазки зеленые! Я заберу это на память.

Не успела я открыть рот, чтобы потребовать вразумительных объяснений, как он размахнулся и со всей дури врезал по стеклянному кубу ногой. Куб слетел с подставки, увлекая за собой лисицу. И с оглушительным грохотом разбился на тысячи осколков.

— Розочка, девочка моя! — взволновался Максимилиан. — Ты же ушиблась!

— Псих! — заорала я.

Соглашаясь со мной, взревела сигнализация. Максимилиан, не обращая на это никакого внимания, полез доставать из осколков чучело лисы. Я сначала тянула его за куртку, а потом плюнула и побежала к выходу. Поздно! Навстречу мне, топая тяжелыми ботинками, неслась группа мужчин в серой форме и с автоматами. На ходу они переговаривались:

— Холл — чисто. Первый коридор...

Я повернула назад и наткнулась на Максимилиана, нежно прижимавшего к себе чучело. Он обхватил меня за плечи и весело сказал:

— Без паники! Вы что, полиции испугались?

Я рванулась, чтобы бежать в музейные залы и укрыться среди экспонатов, но за спиной требовательно гаркнули:

— Стоять! Руки за голову! Кто такие?

— Это я, — спокойно ответил Максимилиан.

— Кто — я? — выступил из темноты кряжистый дядька с автоматом и в бронежилете.

— Я, — повторил Максимилиан. — Не узнаешь, что ли?

Дядька внимательно осмотрел меня, Максимилиана и лису. А потом со священным ужасом спросил:

— Товарищ полковник... А что вы здесь делаете?

— Спецоперация. Давай, проводи меня к выходу.

— Слушаюсь! — откозырял дядька и повел нас в холл.

Из коридоров доносились голоса перекрикивавшихся полицейских. В холле скучал здоровенный двухметровый детина, державший автомат наизготовку. Я тихонько взвизгнула.

— Петрович! — нахмурился детина. — Это кто такие?

— Это мы! — доложил Максимилиан, обнимая одновременно меня и чучело Розочки.

— Товарищ полковник, а кто это с вами? — неуверенно спросил детина. — Ой! Люсенька... Люсенька, ну зачем же ты сразу товарищу полковнику жаловаться пошла? Я же пообещал, что женюсь!

— Мы уходим, — сообщил ему Максимилиан. — Все нормально.

— Люсенька... — тихо проскулил детина и отступил, освобождая нам выход.

Я вышла на крыльцо музея. Вдохнула холодный ночной воздух и бросилась бежать к дому изо всех сил.

— Мария Александровна! — крикнули за спиной. — Я не успеваю, я же Розочку несу!

Я обернулась на бегу. Действительно, догонявший меня Максимилиан так и не расстался с чучелом лисы. Остановилась я только во дворе, после того, как он захлопнул калитку. Рухнула на лавочку под окнами Андрея и захлюпала носом.

— Что такое? — удивился он. — Вам не понравилось? Давайте вернемся. Можно еще зайца взять. Или барсука. Одно плохо... Той вещи, которая мне нужна, там нет. Зато сувениров навалом!

— Какого лешего я вообще с вами поперлась? — простионала я.

— Адреналин погонять. Вы сидели, скучали, в ноутбук посматривали, а тут такая возможность взбодриться! Пользуйтесь, пока я здесь. Можем банк какой-нибудь ограбить, если хотите.

В голове у меня что-то щелкнуло. Я медленно спросила:

— То есть, вы?.. Вы можете кого угодно заставить увидеть что угодно... то есть?..

— Я — убеждающий, — спокойно ответил он. — У меня прекрасные врожденные способности и отличная тренировка.

— Именно поэтому вам запрещено ходить по мирам?

— Ну да, — кивнул Максимилиан. — Представьте, что я мог бы натворить здесь за три дня при отсутствии моральных принципов?

— Вы ничем не лучше Феликса, — отодвинулась по лавочке я. — А может быть, даже и хуже...

Он погладил лису и ухмыльнулся:

— Не судите нас человеческими мерками. Как вы мне говорили? Со своим монастырем в чужой устав...

— Не смешно, — отрезала я и встала с лавочки.

Он немедленно посадил рядом с собой чучело. Я побрела к подъезду.

— Мария Александровна! — пробурчал он мне вслед. — Хотите — верьте, хотите — нет. Но с вами я работал только один раз. Чуть-чуть успокоил, когда у вас истерика была. Перед отъездом к маме. Все остальные поступки вы совершали по своей воле. Вы мне верите?

— Не знаю.

Он помахал мне рукой, обнял чучело, стал ему что-то нашептывать. А я подумала, что завтра переберу всех знакомых и перееду к кому-нибудь погостить на пару дней. Врет он все насчет поступков по своей воле! Я девушка... нет, не так. Я женщина в возрасте, в очках, серьезная, культурная, можно даже не постесняться слова «интеллигентная». Я по своей воле музей грабить не пойду! Это он меня заставил, а теперь признаваться не хочет.

Барон, которому я коротко изложила эти соображения, начал гадко ухмыляться. Такое поведение преданного пса меня смутило. Я позорно спряталась от его ехидного взгляда под одеяло и незаметно уснула.

Утром меня разбудил телефонный звонок. А! Мадам Колокольчикова! Весьма кстати, надо отметить. У этого семейства запросто можно перекантоваться пару дней.

— Привет, Жанна! — сказала я. — Как вы там? На дачу съездили? Игорек много рыбки

наловил?

В ответ трубка разразилась потоком грубых слов о пьянках на свежем воздухе вообще, на личной даче в частности, а уж о гостях, посещающих эту дачу...

— Жанночка, дорогая! — радостно взывала я. — Как интересно! Давай встретимся, и ты расскажешь мне все в подробностях! Я по вам ужасно соскучилась! И Барон тоже.

Я подтащила к себе пса и стала идиотски сюсюкать:

— Гавкни тете Жанне в трубку, детка!

Клоунада дала плоды: семья Колокольчиковых пригласила меня в двенадцать часов на совместный выгул собак возле реки.

— Посидим в кафешке на берегу, кофейку вмажем, — орал в трубку Игорь, сменивший Жанну. — Только... у тебя деньги есть?

— Навалом! — завопила я в ответ. — Вмажем-вмажем!

Колокольчиков обрадовался и взял с меня слово не опаздывать. Я поклялась, наскоро привела себя в порядок и занялась сборами. Где моя большая серая сумка? Надо взять с собой самое необходимое. Я швырнула в нее телефонную зарядку, набор расчесок, пачку бумажных носовых платков и задумалась. Брать или не брать зубную щетку? Я ведь иду гулять с собакой... Возьму. Скажу Жанне, что это запасная в сумке валяется.

Я выглянула за дверь и встретилась с внимательным взглядом Максимилиана. Пошел он к черту! Или в Прорву, или куда у них там посылают. Стук в дверь раздался немедленно.

— Посмотрите, как красиво! — потребовал Максимилиан, когда я высунулась во второй раз, и потащил меня в мамину комнату.

Я мимоходом поздоровалась с Феликсом. Осмотрела чучело на шкафу. Согласилась, что оно невероятно оживляет интерьер, и продолжила собираться. Упаковав вещи и скормив завтрак Барону, я призадумалась. Река. Полчаса до моста — быстрым шагом. Может, не стоит менять шило на мыло и лезть в зубы к псам? Но Колокольчиковы нигде, кроме реки с собаками не гуляют. Сладкая парочка держит четырех дворняжек — двух крупных кобелей и двух кудлатых недопесков. Стая организовалась сама собой, когда Колокольчиковы купили дом — завалюху, зато с земельным участком. Сначала Жанна прикормила Тузика. Через год у Тузика появился приятель Покер, которого сбила машина. Жанне стало жаль симпатичного пса валявшегося на обочине, и она приволокла его отлеживаться к своему крыльцу. Именно там Игорь теперь построил будку. Ну, а Джокер и Прикуп пришли сами по себе. Пришли и стали жить. Соседи регулярно жалуются на Колокольчиковых участковому, но закона, запрещающего держать дома четырех дворняжек, городская Дума еще не издала. Жанне с Игорем пришлось купить поводки и намордники для Покера с Тузом, и на этом претензии участкового кончились. Так что можете себе представить, какое дивное зрелище представляет семья Колокольчиковых, двигаясь на выгул собак! Поневоле начнешь искать укромные места на лоне природы.

Я вспомнила размер кулаков Игоря, подсчитала общее количество собак и решила, что мы можем затоптать даже взвод ОМОНа. Стрелки часов неумолимо приближались к двенадцати. Я оделась. Прицепила Барону поводок, заперла свою дверь и крадучись покинула квартиру. Беспокоила меня только возможность пожара в маминной комнате. Но сидеть с ведром воды наизготовку занятие глупое. А если что-то произойдет, и у Лизы, и у Жеки есть мой номер телефона. Кстати, он есть и у Амалии с Розочкой.

На улице мы с Бароном повеселели. Припекавшее на открытых местах солнце, легкий ветерок, безумная синева неба и чудный запах распускающейся листвы. Май, май! Впереди

— изнурительная летняя жара, комары, вонь раскаленного асфальта. Нет, гулять можно только сейчас или в начале осени.

Я увидела высокого плечистого Игоря, завопила и замахала рукой. В ответ дружно залаяла карточная стая. Я спустила Барона с поводка. Он помчался к приятелям, виляя хвостом. А я присмотрелась к Игорю и удивилась — черт возьми, а силуэт и габариты, как у Максимилиана. Стоп! Я для чего гулять вышла? Чтобы выкинуть своих квартирантов из головы.

— Рад, рад! — мощно взревел Колокольчиков, сжимая меня в объятьях. — Жаль, ты с нами на дачу не поехала!

— Не слушай его! — лениво проговорила Жанна, сидевшая на парапете. — Ты оказалась умнее всех, Маша!

Маленькая Жанна всегда напоминала мне черную нахохлившуюся ворону, каркающую из-за спины дрессированного мужа-медведя. Некрасивая, злая к людям, добрая к собакам, Жанна вертит Игорем, как хочет, не уставая напоминать каждой встречной женщине:

— Это мой муж! Муж! Колокольчиков — мой законный муж!

Вот и сейчас. С чего мы начинаем беседу?

— Тебе хорошо, — вздыхает Жанна. — Не захотела и не поехала. А я мужа бросить не могу. Я должна его поддерживать в трудную минуту.

Хороша трудная минута — пьянка на даче. Да Бог с ней, с Жанной, пусть говорит, что хочет.

— И тогда я сказал соседу: если моя жена и твой забор несовместимы, у тебя не будет забора! — сообщил Игорь.

Я покосилась на синяк под его левым глазом и ссадину на лбу. Кого-то мне это напоминает...

— А Жанна на чердак спряталась и оттуда через окошко кричит: «Бей его, бей!». Я и ударил. А их там трое оказалось.

Я слушала описание баталии краем уха. На глади реки играли солнечные блики. По пляжу, взметая тучи песка и пугая солнцепоклонников, носились наши собаки.

— А ты как? — спохватился Игорь. — Я все про нас, да про нас. Игнатов ноутбук привез?

— Да. Надо будет браться за работу. К пятнадцатому «Зори дачника» сдавать, а я еще материалы не забирала.

— Ты все возишься с этой мурой? — удивилась Жанна. — Я думала листок давно сдох!

— Листок сдохнет, когда вымрут дачники. А пока всем интересно, в каких именно пропорциях надо разводить помет, чтобы получить небывалый урожай свеклы.

Собаки погнались за одиноким кришнаитом. Колокольчиков долго надрывался, пытаюсь призвать стаю к порядку, а потом побежал спасать бедолагу, спрятавшегося в кабинку для переодевания.

— Эх, Рэсси нет! — хихикнула Жанна. — Не ушел бы этот бритый живым, ох, не ушел!

Я смотрела, как Колокольчиков, держа Прикупа за шиворот, выманивает кришнаита из кабинки. Действительно, нет Рэсси. Ни Рэсси, ни Таньки. Таньки, которая меня и познакомила с Колокольчиковыми. Просто однажды затащила к ним в гости. Я тогда была в депрессии после развода со вторым мужем и бродила за Танькой по пятам, как бледная тень. Балаган Колокольчиковых, у которых мы невзначай задержались на двое суток — где четыре собаки, там и шесть, произвел на меня неизгладимое впечатление. Мы стали

перезваниваться, иногда вместе гуляли. Не друзья, нет. Собачники. Чем они занимались, где работали, я толком не знала. Вроде бы Жанна — журналистка на свободных хлебах, а Игорь — агент по недвижимости.

— Ты о Таньке ничего больше не слышала? — повернулась к Жанне я.

— Нет, — замотала головой та и ринулась в атаку. — Я всегда тебе говорила, что она сумасшедшая, а ты мне не верила! И что? Уйти с приличной работы, расплеваться с любовником и отправиться на церковную паперть, потому что тамошние нищие — добрейшей души люди, а по батюшке можно платонически вздыхать! У нее папаша в психушке помер, я точно знаю!

— Все, Жанна, хватит! Я не хочу этого слушать! Если она мертва, перемывать ей кости — большой грех!

Жанна осеклась. С пляжа, словно уловив неладное, примчался Барон. Сел рядом, как изваяние. Только очень шумно сопящее и сглатывающее слюну изваяние.

— Надо собакам воды купить, — забеспокоилась я. — А то Барон сейчас попьет из реки и привет. Опять уколы делать в лечебнице.

Жанна пожала плечами. Такие тонкости ее не волновали. Их стая отличалась отменным здоровьем, и никакая зараза типа лептоспироза к дворнягам не прилипала. Я потянула Колокольчиковых к кафе — купить воды без газа Барону, какую-нибудь одноразовую миску для питья и кофе для всех в честь счастливого спасения кришнаита.

Выпив кофе, Колокольчиков, как я и ожидала, завел песню «В кафе хорошо, а дома лучше».

— Жанна сейчас картошечки пожарит, — излагал мне программу он, — Есть кастрюля шашлыка готового, с дачи привезли. Сядем во дворе, мангал разогреем. Как тебе предложение?

— Раз вы меня так вкусно покормите, жидкое к столу с меня, — приняла я условия игры.

Колокольчиков что-то пробормотал о складчине, но я отмахнулась.

— Пойдемте через новую набережную, — предложила Жанна. — Прогуляемся, на речку посмотрим. Выйдем на подвесной мост и домой.

Я на набережную идти не хотела. Оттуда открывался прекрасный вид на илистую отмель, по которой я первого мая волокла тушу Максимилиана подальше от ледяной воды. Но Жанне уже попала вожжа под хвост, и ее было не остановить. Пришлось брести в сопровождении собачьей своры по длинному раскаленному солнцем плацу вдоль забора стройки — на берегу реки сооружался спортивный комплекс. За годы строительства бетонный забор превратился в мемориальную стену памяти Виктора Цоя. Его украшали надписи типа «Цой жив», «Мы вместе!», и разнообразные рисунки аэрозольной краской, смахивавшие на хронику посещения стройки инопланетянами.

Миновав стену, мы вышли на тенистую аллею. Среди деревьев, то тут, то там стояли деревянные скульптуры, призванные облагородить окраину парка. Их изготавливал какой-то предприимчивый народный умелец. Стволы и пни поваленных и спиленных деревьев ошкуривались, подвергались обработке резцом и искусно раскрашивались масляной краской. В основном это были персонажи русских народных сказок — спянные единым порывом бабка с дедкой, тащившие из земли корнеплод, косорылый Колобок в красной шапочке, похмельные свиньи в разноцветных штанишках и прочая сказочная нечисть вроде Бабы-Яги.

Любуясь скульптурами и находя во многих из них черты наших общих знакомых, мы с Колокольчиковыми доползли до набережной, засаженной чахлыми деревьями. Перед мостом призывными яркими грибочками покачивались зонтики кафе. Мы с Жанной ограничились ледяной минералкой, а Игорь заказал себе сок и квас. Я рассеянно смотрела на реку. Где-то там, на дне, лежит манок и дурит псов. Интересно, если поведать Жанне с Игорем всю эту историю, что они скажут? Посоветуют меньше пить? Или Жанна вспомнит, что шизофрения заразна и сочтет, что я подцепила ее от Таньки?

— Ах ты, гадина! Тварь такая! Не постеснялась сюда вернуться, ты ж на нее посмотри!

— Бабуля! С дуба упала, что ли? — рявкнул Колокольчиков.

Я посмотрела на источник шума и вздрогнула. Передо мной стояла худая, как щепка, старуха в плаще.

— Сумку украла, паскуда! — надсаживалась бабка, тыкая в меня пальцем. Из-за ее спины, не приближаясь, заливистым лаем вторила обмазанная зеленкой болонка. Наша собачья стая заволновалась и подбежала к столу. Я поспешно пристегнула карабин и намотала поводок Барона на руку. Издали на спектакль смотрела пара скучающих полицейских, а я знала, какие могут быть последствия из-за того, что гуляешь с собакой в общественном месте, не соблюдая правил. Как-то раз штраф платила, хватит.

— Бабка! — с трудом удерживая Туза с Покером за ошейники, заорал Игорь, — Вали отсюда, хорош чушь пороть!

— Ах, вы!.. — завизжала старуха, после чего перешла на отборный мат.

Семья Колокольчиковых, занятая борьбой с собаками — Жанна ухватила Джокера с Прикупом за хвосты, ответила ей встречным потоком ненормативной лексики. Перепуганный персонал кафе начал жестами подзывать полицейских. Те приблизились на безопасное расстояние и стали внимательно слушать вопли.

— Сумку сперла! Кобеля на Шарика натравила! Ах, ты!..

— Послушайте, женщина! — взмолилась я — Я вас в первый раз вижу, перестаньте говорить глупости.

Болонка перешла с лая на бессильную хрипоту, а старуха припечатала:

— Не узнала меня, значит? А я тебя, гадину, запомнила!

Несмотря на палящий зной, мне стало холодно до дрожи. Глаза старухи сверкали бешенством, облезлая болонка отдышалась и обрела голос. А что, если мы натолкнулись на патрульного? Может, он узнал нас с Бароном и устраивает скандал, пока не подтянется подмога? Что делать? Что же делать?

За воплями — Колокольчиковы вновь хором заорали на бабку, я едва услышала звонок телефона. Номер был незнаком, но кто сейчас подолгу ходит с одним и тем же номером?

— Это Максимилиан, — сообщила трубка. — Я купил себе телефон. Что там у тебя происходит?

— Собака со старухой говорит, что я украла у нее сумку! — перекрикивая всех, взывала я.

— Где ты находишься?

— В кафе, возле подвешенного моста.

Он что-то буркнул в сторону и пообещал:

— Буду через пять минут.

Я не стала ломать голову, как он собирается появиться здесь в указанный срок. Барон напрягся, дернул поводок и чуть не опрокинул меня на асфальт вместе со стулом. Я ухватилась за зонтик — благо, его основание было забетонировано, и истерически

завизжала:

— Фу! Сейчас Макс придет, пусть он с ней разбирается!

Барон изобразил воспитанную собаку и послушно сел. Туз с Покером почему-то завыли. Бабка неожиданно осеклась и перестала материться. Собравшаяся вокруг толпа — еще бы, такой цирк! — начала оживленно переговариваться. Я, стгорая от стыда, уставилась на мост.

Из взвизгнувшего тормозами такси выскочил Максимилиан и побежал к нам, расталкивая прохожих.

— Расходимся, граждане! — властно приказал он, осмотрев толпу любопытствующих. — Все расходимся! Полиция, если хочет, может остаться.

Народ мигом улетучился, причем полиция покинула место происшествия в первых рядах.

— Барон! — посмотрел он на пса. — Уведи друзей гулять, пожалуйста. Мария Александровна, отпустите Барона. Братан, не держи собак. Они погуляют.

Игорь послушно убрал руки от ошейников Туза с Покером. Жанна смотрела на Максимилиана, как завороченная.

— Прошу вас, присаживайтесь, — предложил он бабке и подвинул свободный стул. Та недоверчиво поджала губы.

— Присаживайтесь, — повторил Максимилиан. — Я хочу услышать обвинения, которые вы высказали в адрес Марии Александровны.

Бабка плюхнулась на стул. Глаза у нее забегали.

— Сумку... — выдавила из себя она. — Украли.

— Говорите правду или я позову полицию, — пообещал он.

Кряхтя и охая, старуха призналась, что просто не ожидала увидеть у нас с Колокольчиковыми такое количество собак. Она привыкла высматривать определенные компании — прилично одетых людей средних лет, рядом с которыми крутятся породистые псы, закатывать скандал о собаке и сумке, получать деньги, затыкающие ей рот и удаляться. А тут из кустов дворняг-то набежало! И уже ясно, что денег не дадут — у всех руки собаками заняты, да отступать неловко. Привыкла, что хоть немного деньжат, но срубает.

— Ах, ты мразь старая! — побагровел Игорь.

— Забей, братан! — хлопнул его по плечу Максимилиан. — Бывает и хуже. Идите, мамаша. И смените рабочее место. Вам тут скоро морду набьют, несмотря на почтенный возраст.

Бабка шустро поковыляла по набережной. Следом семенил расстроенный Шарик.

— Отпразднуем победу? — встряхнувшись, спросил Колокольчиков.

— Брат, пойдем, я сначала за такси расплачусь, — предложил мой спаситель. — У меня там покупки на сиденье. Я по набережной ехал и вдруг чувствую — надо Марии Александровне срочно позвонить.

— Вы и есть загадочный брат из Казани? — отмерла Жанна.

Максимилиан поцеловал ей руку:

— Почему же загадочный?

Жанна зарделась и понесла какую-то чушь. Свистнув собак, мы вернулись к терпеливо ожидавшему такси. По пути все перезнакомились, забрали из машины одеяло, три комплекта постельного белья и пакет с упаковками носков и трусов. Игорь потащил всех в закусочную, расположенную за укромным плетнем. На столе появилась огромная сковорода яичницы. Максимилиан с Игорем дружно заработали вилками.

— Ты ж глянь на них! — неожиданно прыснула Жанна. — Похожи, как братья. Здоровые, наглые, чавкают. Даже морды набиты одинаково.

Действительно. У Максимилиана улетучились как властность, так и хорошие манеры. Он копировал поведение Игоря — немного пародийно, но это было заметно лишь при внимательном рассмотрении.

— Ты вообще по жизни кто? — спросил Игорь, отрываясь от яичницы. — Я — маклер.

— А я — брокер, — в тон ему ответил Максимилиан.

Оба заржали. Собаки, разлегшиеся вокруг стола, наострили уши. Барон посматривал на меня и улыбался. Похоже, он был счастлив — рисовался перед стаей своим знакомством с Максом и демонстрировал Максиму свое главенствующее положение в стае.

— Одеядло, постельное белье, — заговорщически проговорила Жанна, когда Макс с Игорем отлучились по нужде, — Я понимаю, ты к нам в гости не пойдешь.

— Не знаю, — замялась я.

— Точно не пойдет, Жанна! — подмигнул подкравшийся Максимилиан. — У нас столько дел. Вчера в музей на экскурсию ходили. Сегодня... Не знаю, но куда-нибудь выберемся.

— Никуда не пойду! — твердо сказала я.

— Хорошо, — покладисто согласился Максимилиан. — Будем дома сидеть, чай пить.

Жанна расхохоталась. Я вскочила со стула. Барон подхватился, коротко гавкнул, прощаясь со стаей.

— До свидания! — процедила я Жанне и оторопевшему Игорю.

Максимилиан взял со стула пакеты, попрощался. Я быстро пошла вперед. Перебежала дорогу, рискуя попасть под машину, свернула в проулок.

— Мария Александровна! Куда вы мчитесь, как угорелая? Подумайте обо мне! Я же все время за вами что-то ношу — то ваше одеядло, то чучело. Мне тяжело!

— Вы! — возмущенно обернулась я. — Вы своим появлением с одеядлом испортили мою репутацию в глазах знакомых!

— Вы не правы, — спокойно ответил он. — Своим появлением я вашу репутацию обелил. Подумайте сами, что бы рассказывала потом ваша приятельница, если бы не слышала чистосердечного признания бабки?

Я призадумалась. «Скорей всего Барон кинулся на этого Шарика, Машка не стала его отзывать, а бабка в суматохе потеряла сумку. Или кто-то сумку стырил, пока собаки дрались. Да знаешь, может, и Барон подобрал, и Машке принес, он же у нее дрессированный, не то, что наши дворняги...». То ли он украл, то ли у него украли...

— Вы заставили бабку признаться! — догадалась я. — Сама бы она в жизни не раскололась!

— Заставил, — улыбнулся он. — Мария Александровна, я же о вас забочусь. А вы убежать надумали, прятаться. Что бы вы делали у этих людей, скажите честно?

— Скучала, — вздохнула я.

— А со мной вам весело? — умильно спросил он, заглядывая мне в глаза.

— Весело, — рассмеялась я.

— Я рад, — важно сказал Максимилиан. — Чем бы мне еще вызвать ваше расположение? Скажите честно, и я сделаю все, что в моих силах!

Я поправила давившую на плечо сумку — кроме всяких мелочей в ней лежал килограммовый пакет корма для Барона, и предложила:

— Перестаньте придуриваться! Невозможно понять, какой вы на самом деле.

— Я? Я многогранный, — усмехнулся он, забрал у меня сумку и повесил к себе на плечо.

Дома нас ожидал неприятный сюрприз. Из распахнутого настежь подъезда ощутимо тянуло гарью. Наверху перекрикивались возбужденные голоса.

— Пожар! — выдохнула я. — Это Феликс, так я и знала!

Глава 11

Максимилиан побледнел. Мы, сталкиваясь друг с другом и наступая на Барона понеслись по лестнице. Я с разбегу влетела в коридор, заполненный дымом. Наткнулась на полковника и заорала:

— Что? Где?

— Амалия кашу спалила, — сообщил он и двинулся на свежий воздух.

Я остановилась, прислушиваясь к витавшим в дыму голосам.

— Сколько можно? — надсаживалась Лиза. — Раз в неделю вы ставите кашу на плиту, идете смотреть телесериал и засыпаете. А мы задыхаемся!

— Нечего на маму орать! — вступила в скандал Розочка. — Сама никогда не готовишь, вот и не знаешь, что каша может пригореть!

— Нечего мне тыкать! Дорости сначала, шалава!

— Ой-ой-ой! Двадцать пять лет в армии... Постыдилась бы афишировать, подстилка офицерская!

Сообразив, что идет разминка перед боем, я стала осторожно пробираться вперед. Надо открыть коридорное окно, чтобы вытянуло чад. Окно расположено рядом с моими дверями, и я смогу совместить общественное с личным — обеспечу доступ воздуха и попаду в свою комнату. Барон громко чихнул. Лиза от неожиданности посторонилась. Я проскользнула между разъяренными бабами и бросилась к окну. Разбухшая за зиму рама не хотела открываться. Я поднатужилась, дернула. Ох, как хорошо!

«Интересно, — подумала я, вдыхая чистый воздух. — Что будет делать Максимилиан? Ведь сцепились две его любимые девочки! Чью сторону он примет?»

Барон поставил лапы на подоконник и высунулся в окно. Я осторожно повернулась. Максимилиан так и стоял возле лестницы с моей торбой и пакетами в руках. Вид у него был совершенно обалдевший — похоже, к такой смеси воней и криков он оказался не готов.

«Ага! — ехидно подумала я. — Это тебе не красавиц на белом коне из пожара вытаскивать. Наш мир сам кого хочешь морально изнасилует. Особенно одна отдельно взятая коммуналка!»

— Ты! Потаскушка рыночная! Где пьешь, там и даешь!

— А тебе никто не наливает, вот тебе и завидно!

— Лизонька, можно я пройду? — спросил Максимилиан. — Мне тяжело с пакетами стоять. Я тут себе носков купил...

— Наконец-то! — огрызнулась Лиза, освобождая ему путь. — Каждый день одно и то же — постирай да постирай.

— А ты прямо устала уже! — завизжала Розочка. — Гляньте на нее, люди добрые! Носки мужику постирать не может!

Максимилиан ускорил шаг. Протянул мне торбу и скрылся в маминой комнате. Я довольно ухмыльнулась.

— Кто бы вякал? Ты себе трусы и те не стираешь! Одно слышно — мама, куда вы

чистые засунули?

— Ты мою маму не трогай!

Барон ткнулся мне в колено и недовольно забурчал. У собаки и то ума хватает, что отираться рядом с эпицентром скандала опасно. Могут привлечь в свидетели, а от свидетеля до обвиняемого один шаг. Мы спрятались в комнату под обещания:

— Вот я тебе сейчас патлы крашенные и повыдергиваю!

— А ну, подойди, подойди!

— Ух! — сказала я Барону.

Он еще раз чихнул и улегся на место. Я приникла ухом к двери.

— Да ты ему в трусы при всех лезла! Максик то, Максик се... Ты в зеркало по утрам смотришься? От тебя даже Жека сбежал, столько выпить не смог!

— А на тебя вообще никто не позарился, кошка драная!

На меня накатил приступ неконтролируемого злорадства. Я была уверена, что Максимилиан в данный момент точно так же подслушивает скандал под дверь. И от души пожелала, чтобы ему срочно захотелось в туалет. Будет прекрасный повод проявить способности убеждающего, продемонстрировать многогранность личности, а главное — явить миру хорошие манеры. Барон укоризненно на меня посмотрел.

— Детка! — пропела я. — Мы с тобой без всяких способностей по три раза на дню справляемся. Пусть попробует, каково это!

Драки не вышло, скандал утих. Минут через пятнадцать после окончания военных действий ко мне явился Максимилиан. Я посмотрела на его непроницаемую физиономию. Хихикнула и спросила:

— Как там Феликс? Не испугался?

— Он ничего не заметил, — хмыкнул Максимилиан. — Он работает. Мария Александровна, а где у вас приобретают недвижимое? Квартиры, дома?

— Зачем вам недвижимое? — заинтересовалась я. — Вы же ненадолго сюда пришли.

— Я хочу купить вам квартиру, — спокойно ответил он.

Слова прозвучали, как гром с ясного неба. У меня в голове промелькнула вереница образов. Тихая, уютная квартира. Я выхожу из ванной, накидываю прозрачный халат. Иду на кухню ставить чайник. Пояс халата развязывается, но меня это не смущает — Барона стесняться, что ли?

— Нет, — встряхнулась я. — Вы мне ничего покупать не будете.

Он взглянул мне в глаза. Я резко отвернулась. Только не хватало, чтобы он меня сейчас загипнотизировал... Меня душила злоба. Впервые в жизни я ощутила себя нищенкой, которой швыряют подачку. Милостивый барин обнаружил, что здешний хлеб неудобен для проживания и благоволил прикупить чуток недвижимости для народа. Утречком еще все было замечательно, чучела по углам выставляли, а теперь горелой кашей завоняло, и у нас случился приступ благотворительности!

Я скрипнула зубами. Максимилиан сделал вид, что испугался и они с Бароном на пару принялись валяться у меня в ногах, вымаливая прощение. Цирк удался на славу. Они дергали меня за джинсы, стонали, охали, а потом повалили на диван и несколько раз насильно приносили тапочки. Отсмеявшись, я уже не могла понять, с какой стати я так взбесилась из-за квартирного вопроса.

— Мария Александровна! Вы больше не сердитесь? — замурлыкал Максимилиан уловивший перемену в моем настроении.

В ответ я запустила пальцы в его густую короткую шевелюру и легонько подергала. Куда у него рога деваются все-таки? Ведь не скажет же правды, гад!

— Тогда пообещайте мне...

— Что? — я заподозрила подвох. Убрала руку за спину и скрутила фигу — на всякий случай. А вдруг что-нибудь пообещаю?

— Когда я разведусь с Джиллой и мы с вами поженимся, вы с Бароном переедете жить ко мне.

— Конечно, конечно... — расхохоталась я. — Непременно. Как разведетесь — сразу звоните. Я начну вещи укладывать. Или вы мне новые купите? По вашей моде?

— Как захотите, — серьезно сказал он.

— Лучше новые, — благосклонно разрешила я, разжимая фигу. — А то неловко по красивому замку в байковом халате гулять.

— Договорились, — подвел итог он. — Теперь к делу. Вы не раздумали искать свою пропавшую подругу? Если раздумали — скажите, нет...

Я подняла руку, призывая его к молчанию. За всеми ограблениями и пожарами у меня совершенно вылетело из головы, что именно я хотела дать Максимилиану для поиска Тани. Где-то я недавно натыкалась...

— О! — вспомнила я. — Носовой платок! Подойдет?

— Замечательно! — обрадовался он. — То, что нужно. Контакт с рукой и лицом.

— Сейчас найду, — заверила его я, подвинула кресло к шифоньеру и полезла в антресоль.

Часом позже я была вынуждена признать, что контакт с лицом и прочими частями тела куда-то испарился. Зато нашлась куртка от спортивного костюма, которую я потеряла два года назад.

За время поисков мы успели поругаться четыре раза. Ни за что не поверю, что в других мирах существует традиция нахлобучивать на голову старые бюстгальтеры, чтобы уши не мерзли!

Кофе пили в молчании. Я пыталась вспомнить, где именно я видела платок. Максимилиан вольготно разлегся на диване и заманил к себе Барона. У меня создалось впечатление, что они шепчутся и о чем-то сговариваются. После переговоров Барон недовольно хрюкнул — ему всегда удавался этот звук, слез с дивана. Осторожно ухватил Максимилиана за запястье и потянул.

Они переместились к нижнему ящику «стенки», в котором я хранила ненужные диски, запасные шнуры для компьютера и прочую техническую дребедень. Барон царапнул лапой дверку и перевел взгляд с меня на Максимилиана.

— Простите за нескромный вопрос... — озадачился тот. — А у вас есть фамильные драгоценности? Я грабить не собираюсь, просто не могу понять, что Барон имеет в виду. У вас есть кольцо?

— Нет, — сухо ответила я. — Ни кольцо, ни фамильных драгоценностей у меня нет.

— А что есть? — не отставал он.

Я достала из другого ящика сафьяновую коробку из-под серебряных ложечек и предложила:

— Любуйтесь.

В коробке лежали два золотых обручальных кольца — мое и Игнатова, серебряный крестик со сломанным ушком, несколько ракушек, зубочистка, серебряное кольцо с янтарем

и пара пластмассовых клипс отвратительного зеленого цвета. Барон буркнул, открыл лапой дверку, возле которой стоял. Грохнула и рассыпалась стопка дисков. Я завопила:

— Фу!

Барон рыкнул и выбросил на пол коробочку с бабушкиным янтарем.

— Да, действительно, — растерянно сказала я. — Я его спрятала после того, как она...

— Она брала янтарь в руки? — склонился над низкой Максимилиан.

Я зажмурилась. Как быстротечна наша память... Таня. Танька. Да, Танька появляется без Рэсси. Она заходит ко мне и объявляет:

— Буду устраиваться на работу. Дай мне что-нибудь одеть, я верну! Мои вещи... кто меня в таком виде на работу возьмет?

Я невероятно удивлена поворотом событий. В свой прошлый визит, в ответ на мою просьбу что-нибудь изменить в своей жизни, она яростно орала, что не мыслит жизни вне паперти. Церковь — святое место, нищие — святые люди. Ей хорошо и она всем довольна. Бог дал ей квартиру, в которой она может приютить святых людей, а они за это помогают ей прокормиться.

А вот в последнюю нашу встречу она выглядела вполне вменяемой. Стала похожа на саму себя — человека, который был мне близок и дорог. Она качала головой и говорила, что по глупости потеряла целый год жизни. Радовалась тому, что встретила возле церкви бывшего сослуживца, пригласившего ее работать в новую типографию неподалеку от дома. Строила планы — расквитаться с долгами, освежить гардероб, на пару дней съездить к морю. Я была поражена переменой и охотно дала ей вещи для первого визита на службу. Она переделалась, повертелась перед трюмо. Ухватила лежавшую на тумбочке низку янтаря и приложила к шее.

— Не трогай! — крикнула я, ругая себя за то, что оставила янтарь на виду.

Великой ценности низка не имела. Много лет назад у бабушки были осложнения со щитовидной железой, и врач посоветовал ей носить на шее нешлифованный янтарь. За годы янтарь обкатался и стал похож на вишневые леденцы-таблетки, что подвигло меня в детстве разгрызть одну из бусин. В более сознательном возрасте я выклянчила у бабушки низку насовсем — проблемы со щитовидкой исчезли, и янтарь, запылившись, валялся в шкафу. К «фамильной драгоценности» я относилась бережно, не любила, когда ее кто-то брал в руки, а раскусив сущность Горшкова даже отвезла на время в Морской для сохранности.

От моего окрика Танька вздрогнула. Взяла с трюмо коробку, уложила в нее янтарь и осторожно пристроила под зеркало. Беседа скомкалась. Татьяна попрощалась и ушла, а я спрятала янтарь в дальний угол шкафа — мне почему-то казалось, что безумная подруга сейчас вернется и потребует одолжить его на пару дней.

Выходит, что она была последним человеком, державшим янтарь в руках. Я убрала коробку, не касаясь бусин, и больше не доставала ее из ящика. И не видела подругу.

— Очень хорошо, — кивнул Максимилиан в ответ на мой рассказ. — Попробуем — вдруг получится?

Он осторожно взял бусы за застежку и пошел к двери.

— Куда вы?

— Надо проконсультироваться с Феликсом, — объяснил он. — Я в этих делах разбираюсь на уровне серой посредственности. Когда-то давно что-то в школе учил... Как вы понимаете, все из головы выветрилось. А вы пока соберитесь в дорогу. Если мы получим результат, то сразу поедем искать подругу. По горячим следам.

Я проводила его взглядом и подошла к трюмо. Зеркало безжалостно отразило всклокоченные волосы. Мешковатый свитер, черные джинсы с вытертой позолотой — одежду для выгула собак и ограбления музеев. Ну и чучело!

Я заперла дверь, полезла в шкаф и стала придирчиво перебирать барахло. Вытащила симпатичные серые штанишки по бедрам, примерила их с коротким джемпером желтого цвета. Наряд обнажал плоский голый живот и в сочетании с причесанными волосами выглядел вполне сексуально. «Сдаю нежилые руины, фасад требует ремонта, цокольный этаж в отличном состоянии».

— Мария Александровна!

Я подкрасила губы помадой оттенка «золотой песок» и впустила изнывающих под дверью братцев. Максимилиан при виде моего наряда рассыпался в комплиментах, а Феликс, не глядя на живот, ринулся к монитору. Убрал в сторону клавиатуру, положил янтарь. Пристроил сверху стеклянный шарик и скомандовал:

— Вспоминайте!

— Что? — не поняла я.

— Кого ищите — того и вспоминайте.

Я тупо уставилась на янтарь. Таня... Я сижу на диване и рыдаю. Горшков выгреб деньги у меня из сумочки, мне не на что купить даже булку хлеба, чай закончился.

Распахивается дверь — это Танька с Рэсси на поводке. Она зовет Барона, запирает двери, запикивает меня и собак в такси и увозит к себе домой. Заставляет позвонить бабушке и признаться, что я второй месяц толком ничего не ем — Горшкову крупно не везет.

— Это она?

Я подняла глаза на выключенный монитор и обомлела. Таня, под ногами у которой вертится Рэсси, кормит... Страуса? Я подалась вперед. Изображение зарябило и исчезло.

— Она жива, находится в радиусе м-м-м... двухсот километров от центра поиска. Больше ничего сказать нельзя — отпечаток ее личности перебивается двумя носителями... Янтарь не ваш? — повернулся он ко мне.

— Бабушкин, — выговорила я.

— Заметно, — буркнул Феликс. — Или ищите по этим данным, или давайте мне другую вещь. Из этой я выжал все, что мог.

— Другой вещи нет.

— Тогда я пошел работать, — отмахнулся он. — Дел — навалом.

Я успела поблагодарить его спину. Погрызла ноготь и схватилась за телефон. На мой запрос «где покормить страуса?» поисковик сначала завис, а потом выдал перечень, который я зачитала Максимилиану.

— Зоопарк на Тропическом острове, станция юннатов и выставка экзотических животных при торговом доме «Мир счастья». Я, наверное, сначала на выставку, а оттуда маршруткой к юннатам...

— Мы, — поправил он.

— А ваше соглашение с Феликсом? Охрана и прочее?

— Сейчас самое главное — ему не мешать, — усмехнулся Максимилиан. — Он не может добиться устойчивой связи с объектом, бесится и выражается нецензурными словами.

— Пусть он сам подтвердит, что вас отпускает! — потребовала я. — Мне потом обвинения не нужны!

— Что он вам наболтал, пока морду отмачивал? — спросил Максимилиан.

Я посмотрела на него и осеклась. За кажущейся небрежностью вопроса таился вулкан страстей. Максимилиан мило улыбался, но в потемневших и прищуренных глазах проглядывала тщательно скрываемая злость.

— Ничего такого... — растерялась я. — Про опилки рассказывал, упомянул, что он — незаконнорожденный, а его мать э-э-э... из Прорвы. Это так? Или он мне соврал?

— Так, — скрипнул зубами Максимилиан. — Все так. Бедный незаконнорожденный мальчик, обремененный тяжелой наследственностью. Папин любимый сиротка, блин!

После этих слов он прошел в мамину комнату, распахнул окно, свесился вниз и заорал:

— Андрюха! Я машину возьму, ладно? Марии Александровне страусов охота покормить, я ее в страусятник свожу!

Андрей прокричал в ответ:

— Без проблем, братан. Красиво вы живете!

— Барон поедет с нами? — спросила я.

— Нет, — мотнул головой Максимилиан. — Я попросил его остаться и присматривать за Феликсом.

Я перевела взгляд на пса. Барон распушился и важно кивнул.

— Попросили?

— Попросил и он согласился.

Я решила задать интересующий меня вопрос.

— С Бароном вы договариваетесь. Вчера очень лихо обвели вокруг пальца полицию — полковник, Люсенька...

— Они увидели в нас тех, кого выпустили бы при любых обстоятельствах, — пояснил он. — Я не знаю ни полковника, ни Люсеньки. С таким же успехом это могли быть генерал и Зиночка.

— Дело не в этом! Почему же вы от псов тогда бегаєте? Внушите им что-нибудь, или как там это называется?..

— Животные, даже обладающие столь высокой степенью развития как псы, не поддаются внушению, — усмехнулся он. — Восприятие мира слухом и обонянием стоит у них на первом месте. Особенно обонянием. И принять Люсеньку за Зиночку они не могут.

— Ага... А балахоны? Убедите их утащить псов в другую сторону!

— Нереально. Они настолько тупые, что не поддаются никаким увещаниям. Хуже рыб.

— Ситуация... — призадумалась я.

— Потому-то псы и патрулируют миры, — развел руками он. — Мы едем к страусам, Мария Александровна? А то неровен час Феликс поля стабилизирует, и буду я сидеть, как привязанный.

Вопросы о семейных взаимоотношениях я решила оставить про запас. Впустила Барона в мамину комнату, убедилась, что они с Феликсом относятся друг к другу лояльно, и пообещала скоро вернуться.

Выставка экзотических животных производила приятное впечатление. Волеры были чистыми, животные веселыми и здоровыми. Натянутый между столбиками бархатный канат не позволял посетителям вплотную подойти к клеткам, украшенным табличками «Кормить животных категорически запрещено».

Я посмотрела на молодого человека в оранжевой кепке, поймавшего на лету карамельку, брошенную обезьяне, и убедилась, что обслуживающий персонал здесь на

высоте. Таня кормила страуса не украдкой. Она стояла возле клетки с более крупными, чем здесь проволочными ячейками и протягивала птице спрессованный брикет какой-то травы.

Тем не менее, я поймала девушку в оранжевой кепке, вручила ей купюру и попросила уделить мне пять минут драгоценного времени. Девушка оказалась сообразительной, мгновенно уловила суть проблемы и твердо заявила, что работает при выставке со дня открытия, знает весь персонал в лицо и может поклясться, что тридцатилетней хозяйки эрдельтерьера Татьяны среди обслуги никогда не было.

— У нас старше двадцати пяти на работу вообще не берут, — извиняющимся тоном добавила она.

Я положила на еле заметный кивок Максимилиана и поблагодарила девушку за то, что она нам очень помогла. Следующий пункт нашей поездки тоже оказался пустышкой. Станция юннатов прекратила свое существование неопределенное время назад. На огороженной сетчатым забором территории стояли разломанные клетки для животных и приземистое кирпичное здание без окон и дверей, судя по запаху, превращенное в общественный туалет.

Я приуныла. Мне стало казаться, что оторванный от работы Феликс устроил какой-то фокус, лишь бы мы от него отвязались, и поиски страусов ни к чему не приведут. Я поделилась своими сомнениями с Максимилианом. Тот, как ни странно, обиделся и закатил мне длинную лекцию о деловых качествах Феликса.

— Какие бы у нас ни были разногласия в личных вопросах, — вещал он, — его успехи, как ученого я оспаривать не собираюсь. Он — гений. Конечно, как у всех гениальных людей, у него трудности в быту и общении с окружающими...

— В чем это выражается? — кротко спросила я. — Пока что я не заметила особых странностей.

— Его еще никто всерьез не разозлил, — пожал плечами Максимилиан. — Вот если это произойдет — будет катастрофа. Остановить взбешенного Феликса — трудная задача.

— Вы же так ловко ему морду набили!

— Это было днем, — уклончиво проговорил он. — Днем с ним справиться проще. Куда нам сворачивать? Руководите. Я совсем запутался.

Я взглянула на дорожный щит. Велела поворачивать налево, через десять минут сообразила, что надо было поворачивать направо, попросила Максимилиана вернуться в нужном направлении переулком, после чего мы благополучно заехали в тупик. Пропетляв по лабиринту ухабистых улиц, мы кое-как выбрались на шоссе и поехали в сторону ТЭЦ.

Тропический остров — небольшой кусок земли посреди старицы реки, в которую круглый год сбрасывается горячая вода с электростанции. Лодочные станции пользуются популярностью летом и зимой — катание по парящей воде в морозный день считается особым шиком. За последние годы захиревший старый парк на острове обрел новую жизнь. Отстроились солидные двухэтажные кафе с вышколенным персоналом, появилась пристань для парусных яхт. Убогие проржавевшие карусели сменили яркие нарядные аттракционы, вызывавшие в памяти ностальгические воспоминания о Луна-парке. А теперь выяснилось, что здесь и зоопарк имеется. Да, отстала я от жизни.

Зоопарк мы нашли быстро — Тропический остров был увешан указателями. Первый же взгляд на дорожки, выложенные красной и желтой плиткой, разноцветные клетки, рекламные щиты и воздушные шары вызвал у меня глубокое разочарование. Ничего общего с темным помещением и проволочным вольером, возле которого стояла Татьяна, не было.

Уступая Максимилиану, я отыскала среди служителей зоопарка пожилого дядьку и приступила к расспросам. Наспех придуманная история о чуточку сумасшедшей подруге, которая позвонила мне среди ночи и похвасталась, что теперь устроилась на работу среди страусов, дядьку позабавила. Он выслушал мои сетования о нервах и думах, подкрепленные купюрой, и почесал затылок.

— Слышь, парень! — обратился он к Максимилиану. — Ты за рулем?

Тот кивнул.

— Свози жену на ферму, — неожиданно посоветовал дядька.

Я нахмурилась. Конечно, последние переживания и нерегулярное питание подпортили мне цвет лица. Но не до такой степени, чтобы каждый встречный рекомендовал мне отдохнуть на свежем воздухе и попить парное молоко!

— Хозяин мог твою подругу пригреть, — неторопливо рассуждал дядька. — У него этих птиц навалом, небось, работники требуются. Где-то он в селе живет, я толком не знаю, слышал обрывки разговоров, когда Федю привозили.

— Какого Федю? — запуталась я.

— Этого, — ткнул пальцем в клетку дядька.

Я посмотрела на табличку «Страус африканский, 3 года, кличка — Федор» и накинулась на дядьку с дополнительными вопросами. Оказалось, что страусов в зоопарк привозят не из Африки, как мне по темноте и дремучести мерещилось. В станице Верхние Поганки, что расположена в сотне километров от краевого центра, уже пять лет не то чтобы процветает, но существует страусовая ферма. Хозяин фермы поставляет мясо страусов в рестораны города и торгует сувенирами из перьев и яиц. Знал это дядька точно — одно время возле Фединой клетки стоял столик с расписной скорлупой и опахалами, да потом что-то не заладилось и столик убрали. Горячо поблагодарив служителя, мы двинулись к домику администрации. Менеджер спрятал полученную от Максимилиана купюру в карман, нацарапал адрес страусовой фермы на бумажке и счел своим долгом нас предупредить:

— Только... Полгода назад ферма сменила хозяина. Прежний хозяин был деловым человеком. Я с ним часто встречался, он держал у нас столик с сувенирами. Не знаю, почему он продал ферму, мало ли — долги, кредиты. Но с новым хозяином у нас бизнес не пошел. Он очень странный человек. С ним сложно иметь дело. Чуть что — «Мне это не нужно». И переубедить его невозможно никакими деньгами и силами. Наш зоопарк практически не поддерживает с ним контактов. Впрочем, если вы просто хотите приобрести страуса...

— Да-да, — подтвердил Максимилиан. — Жена хочет страуса, а я не могу ей отказать.

— Возможно, вы с ним договоритесь, — приободрил нас менеджер и вернулся к своим делам.

От Тропического острова мы поехали в Верхние Поганки — предварительно позвонив Феликсу. Максимилиан желал убедиться, что с братцем все в порядке.

— Поганки, поганки, — бормотала я, поглядывая на навигатор. — Вспомнила! И даже примерно знаю, где они находятся. Мы с Игнатовым в этот район пару раз за грибами ездили.

— А говорили — Игнатов нудный, с ним скучно... — протянул он. — Муж старался, как мог, на природу вас вывозил, а вы...

Я передернулась. Память услужливо подсунула мне картину — Игнатов заглядывает в багажник потрепанных «Жигулей», «Форда» тогда еще и в проекте не было, и недовольно морщится.

«Всего две корзины... И ты опять семейку ложных опят срезала, Машенька! Надо быть внимательнее, я тысячу раз тебе объяснял, что у ложных опят более яркая окраска и нет кольца на ножке. Если бы я сам грибы не перебирал, мы бы давно отравились! Да... Две корзины. Отходы, обрезки... банок на пять, конечно, набрали, но этого мало. Давай попробуем еще вот на ту горку заехать? Спустимся на другую сторону, склон прочешем...»

А по возвращении домой грибы требовалось перебрать, порезать, приварить, невзирая на усталость и зудящие от укусов комаров руки и шею. На следующий день, охая и держась за поясницу, я лезла в подвал за банками, мыла, стерилизовала и закатывала эти чертовы грибы.

— Он вывозил меня на природу в рамках продовольственной программы, — сухо ответила я. — Поверьте мне на слово, это не имеет никакого отношения к пикникам и здоровому образу жизни.

— Не знаю, что такое продовольственная программа, — пробормотал он, — но когда я разведусь с Джиллой...

— Мы с Бароном выйдем за вас замуж, и будем собирать грибы исключительно для удовольствия, — кивнула я. — Рада доложить, что я еще умею варить варенье из груши-дички и кизилковый компот.

— Компот — это интересно.

— Если где-нибудь будут продавать кизил, купим и я вам сварю, — вкрадчиво пообещала я.

— Чего же мы тащимся как черепахи? — подпрыгнул он и прибавил скорость. — Быстрее съездим — быстрее сварим. И поболтаем... насчет варенья и распределения супружеских обязанностей.

Глава 12

Заслуженный наемный убийца столицы Гламур Арманьяк всегда честно выполнял условия контракта. Требуется заказчик, чтобы неверную жену задушили — пожалуйста. Хочет расчлененку — доплатите и любуйтесь. Несчастный случай во время занятий верховой ездой? С превеликим удовольствием!

Слово Гламура ценилось выше золота, от клиентов не было отбоя, и они расплачивались с ним со словами искренней благодарности. Сегодняшний заказчик выбивался из общего ряда. Он посмел выразить недоверие к результатам работы и почти... почти обвинил Гламура в медлительности и халатности. Поразмыслив, Гламур решил наглого заказчика казнить в назидание остальным, чтобы не оставлять пятен на своей кристально чистой репутации. То, что клиент был главой чародейского Совета, его несколько не смутило. Хоть Стеарин, хоть Поролон — пока заклинание дочитает, кинжал в горло-то и воткнется. Приняв такое решение, Гламур повеселел и даже улыбнулся своему бывшему заказчику и будущей жертве, продолжавшей сверлить его взглядом. От улыбки Стеарина перекошило, и он схватился за лежащие перед ним бумаги.

— Повторяю, — медленно произнес Гламур. — Я получил тысячу золотых за ликвидацию Метрополиса и доставку содержимого его тайника. Верно?

Стеарин потряс бородой.

— Метрополис мертв. Содержимое тайника перед тобой. У тебя есть какие-то претензии?

— Понимаешь... — скривился Стеарин. — Я рассчитывал, что в тайнике будет еще одна вещь.

— Больше ничего не было, — указал взглядом на бумаги Гламур.

— Ты... ты не обыскивал дом?

— Ты за это не платил. Еще вопросы есть?

— Нет, — Стеарин понял, что разговор зашел в тупик и вежливым кивком отпустил собеседника.

Гламур, насвистывая, вышел на улицу. Он не любил связываться с чародеями. Нынешнее дело в очередной раз подтвердило, что купцы и аристократы куда более выгодные и менее хлопотные заказчики. Он проанализировал ситуацию и понял, что расслабился после первого заказа Стеарина. Молодой драконоборец умер, не пискнув, а содержимое его карманов и притороченный к седлу мешок оказались солидным наваром, превысившим гонорар. Потому-то Гламур так легко купился на предложение убрать Метрополиса.

Старый маг хлопот, как таковых, не доставил. Сидел смирно, смотрел в стену и позволил себя зарезать без всяких возражений. Только серебряный обруч не желал выпускать из мертвых рук... Не понравилось Гламуру одно обстоятельство. Когда он покидал спальню покойного мага, со стеной в которую тот таращился безжизненным взором, начали происходить странные вещи. Тань, шум, проявляющиеся рогатые силуэты.

Выяснить, кто решил навестить покойника, Гламур не стал. Мало ли, может черти его в ад тащить собрались. Задержишься, и тебя прихватят за компанию.

Мысли Гламура плавно перетекли к ободу. Вот что хотел получить Стеарин! Ясно... В следующий раз будет умнее и правильно сформулирует условия контракта. Тут Гламур вспомнил, что следующего раза не будет, и окончательно развеселился.

Вернувшись домой, он спустился в подвал. Вытащил обод из кадки с огурцами и внимательно осмотрел. Серебро как серебро, александрит, конечно, крупный, но не бриллиант же! Есть здесь какой-то подвох... Не похож Стеарин на скупщика серебряного лома.

— Надо будет его расспросить перед тем, как кончать... — пробурчал Гламур и спрятал обод в кадку, прикрыв гнетом.

Но расспросить Стеарина ему не удалось. Магистр оценил улыбку, подаренную убийцей, и принял меры предосторожности. Итог противостояния оказался печален. Хоронили всех — двух заколотых чародеев-телохранителей, сидевших в прихожей, секретаря, попавшего под горячую руку, Стеарина, скончавшегося от царапины отравленным кинжалом и Гламура, схлопотавшего таки заклинание.

Телохранителей и секретаря отвезли на отдаленный погост на окраине, а Гламура и Стеарина погребли с почестями на главном кладбище столицы. Похороны состоялись в один и тот же день и час. Наиболее раскованные горожане перемещались с одного конца кладбища на другой, не обделяя вниманием ни одного из покойных.

Городское мнение вынесло вердикт, что похороны Стеарина были богаче, зато у Гламура Арманьяка церемония вышла душевнее. И племянница у гроба рыдала, и две любовницы! А у Стеарина одни надутые чародеи в мантиях кисли. Хоть бы кто слезинку уронил!..

Особую пикантность похоронам Гламура придало то, что по окончании церемонии бабы передрались из-за наследства. Нотариус был вынужден прямо на кладбище сообщить родным покойного, что дом со всем его содержимым Гламур отписал своей горячо любимой племяннице Анне Шартрез, в девичестве Арманьяк. Что подтверждает составленное по всем правилам завещание с печатями и подписями трех свидетелей. Повеселевшая племянница

пригласила собравшихся на поминки в трактир «Мертвая голова». Там, после пары бокалов вина она оповестила собравшихся, что разводится с мужем и начинает новую жизнь в дядином доме. Мнение возмущенного мужа Анна проигнорировала и прямо с поминок отбыла в дядин дом с любовником, переставшим скрываться от глаз общественности.

Двухэтажный особняк, принадлежавший Гламуру, окружала крепкая кирпичная стена с острыми шипами вмурованной поверху решетки. По саду — четыре персиковых дерева и клумба с астрами — бродил поджарый доберман сразу признавший Анну, регулярно кормившую его обедками с дядинога стола. В доме было чисто и уютно. Перед камином лежала заготовленная охапка яблоневага дрова, а на столике поблескивал графин хорошага вина и два бокала.

— Все! — выдохнула Анна, падаая в кресло. — Я свободна! Дом, деньги... Ах, дядя, как ты вовремя меня покинул! Я так тебе благодарна! Постик, плесни вина! Надо выпить за упокой дядиной души.

Постум Прелат, выходец из южных районов империи, профессиональный альфонс и заядлый картежник немедленно выполнил указание любовницы. Он закрутил роман с Анной три недели назад, по заказу герцога Болконского, желавшага, чтобы Прелат втерся в доверие к Гламуру. Вчера, после смерти Гламура, герцог расторг контракт, но Прелат не стал торопиться с разрывом отношений. После оглашения дядинога завешания он понял, что чутье его не подвело, и утроил нежность и обходительность, которые Анна принимала за чистую монету.

— Заживем... — мечтательно прижмурилась Анна. — Будем устраивать балы по четвергам, съездим на воды... Закажу себе рессорную коляску и велю лошадей наряжать в попоны. Красота! Согласен, Постик?

Любовник рассеянно покивал. Он не собирался надолго задерживаться в доме. Анна принадлежала к прослойке женщин, непременно желающага притащить мужчину к алтарю, а его это не устраивало по многим причинам. Начать с того, что он был уже женат. Да и толку с этой курицы? Дом, небольшой капитал. Гламур хорошо зарабатывал, но и широко тратил эти деньги, заявляя всем, что с его профессией старость в постели не встретишь. Как в воду глядел!

Постум краем уха послушал Аннины рассуждения о новом свадебном платье. Утомился и подсыпал ей в бокал немного сонного порошка — пусть отдохнет, успокоит нервы. Снадобье подействовало быстро. Через пятнадцать минут Анна начала широко зевать, а потом заснула прямо в кресле. Постум бережено укрыл ее пледом и принялся методично обыскивать дом.

К трем часам ночи он уложил в сундук коллекцию антикварных фарфоровых статуэток, мешочек с золотом, отыскавшийся в рабочем кабинете хозяина, набор столовага серебра и массивную хрустальную пепельницу. Добыча была так себе — но ждать полгода, пока Анна сможет получить деньги в банке, Постум не хотел. Слишком уж увлеченно она размышляла о фасоне свадебного платья. Он захлопнул крышку сундука и задумался. Каминь он обыскал, стены простукал, в подвале ощупал каждый кирпич, но тайника не нашел. Неожиданно Постум вспомнил изумительный укропный запах, царивший в подвале, и ему до смерти захотелось соленого огурчика. Он поправил плед, убедился, что любовница спит, как младенец. Прихватил свечу и спустился в подвал. Отведав поочередно моченога арбуза, квашенога капусты и соленых помидор, Постум добрался до вожделенных огурчиков. На третьем огурце пальцы наткнулись на холодный металл, скрытый рассолом. Постум поднес

свечу поближе к бочке и выудил из огурцов серебряный обод с каким-то камнем в оправе. После этой находки он перерыл все бочки с соленьями, но посторонних предметов больше не обнаружил.

Постум спрятал обод в сундук. Поцеловал Анну на прощанье и покинул дом Гламура навсегда.

Совершенно не освеженную сном Анну подняли с кресла трое чародеев, предъявивших ей санкцию на обыск. Сопровождавшие их представители полиции сочувствовали перепуганной молодой женщине, но поделаться ничего не могли. С чародеями вязаться — себе дороже. Вон, Гламура заклинанием положили, и мяукнуть не успел. А какой профессионал был!

Маги обыскивали дом до позднего вечера, только что по кирпичику не разобрали и удалились страшно недовольные. Утомленная Анна отправилась к кухарке, чтобы заказать ужин и вдруг сообразила, что в дневной суматохе кого-то не хватало. Она схватилась за сердце, и поняла, что обожаемый любовник оставил ее на произвол судьбы, лишив дядиной коллекции статуэток. Поколебавшись, не пожаловаться ли на Постума служителям закона и чародеям, Анна решила не позориться. Коллекция — коллекцией, а доброе имя дороже.

Обремененный сундуком Постум прибыл в свою родную мансарду около пяти утра. За ним по пятам следовал дружелюбно вилявший хвостом доберман, бросивший пост в саду Анниного особняка. Постума это нисколько не удивило. Он всегда находил общий язык с женщинами и собаками, умел убедительно попросить их об одолжении и они никогда ему не отказывали.

Вот и сейчас, выслушав вопли разъяренной супруги по поводу своего месячного отсутствия, он ласково проговорил:

— Розочка, девочка моя! Не кричи. Свари бульон, если тебе не трудно.

Супруга осеклась и пошлепала на крохотную кухню, ворча насчет собаки, которую придется кормить мясом. Постум сбросил надавившие сапоги, улегся на кровать и сонно промурлыкал:

— И принеси мне чистые подштанники. Я переоденусь и часок посплю.

Роза, шепотом костеря блудного супруга, выдала ему чистое белье и вернулась на кухню. Бульон Постум требовал варить по невиданному рецепту — непременно класть в него целые корни моркови, четвертинки томатов, изюм и дольки невероятно дорогих апельсинов. Он уверял Розу, что вычислил это сочетание путем проб и ошибок и мог хлебать странное пойло ведрами, игнорируя прочие блюда. Откуда у парня из провинциального южного городка могла взяться тяга к экспериментам с бульоном, Роза не знала. Супруг вообще был загадочной и непредсказуемой личностью.

Стройный темноволосый красавчик Постум появился в столице давно. Покорять город он прибыл босиком, без смены белья и гроша в кармане, но преисполненный честолюбивых надежд. Без всяких рекомендательных писем устроился на псарню графа Ренклода, оттуда плавно переключился в постель к графине и больше на псарнях не работал. Дамы охотно снабжали Постума деньгами, Постум проигрывал эти деньги в карты, снова нырял в чужие постели и вылезал из них для походов в игорный дом.

Замкнутый круг разорвало зелье, которым Постума напоила разозленная его неверностью графиня де Астильяк. Утратив мужскую силу, Постум потерял стабильный источник дохода и впал в глубокую скорбь. В эти черные дни с ним и познакомилась Розочка, державшая на рынке рыбную лавку — наследство покойного мужа-купца.

Сообразив, что руки-то у Постума не отсохли, Розочка сводила обаятельного мужчину к алтарю и научилась варить бульон с диковинными компонентами. Целых три недели купчиха была счастлива — грустный Постум пил бульон, дрессировал приبلудившегося к свадебной процессии пуделя и служил украшением гостиной. На исходе скорбного медового месяца Постума посетил незнакомый Розочке мужчина, закутанный в широкий плащ. Судя по обрывкам разговора, мужчина хотел, чтобы Постум кого-то отвлек хотя бы на недельку, потому что у незнакомца нет ни сил, ни времени на возню с объектом. Заметив щель, в которую подслушивала Роза, Постум плотно прикрыл дверь.

На следующий день к обеду Постуму доставили флакон из темного стекла с притертой пробкой. Ухмыльнувшийся гонец присовокупил к флакону привет от Пальмируса и удалился. Постум вылакал содержимое флакона в один присест и безмолвно обмяк в кресле, напугав Розочку позеленевшим лицом.

Суматоха слуг и визиты озабоченного доктора почти подготовили новобрачную к мысли о новом вдовстве. Однако к утру Постум очнулся, выпил кружку бульона и с блеском откатал обязательную программу супружеских отношений. Новые ощущения привели Розочку в восторг. Она безропотно переписала на Постума рыбную лавку, которую тот немедленно проиграл в кости и исчез из дома, оставив Розочку разбираться с остальными кредиторами.

За последние годы у супругов сложились своеобразные, но вполне стабильные отношения. Раз в месяц, а то и реже, Постум возникал в Розочкиной мансарде. Приводил с собой очередную собаку, зачастую приносил деньги и драгоценности, пил бульон, отсыпался. В эти дни Роза расцветала, расплачивалась с долгами и вволю наслаждалась ласками мужа. Потом Постуму становилось скучно, он шел в трактир на углу перекинуться с картишки и исчезал, прихватив с собой наличность и собаку.

— Постик, вставай, бульон готов! — проворковала Роза и толкнула коленом добермана, развалившегося на кровати.

Как она и ожидала, блудный муж на ощупь нашел кружку с бульоном. Выпил его и приступил к исполнению супружеских обязанностей, согнав недовольного добермана на пол. Вдоволь покувыркавшись, семья приступила к разбору сундука.

Постум тщательно ощупал обод, пощелкал ногтем по александриту и нахмурился.

— Можно отнести к Францу Карловичу... — робко предложила Розочка, которая имела дело с одним и тем же ювелиром, не задававшим глупых вопросов.

— Нет, — отрезал Постум и отложил обод в сторону. — Разбери статуэтки. Завтра походишь по лавкам, узнаешь, сколько за них дадут. Только не продавай оптом! Непременно надуют.

Роза согласно наклонила голову. Прихватила пяток золотых монет и отправилась к зеленщику и мяснику с молочником. Она знала, что мужа надо часто и сытно кормить, иначе он исчезнет на следующий день.

После ее ухода Постум натянул чистые подштанники и завалился на кровать, устроив обруч на столике — так, чтобы он был перед глазами. При взгляде на обод он испытывал необъяснимое волнение. Хитро сплетенные серебряные нити тянули его в глубины памяти, заставляя заново пережить моменты, которые он давно забыл.

Ему десять лет. Он возвращается с выгона, волоча за собой мешок травы для ненасытных кроликов. Мать с отцом ругаются в сарае — жестко, до хрипоты.

— Почему Постума? Он еще мал!

— Вцепилась в любимчика! Пусть он у сеньора своими дурными глазищами зыркает! А

я в доме ведьминское отродье терпеть не буду! Говорила мне матушка, что у тебя кровь гнилая, все знают, что твоя бабка с демоном жила, угораздило ж на такой швали жениться!.. Не иначе как ты меня околдовала, дрянь позорная!

Постум слышит хлесткий звук удара и вбегает в сарай. Встретившись с его взглядом, отец опускает руку, пятится. Выкрикивает:

— Завтра тебя заберут люди сеньора, понял?

Постуму явственно вспомнился захудалый замок, гончие псы сеньора, тихие вечера, когда он вынимал занозы из собачьих лап, отводил их боль прикосновениями пальцев и разговаривал с ними без слов. В нем, неуклюжем на вид подростке, крепла диковинная сила. Он исподволь заставлял людей делать то, что ему захочется — сеньор отменял охоты, сеньорита бегала на сеновал, кухарка научилась готовить вкусный бульон, а лакеи приносили его Постуму на псарню.

Все закончилось в тот день, когда Постум убил своего отца. Удар топором — и сила исчезла. Остались жалкие крохи: неоправданная любовь женщин и собак.

Постум вспомнил слезы матери и поморщился. Дура! Нашла, кого оплакивать! Быдло навозное, только и знал, что кулаками махать. Александрит согласно подмигнул, маня Постума молчаливым зовом. Он не выдержал и осторожно взял обод в руки. Сила... Он и забыл, как упоительна и прекрасна была утраченная сила! Если бы она вернулась хоть на мгновение!..

Глава 13

Город мы покинули через новый мост. Разглядеть, есть ли на полицейском посту собака, мне не удалось. День клонился к вечеру, и в воздухе повисла противная сумеречная серость. Для визита на незнакомую ферму было поздновато, но я помнила слова Максимилиана о том, что Феликс в любой момент может починить каюк и призвать его к служебным обязанностям. И что мне тогда — ехать на электричке в голубую даль и самой беседовать с тронутым фермером? Страшно.

Мне и сейчас страшно. Все время, пока мы мотались по выставкам и зоопаркам, я гнала прочь тревожную мысль. Что будет, если мы действительно найдем Татьяну? Что я ей скажу? Захочет ли она вообще со мной разговаривать?

Она пропала, это факт. Но я ведь никуда не пропадала! Живу там же, где жила, надолго не уезжаю, номер телефона не меняла уже несколько лет. Если бы Таня хотела меня видеть, обратиться за помощью, она бы без труда со мной связалась. А если она не хочет меня видеть...

Максимилиан расслышал мой вздох и ободряюще спросил:

— В чем дело, Мария Александровна? Расскажите будущему мужу, что вас гнетет! Не стесняйтесь, между нами никаких тайн быть не должно.

Я пропустила насмешку мимо ушей — что с него взять, охламона рогатого? — помедлила и вывалила на него ворох своих сомнений. Максимилиан внимательно меня выслушал и задал вопрос:

— Припомните, Мария Александровна, почему вы хотели ее разыскать?

— Потому что... — я на секунду запнулась и решительно продолжила. — Потому что я не знаю, как ей свечи ставить — за здравие или за упокой. Я изредка в церковь захожу и всем свечи ставлю, понимаете? А ей — нет. Говорят за упокой живым ставить нельзя ни в коем случае, да и наоборот тоже глупость получается.

— То есть, вас тяготит неопределенность. В таком случае, увидев вашу подругу, вы

достигнете цели, о чем бы вы с ней ни поговорили. Даже если вы молча посмотрите друг на друга и разойдетесь в разные стороны.

— Надо было Барона с собой взять! — с досадой проговорила я. — Таня с Рэсси к Барону очень хорошо относятся. А когда собаки играют, беседу завязать проще.

— Барон мне нужен для дела, — отозвался Максимилиан. — Я с ним договорился, чтобы он охранял Феликса.

— Договорился! — возмутилась я. — Заведите свою собаку и договаривайтесь! Почему у вас собаки нет? Жилищное и материальное положение вам позволяет. Мы с Бароном в одной комнате живем — и ничего, помещаемся. А у вас домина такой, что псарню устроить можно!

— Я жду, пока какая-нибудь собака захочет со мной жить, — улыбнулся он. — Это труднее, чем выбрать жену, Мария Александровна. Не каждому так везет, как вам с Бароном.

Я вспомнила, как Игнатов злился из-за Барона, и ехидно поинтересовалась:

— С женой можно развестись, а если предаст собака, вы не переживете?

— Примерно так.

— Да вы копия Игнатов! — сладко заявила я. — Как я сразу не догадалась?

— Не надо определять меня в один ряд...

Я не выдержала и расхохоталась. Как мужчины не любят, когда между ними ставят знак равенства! Для того чтобы выставить из дома надоевшего любовника достаточно брошенных вскользь слов: «Милый, с тобой так комфортно! Ты хозяйственный, как мой первый муж и темпераментом почти догоняешь второго. Раньше я мучалась, как мне быть — не держать же при себе их обоих? А теперь у меня есть ты и проблема разрешилась!». Уверяю, после такой речи надо будет только проследить, чтобы он не упаковал вместе со своими вещами дорогие вашему сердцу безделушки. И не забыть забрать у него ключи от квартиры!

Максимилиан сообразил, что попался в ловушку и прикусил язык. Я, несмотря на хорошее настроение и множество вопросов, вертевшихся на языке, тоже помалкивала. Что толку выслушивать ответы, если ты не можешь отличить правду ото лжи? К тому же, в глубине души я побаивалась, что Максимилиан, желая замять проблемную тему, прибегнет к внушению. А мне не хотелось погружаться в обволакивающий туман из-за какого-нибудь невинного замечания.

Так, в молчании, мы летели по трассе через густые, почти осязаемые сумерки, пока я не увидела дорожный знак «станция Верхние Поганки 2.5 км». Я указала Максимилиану на щит. Он кивнул и свернул на засыпанную свежим гравием дорогу. Машину затрясло. Я тихо выругалась. Максимилиан сбросил скорость. Показались первые дома станицы. Населенный пункт выглядел на редкость безлюдным. Задраенные ставни, из-за которых пробивались тонкие лучики света, пустые дворы без брехливых собак и домашней птицы.

Я выказала свое недовольство вслух. Максимилиан как-то странно усмехнулся и стал рыться в карманах куртки. Миновав станицу, он съехал на обочину и протянул мне небольшой флакон из темного стекла.

— Глотни.

— Что это такое? — спросила я, не желая пить подозрительную жидкость.

— Зелье, — лаконично ответил он.

— Легкое зелье маны? — фыркнула я. — Или эликсир дубовой коры, добавляющий стойкость от повреждений магией?

— Не понимаю, в чем тут юмор, — буркнул он. — Но рад, что ты не средневековая

женщина, которая после такого предложения побежит сдавать меня инквизиции. Надеюсь, ты понимаешь, что я не желаю тебе зла?

— Не знаю, — засомневалась я. — Что для одного — добро, для другого — зло. Я это пить не буду.

— Ферма впереди, — скучным голосом сообщил он. — Но мы туда не поедем, пока ты не сделаешь глоток зелья. Выбирай — пьешь или едешь домой. Принуждать я тебя не собираюсь. Решай сама.

Я посмотрела на него. В темноте лицо Максимилиана словно окаменело, и его непреклонный профиль убедил меня лучше всяких слов. Я ни на секунду не сомневалась, что стоит вернуть ему флакон, он увезет меня в город, не побрезговав применением грубой силы. Можно поспорить на тему «не собираюсь вынуждать» и «решай сама», но это ни к чему не приведет. А мне не хочется отступать в двух шагах от разгадки тайны. Похоже, Таня вляпалась в какие-то неприятности. Если есть возможность ей помочь, используя Максимилиана и его способности, я обязана это сделать! Второго такого случая наверняка не представится.

Я решила и отпила крошечный глоток жидкости. Липко, сладко — в общем, обожаемый Жанной Колокольчиковой банановый сироп для добавления в кофе. Максимилиан забрал у меня флакон и утвердительно сказал:

— Едем.

— Минуточку! — запротестовала я. — Мне надо... сосредоточиться перед встречей. Подышать свежим воздухом!

Жидкость из флакона волшебным образом протолкнула вниз всю выпитую за время дороги минералку. Я, не слушая Максимилиана, выскочила из машины и нырнула в придорожные кусты. Царившая там темнота подействовала мне на нервы, но желания уединиться отбить не смогла. Я примяла ногой траву, чтобы не попасть задницей в крапиву и уютно расположилась под кустом.

Через пару минут к чувству облегчения присоединилась твердая уверенность, что за мной кто-то наблюдает.

— Что тут нового и интересного можно увидеть? — пробормотала я, застегивая молнию на штанах. — Все, как у всех. Макс! Это неприлично!

Кусты затрещали, кто-то невидимый стал удаляться в глубину леса. Я, как замороженная, сделала несколько шагов. Нога наткнулась на что-то мягкое. Под кроссовками хлюпнула лужа. Я наклонилась, чтобы рассмотреть препятствие и в ужасе завизжала. На траве лежал труп. Окровавленная туша большого животного. Слабое зрение и тусклый лунный свет избавили меня от подробностей, но того, что я увидела, хватило, чтобы обмякнуть на руках у подоспевшего Максимилиана.

— Всего лишь дохлая свинья, — спокойно сказал он. — Пойдем в машину.

Уговаривать меня не пришлось. Я в два прыжка достигла джипа и захлопнула дверь, отделяющую от страшного леса. Зубы выбивали дробь. Я, конечно, знала, что в нашем крае водятся волки и прочие хищники. Когда мы с Максимилианом грабили музей, я заметила симпатичное чучело койота — в пару к лисе. Только не подозревала, что столкновение с жертвой этих самых хищников способно так сильно выбить из колеи.

Максимилиан сел за руль и спросил:

— Вернемся домой?

— Нет! — я справилась с комком в горле. — Надо ехать на ферму. Даже если Тани там

нет, надо предупредить хозяев, что волки прямо у них под воротами бродят.

Он пожал плечами. Тряхнул головой, от чего на ней появились рога, и включил фары. Я глянула на дорогу и еще раз взвизгнула. Метрах в десяти от машины, вздыбив загривок, стоял огромный то ли пес, то ли волк. Максимилиан повернул ключ зажигания, фары моргнули и осветили уже пустой асфальт.

Я постаралась унять дрожь. Повадки хищников мне были незнакомы, но я неоднократно читала в книгах, что дикие животные не выносят запах бензина и стараются избегать дорог и автомобилей. Одиравшие собаки более опасны, потому что не испытывают такого страха перед людьми и достижениями цивилизации. Но этот сумасшедший зверь только что чуть не кинулся на джип. Это уж чересчур! Что-то неладно в здешнем лесу. Да и поведение Максимилиана, гордо выставяющего рога на всеобщее обозрение и вынуждающего меня пить странные зелья выходит за рамки его поведения.

— Зови подругу! — оторвал меня от размышлений Максимилиан.

Дорога закончилась тупиком. Прямо перед машиной возникли сетчатые ворота, запертые на амбарный замок. За воротами просматривалась темная громада дома. В одном из окон горел слабый свет, подтверждающий, что ферма обитаема. Я осторожно высунулась из машины и закричала:

— Эй! Есть кто живой? Хозяева, отзовитесь! Таня, это я, Маша! Таня, выходи!

В ответ на мои вопли скрипнула дверь. В черном проеме замаячила неясная фигура.

— Это я, Маша, — неуверенно повторила я. — Таня, ты? Я тебя ищу, ищу...

— Нашла, — отозвались из проема. — Жаль, что ты не вовремя. Извини, в дом пригласить не могу. У нас ремонт.

— Таня, ты хоть подойди! — насторожилась я. — С тобой все в порядке? У вас тут какой-то пес бешеный по округе бегаёт. А где Рэсси?

— У меня все в порядке, — ответила Таня и спустилась с крыльца. — Рэсси два дня назад умерла от чумки. Поздно к ветеринару отвезли.

— Макс, убери рога, ты ее напугаешь! — прошипела я и продолжила в полный голос. — Да ты что? Жаль Рэсси, честно! Иди сюда, расскажешь мне подробнее.

Таня подошла к машине и стала пристально рассматривать нас с Максимилианом. Я скосила глаза. Мерзавец так и не убрал рога! Более того, он лениво почесывал голову, привлекая к ним внимание. Я ткнула его в бок, но никаких результатов не достигла.

— Вы развернитесь и ежайте по дороге. Она вас прямо к трассе приведет, не промахнетесь, — Танины губы растянулись в подобии улыбки. — Рада была тебя видеть, Маша. Просто ты не вовремя.

— Само собой! — вступил в беседу Максимилиан. — До подруги ли тут? Муж... Он же тебе муж?

Она кивнула и горящими глазами уставилась на его рога.

— Муж голый в кустах мерзнет. Он уже обратился, правильно? Сидит в кустах, рискует подхватить воспаление легких — за свиньей набегался, трудяга. И тут подруга со своими соплями: волновалась, искала...

Таня отпрянула от машины.

— Ты ему хоть одеяло отнеси прикрыться, — посоветовал Максимилиан. — Мы все равно быстро не уедем.

— Кто ты такой? — выкрикнула Таня.

— Пока не враг, — усмехнулся Максимилиан. — Иди, скажи мужу, что я с ним

поговорить хочу. Пусть оденется.

Фары вспыхнули и осветили двор. Таня побежала в избу. Выскочила оттуда с какой-то тряпкой в руках и метнулась за сарай. Несколько минут спустя из-за сарая вышел мужчина, закутанный в покрывало, покосился на машину и шмыгнул в дом. Я повернулась к Максимилиану.

— Что ты там плел про голого мужа? Голыми за сараем сидят только любовники! Кто этот тип?

— Оборотень, — ответил он.

— Не смешно! — возмутилась я. — Оборотни у нас не водятся! Твои слова — нелепица и абсурд.

— Это не абсурд, — заверил меня он. — Это нарушение закона об ареале обитания. Муж твоей подруги...

— Эй! — хрипло проорали с крыльца. — Заходи, раз не враг. Только подругу держи за спиной, а то неровен час...

— Тебе не захочется, — откликнулся Максимилиан. — Я принял меры.

С крыльца что-то проворчали. Я пошла к дому вслед за Максимилианом, щипая себя за ухо. Сейчас я проснусь дома, на диване и загадочная ферма растает, как дым. Оборотней не бывает. Это сказки. Таня не могла выйти замуж за оборотня. Это сон.

Хозяин стоял, облокотившись на дверной косяк и скрестив руки на груди. У него из-за плеча выглядывала испуганная Таня. Броня деланного спокойствия была пробита, в глазах моей подруги плескался откровенный страх. Я внимательно осмотрела предполагаемого оборотня. Мужик, как мужик, просто нестриженный и борода от бровей растет. Бывает и хуже.

Он посмотрел на рога Максимилиана и нехотя склонил голову.

— Заходите, милорд. Моя жена рада увидеть свою подругу.

— Давно прячешься? — спросил Максимилиан, подхватив меня под локоть и вводя в дом.

— Почти год, милорд.

— Ферма откуда?

— В карты выиграл, — со смешком оскалился Танькин муж.

Увидев его клыки, я содрогнулась и безоговорочно поверила Максимилиану. Мне тут же расхотелось узнавать какие-либо подробности о Татьяниной личной жизни. Она цела, руки-ноги на месте, за Рэсси я соболезнавания уже выразила, чего мы, спрашивается в дом поперлись?

— Маша, пойдем, чай на кухне заварим, — позвала Таня. — Они в гостиной сядут, я чехлы с кресел сняла.

— Я... я чай как-то не очень, — забормотала я. — Пожалуй, мы поедем.

Максимилиан дал мне тычка в спину, я влетела в кухню. Они с оборотнем прошли в другую комнату и закрыли за собой дверь. Оказавшись наедине, мы с Танькой пару минут смотрели друг на друга. Я завистливо отметила, что она чертовски похорошела. Лицо гладкое — ни морщинок, ни синяков под глазами.

— Прекрасно выглядишь, — заговорила я.

В ответ она всхлипнула и бросилась мне на шею.

— Что, что такое? — всполошилась я. — Этот твой... Он тебя обижает?

— Нет, что ты! — прорыдала она. — Марек — просто чудо! Он меня от смерти спас.

Скажи, твой рогатый приятель... он натравит на нас патрульных?

Подивившись Танькиной осведомленности о патруле, я осторожно проговорила:

— Не думаю. Он... он сам здесь инкогнито. Зачем ему устраивать шум?

— Хорошо, если так, — она порылась в карманах спортивного костюма, вытащила платок, высморкалась.

Я не удержалась и полюбопытствовала:

— Марек — это твой муж?

— Да, — с гордостью ответила Таня. — Мой муж-оборотень.

— Как ты с ним познакомилась?

Таня поставила чайник на огонь и начала издалека — с продажи жилья. Как я и подозревала, придурковатую владелицу однокомнатной квартиры, отирающуюся на паперти, приметил черный маклер. Краткого периода просветления оказалось недостаточно — Таня успела устроиться на работу, но не отработала ни одного дня. Маклер посетил ее под вечер и предложил отметить «перспективу карьеры». После стопки неизвестного напитка она впала в забытие и подписала нужные ему документы. Все переговоры с покупателями вместо Тани вела какая-то девица, и ничего, прокатило — отпечатки пальцев-то никто не проверяет. После совершения сделки квартиру надо было освободить, и Таньку вывезли в гнилую избу на окраине Верхних Поганок. Случилось это аккуратно в день первых морозов. И лежать бы Таньке трупом в нетопленной избе, если б не Рэсси.

— Она меня подняла с кровати и на улицу толкает, — рассказывала Таня, заваривая чай, — Вышла я, нет, не вышла — выползла. Смотрю — снег лежит. Сообразила, что надо хоть веток набрать и печь затопить. Поковыляла к лесу. Голова чугунная, а ноги ватные. Далеко не ушла, прямо возле калитки на снег и рухнула. Очнулась — с одного боку Рэсси греет, а с другого пес здоровенный. А я его обнимаю.

Она ненадолго замолчала и рассмеялась.

— Думаю, Марек в тот день сытый был. Хотя врет, что как меня увидел, так по уши и втрескался. Врет — кому я такая могла понравиться? Невменяемое чучело... так о чем я? А... помню, проснулась в избе. Печь натоплена, на столе булка хлеба, чай, сахар, какие-то консервы. И никого — только Рэсси в углу дремлет. Я поела, немного очухалась и за дровами двинула. Пес, что меня с Рэсси на пару грел, под плетнем отирается. Я веток набрала, пса зазвала в дом, попыталась тушенкой накормить. Представляешь, как он в душе веселился? До сих пор повторяет: «Я тебя ценю — ты со мной последним куском поделилась!»

Так я и жила. То хлеб на крыльце найду, то пакет с продуктами, то банку кофе. Пес меня в лес за дровами водил, охранял, чтоб никто не тронул. Через месячишко в голове просветлело. Сообразила, что без квартиры осталась. Расстроилась.

— Почему ты мне не позвонила? — спросила я. — Можно было найти адвоката, опротестовать сделку.

— Я как раз думала, что делать, — ответила она. — И о тебе вспомнила. В первую очередь. Но у нас беда случилась. Марека мужик подстрелил, когда он в курятник лез. Откуда в такой глуши серебряные пули — ума не приложу! Но не поскупился кто-то.

Марек ко мне ночью приполз, в дверь поскребся. Я открыла — батюшки, голый мужик на пороге лежит. Весь в крови. Я его в избу затащила, перевязала, как могла. А он трясется и повторяет: «Утром все пройдет, не беспокойся». Так и было, к утру все само зажило. К счастью, ночью снег такой повалил, никаких следов не осталась.

Ходили мужики с ружьями, искали его, но я отовралась, что никого не видела. Он у меня три дня прятался и потихоньку правду выкладывал — в час по чайной ложке. И кто он такой, и что жить ему здесь не положено...

Она опять замолчала. Нахмурилась и задала вопрос:

— А твой рогатый друг, что он здесь делает? Он тоже беглый? Или работает на патруль?

Я замялась. Посвящать Татьяну в свою жилищно-эротическую ситуацию мне не хотелось. Ясно было, что слова немедленно передадут Мареку, а изливать душу перед оборотнем не входило в мои планы. Я тянула время, размешивая сахар в чае. Танькин рассказ невероятно романтичен, но знакомый блеск глаз и интонации подсказывают, что она по-прежнему чуток не в себе. Просто с паперти и нищих ее переклинило на славного оборотня. А как оно на деле — бог его знает.

Неловкую паузу прервал скрип двери. На мое плечо легла ладонь Максимилиана.

— Маша, прощайся с подругой. Нам пора уезжать.

Таня опять всхлипнула. Оборотень проскользнул в кухню, обхватил ее за плечи и забурчал:

— Не плачь, хватит. Не на охоту провожаешь.

Чувствуя за спиной Максимилиана, я осмелела и напрямую обратилась к оборотню:

— Послушайте, Марек...

Он сверкнул зелеными глазищами:

— Что такое?

— Вы... точно не обидите Татьяну? Я имею в виду... ну, ваши пищевые привычки и все такое... Вы не причините ей вреда?

Марек расхохотался. Смех был похож на отрывистый лай, но улыбка сделала лицо мягче.

— Я ж люблю ее, глупая, — откликнулся он. — Стал бы я в этой глуши сидеть и свиной жрать, если б не она. Старался, как мог, ферму в карты выиграл.

— Простите, а почему именно страусовую ферму? — поинтересовалась я. — В этом есть какой-то тайный смысл?

— Тут два приличных дома с ванной на всю округу, — пожал плечами Марек. — Наш и председателя колхоза. Председатель колхоза в карты не играет, поэтому мы живем на ферме.

Я понимающе кивнула.

— А страус у нас один остался, — продолжил он. — Остальных я в лесу загонял, а Петю держим, чтобы желающим предъявлять. Хотите на Петю глянуть?

— Если не затруднит, — вежливо сказала я.

Хозяева проводили нас в сарай. Петя гулял по вольеру и смотрел на посетителей так нагло, что я сразу нашла слова прощания. Возле машины Таня вновь бросилась мне на шею.

— Звони мне хоть изредка, — попросила я, косясь на Марека. — Номер помнишь? Или записать?

— Помню, — ответила она. — Я позвоню, обязательно! Здесь сотовый не берет, но я буду подниматься на горку и звонить. Ты ведь ничего не рассказала о себе, Маша!

— Что тут рассказывать?.. — проблеяла я и спряталась в машину.

Обнявшая парочка проводила нас короткими взмахами. Я выждала, пока мы отъедем подальше, и злобно заявила:

— Мог бы предупредить! Со мной чуть удар не случился!

— Ты держалась великолепно, — безмятежно ответил Максимилиан. — Что касается

подготовки... Я дал тебе выпить зелье.

— Зелье неуязвимости! — я скрипнула зубами.

— Оно отлично отбивает аппетит у подобных существ.

— Почему ты не сказал, что она вышла замуж за оборотня? — гнула свою линию я.

— Я не знал. Я увидел его следы вокруг села. Но ни по следам, ни по мимолетному взгляду, когда он показался на дороге, невозможно определить — северянин он или южанин. Надо было с ним поговорить.

— А какая разница?

— Северяне уживаются с людьми. Южане славятся неоправданной жестокостью и имеют привычку запасать живые консервы.

Я глубоко вздохнула, пытаясь отогнать тошноту.

— Марек — северянин?

— Да, — Максимилиан выехал на трассу и прибавил скорость. — В какой-то мере твоей подруге повезло. Оборотень, если он действительно привязывается к женщине, становится преданным мужем и защитником. Сама посуди: не пьет, не курит, не изменяет, все в дом несет, за жену любому горло перегрызет и не поморщится.

Я замахала руками, призывая его замолчать. У меня перед глазами опять возникла окровавленная свинья.

— Сразу хочу предупредить, что подруга тебе звонить не будет, — продолжил он. — Думаю, сейчас они с мужем собирают вещи.

— Почему? — не поняла я.

— Я дал ему сутки на отъезд.

— Ты... — до меня дошел смысл его слов. — Ты выгнал их из дома? С какой радости? Ты ненормальный, что ли? Разворачивайся, мы едем назад! Я должна...

— Нет, — холодно сказал он. — Разворачиваться я не буду. И ты ничего не должна делать. Делать должен был я. Мне надо было вызвать патруль или самому прикончить Марека. Он прекрасно это знает. Любой оборотень, покидающий пределы своего мира, идет на осознанный риск. Уверяю тебя, Марек высоко оценил мою снисходительность.

— Ты выгнал их из дома! — повторила я.

— Взгляни на это с другой стороны. До встречи с твоей подругой Марек задрал трех человек из станицы. В него стреляли не из-за кур.

Я поперхнулась и уставилась на Максимилиана.

— Если Марек сорвется и перестанет себя контролировать — это может произойти в любое полнолуние — станице придет конец. Я не могу потворствовать потенциальному убийце. Ему не место в вашем мире. Или для тебя ничего не значат жизни их соседей?

— Значат! — выкрикнула я. — За кого ты меня принимаешь — не значат? Просто... Ну, переедут они. А там, на новом месте, рядом будет другая станица, деревня или даже город. Другие Поганки, только Нижние или Средние. Какая к черту разница, Макс?

— Они уйдут к нему домой, — объяснил Максимилиан. — Твоя подруга будет пить зелье или носить оберег. Все жены оборотней так делают.

— Жить среди оборотней? — вздрогнула я.

— Не захочет — останется здесь, — пожал плечами он. — Ей я не выставлял никаких условий.

Я отвернулась и уставилась в темное окно. На меня навалилась тоска. Что же я наделала? Поставила Татьяну перед жестоким выбором — уходить в чужой мир или жить

здесь, тоскуя по своему странному, но, несомненно, заботливому мужу! Век бы их патруль искал, в такую глушь, как эта ферма, никто не забирается. А я им к порогу беду привела. Дернула меня нелегкая поискать определенности!

Тут я вспомнила про трех убитых станичников и закусила губу. Почему-то я была уверена, что Максимилиан не лжет на этот счет. Он тоже прав — оборотень не должен жить рядом с людьми. Все по-своему правы — и он, и Марек, и Таня. Одна я не права. Не надо было прибегать к помощи Феликса и искать их убежище. Лучше бы я жила, терзаясь прежней неопределенностью. Что мне делать с открывшейся правдой?

— Маша, я понимаю, тебе сейчас тяжело... — негромко заговорил Максимилиан.

— Оставьте меня в покое! — взорвалась я. — Это все из-за вас! Пока вы с Феликсом не вторглись в мою жизнь, все было нормально. Кто подбил меня на поиски Тани? «У меня свои методы...». Ваши методы хороши для вас. А у меня от них одни неприятности выходят!

— Маша! Откуда я мог знать, что мы наткнемся на оборотня? Таких дураков, как Марек и твоя подруга еще поискать надо!

— Это такую дуру как я, надо поискать! — прошипела я. — Пустить в дом двух рогатых проходимцев, которые морочат голову мне, моим родственникам и соседям! Позволить пользоваться своей собакой! Устроить подлость подруге! И это только малый перечень моих ошибок!

— А мне казалось, у нас появилось доверие и взаимопонимание, — удивился Максимилиан. — Ты же пообещала выйти за меня замуж!

— Я передумала!

— Так вот ты какая...

— Да, ветреная и непостоянная, — парировала я. — И извольте перейти на «вы». Я не желаю...

— Со мной корешиться, — подхватил он. — Все понял, не буду навязываться.

— Заткнитесь!

Он заткнулся и даже убрал рога. Весьма кстати, потому что впереди на дороге показался пост полиции. Мне совершенно не улыбалось застрять на трассе, доказывая бравым гаишникам, или как там они сейчас называются, что рога — личное дело каждого мужчины.

Но ни этот, ни следующий пост не препятствовали нашему стремительному возвращению в город. Джип летел по темной дороге на предельной скорости и я, не любившая быстрой езды, была этому рада. Меня тяготило замкнутое пространство салона, обрекавшее меня на уединение с Максимилианом. Хотелось добраться домой, позвать Барона, обхватить его за шею. Честно рассказать ему про Таню и Рэсси, не скрывая своей роли в истории. Может быть, поплакать. Барон меня поймет и утешит.

Мы пересекли старый мост. Максимилиан остановил машину.

— Нас арестовали? — очнулась я.

— Нет. Я иду поздороваться с Найдой, — сообщил он. — Хочу поблагодарить ее за спасение, узнать, как ей живется. Подождите минуточку, я надолго не задержусь.

Я откинулась на сиденье и стала прислушиваться к голосам снаружи.

— Совсем оборзели! И закона нет, чтобы посадить. Где это видано — с луками по лесу бегать? Ты-то сам как? Сотрясение не заработал?

Максимилиан что-то ответил. Радостно залаяла Найда. Видимо, мохнатой девочке по душе пришелся рогатый кобель! Вон, прыгает, лапами его толкает.

— Фу, Найда! Сидеть! Она последние дни сама не своя.

— Бродячих собак много, брат. Дразнят, хвастаются.

— Как сбесились, — охотно подтвердил полицейский. — Каждую ночь воют, по берегу мечутся.

— Весна, — туманно проговорил Максимилиан. — Скоро все закончится, брат. Все будет, как прежде.

— Дай-то Бог, — вздохнул полицейский.

Максимилиан погладил Найду по голове и вернулся в машину. Хотелось пить, но не задерживаться же возле магазина для покупки воды. Я напомнила себе, что езды до дома не больше пятнадцати минут. Заварю чай, сварю себе порцию овсянки...

Удар по тормозам швырнул меня на лобовое стекло. Я зажмурилась от боли, вскрикнула. Нащупала свалившиеся на колени очки, водрузила их на нос и уставилась на фигуру перед капотом.

— Тебе жить надоело? — завопил Максимилиан, выскакивая на дорогу. — Зачем под колеса полез, урод?

— Наркоман! — пискнула я, глядя на полугололого мужика в кальсонах.

Других предположений у меня не было. В свете фар и фонарей я разглядела остекленевшие глаза симпатичного темноволосого парня. Босой, в допотопных подштанниках с завязками, он зачем-то напялил себе на голову мятый металлический обруч. Ясно, как день — нюхнул и забылся.

Максимилиан вдруг заговорил на своем языке. В голосе зазвучали тепло и участие, он протянул руку и коснулся плеча парня. Тот вздрогнул и бросился бежать, чуть не угодив под машину, идущую по встречной полосе. Максимилиан побежал за ним, не обращая внимания на протестующие гудки «девятки», с трудом объехавшей «казака» и «разбойника». Парень добежал до фасада ближайшего дома и исчез внутри. Я потеряла отвисшую челюсть и еще раз поправила очки. Все верно. Разъяренный Максимилиан колотит кулаком по стене, сквозь которую прошел таинственный наркоман. А дом безучастно взирает на него темными окнами.

Максимилиан оторвался от стены. Огляделся по сторонам и попытался перелезть через высокий кирпичный забор. Во дворе грянул слитный хриплый лай.

— Макс! — заорала я. — Там ротвейлеры! Не надо!

К лаю ротвейлеров добавился призывный вой из-за угла. Максимилиан опрометью кинулся к машине, загнал ее в узкий проезд между домами, выключил фары и заглушил мотор.

— Тихо! — буркнул он. — Патруль.

Я вытянула шею. Действительно, под забором уже отиралась пара адских псов в сопровождении балахонов. Псы лаялись с ротвейлерами, причем, как мне показалось, шла игра в вопросы и ответы. Судя по возбужденным голосам, у них возникло полное взаимопонимание. Один из патрульных отошел для разбега и перепрыгнул через забор.

— Что в этом доме? — прошептал Максимилиан, приближая губы к моему уху.

— Частный ЛТП, — еле слышно ответила я, покосившись на его рога. — Клиника для богатых алкоголиков и наркоманов. Она хорошо охраняется. На ночь во двор выпускают трех служебных собак, чтобы никому из знакомых не пришло в голову передать больным водку или дозу.

— Откуда ты знаешь?

— Здесь Андрея из запоя выводили. Его родители сюда положили.

— Очень хорошо, — прошелестел Максимилиан. — Как ты думаешь, Андрей сможет нарисовать мне план дома?

— И я смогу, — пожала плечами я. — ЛТП тут всего три года, а раньше это была детская поликлиника нашего района.

Ограбление ЛТП никаких душевных мук у меня не вызвало. Наоборот, мне хотелось чтобы братья как можно быстрее обстряпали свои дела, и убралась домой. Что угодно, вплоть до проникновения в штаб-квартиру спецслужб, лишь бы история закончилась, и меня оставили в покое.

Максимилиан, прищурившись, следил за патрульными, устроившими совещание под забором.

— Этот наркоман, он украл вашу вещь? — догадалась я. — Тот обруч?

— Почему именно обруч? — ожег меня взглядом он.

— Ну не кальсоны же! — хихикнула я. — А больше у него ничего не было.

— Тише! — шикнул Максимилиан и снова уставился на патруль.

Посоветовавшись, псы разделились. Один вернулся на территорию ЛТП, к ротвейлерам, второй удалился в лабиринт переулков, ведущих к реке. Выждав десять минут, Максимилиан завел машину и обратился ко мне:

— Мария Александровна! Сейчас я отвезу вас домой, а сам ненадолго уеду по делам. Очень прошу вас — не вводите из дома Барона. Пусть он гуляет во дворе. Я не могу оставить Феликса без присмотра. Вы же видите, что творится?

— А что? — прикинулась душой я. — Какие-то проблемы? А-а-а... Вы через стену проходить не умеете? В школе не научились?

— Смейтесь, смейтесь, — поощрил он. — Этого никто не умеет, ясно? Как он это сделал — ума не приложу. Что-то здесь неладно...

Он остановил машину у калитки и сообщил:

— Приехали. Будут спрашивать — скажете, что я через час вернусь. В подробности не вдавайтесь. Даже с Феликсом. Привет Барону.

Я обиделась, вылезла из джипа и застыла, пораженная внезапной мыслью. А что если Максимилиан едет убивать Марека? Он же говорил — надо вызвать патруль или самому прикончить.

— Караул! — взвыла я, провожая взглядом задние фонари удаляющейся машины. — Что делать?

Решение пришло моментально. Я пробежала до угла, увидела шашечки такси и взмахнула рукой. Я много раз читала в дамских детективах, как правильно разговаривать с таксистом, что бы он согласился вести слежку. Денег у меня есть.

— Куда едем? — спросил у меня пожилой таксист, когда я плюхнулась на переднее сиденье.

— За той машиной, — заявила я, указывая на Баксов джип, стоявший на следующем светофоре. — Я вам... сто долларов заплачу! Беспокойства не будет, там, в машине мой муж, если что, я с ним сама поговорю. Понимаете, он мне изменяет...

Таксист побагровел. Сначала я думала, что его потрясла предложенная мной сумма — не знаю, как там в Москве, а у нас за сто долларов весь день по городу кататься можно. Но его слова показали мне, что я жестоко ошиблась.

— А ну, вылезай из машины, стерва! — рявкнул дедок. — Ишь чего удумала, за мужем следить! Совсем одурели, шалавы! Дома сидеть надо, борщ варить, тогда муж изменять и не

будет. Лучше б постирала, чем на такси раскатывать и деньгами швыряться.

Он вытолкал меня наружу, захлопнул дверь и уехал, продолжая костерить безмозглых дур, у которых нет ни стыда, ни совести. За время его монолога джип благополучно исчез, а я даже не заметила, куда направился Максимилиан — направо, налево или прямо. Я замерла на тротуаре, размышляя, стоит ли ловить другое такси. Езжай туда, не знаю куда... Нет, похоже, что слезка — не моя стихия. Надо идти домой.

Глава 14

Барон восторженно заплясал вокруг меня — как с войны вернулась, честное слово. Я потрепала его по ушам, пообещала:

— Сейчас гулять пойдем, детка!

В ответ на мои слова на лавочке Андрея что-то завозилось. Тонкий голос пискнул:

— Здравствуйте! Вы — тетя Маша? Хозяйка Барона?

— А в чем, собственно, дело? — взгляделась в темноту я.

— Я с ним играла. Ничего? Папа мне разрешил. Он сказал, что Барон — добрый. Вы не сердитесь? А то папы нет, я его жду-жду. Мне скучно, ужас!

Барон весело хрюкнул и побежал к обладателю тонкого голоса. Я сделала пару шагов и рассмотрела скрючившееся на лавочке существо с длинными волосенками из которых торчали маленькие рожки. Существо ухватило Барона за шерсть, тряхнуло рожками и сообщило:

— Мы с ним в прятки играли.

Я вспомнила слова Максимилиана, что у него семеро детей и меня накрыл острый приступ паники.

— Деточка... — пролепетала я. — А твоя мама знает, что ты... у нас в гостях?

— Так она сама меня сюда отправила! — радостно сообщило существо. — Ой, вот и папа!

Я обернулась к калитке. Сейчас я убью этого рогатого мерзавца! Совесть у него есть? Я ведь в объявлении писала — без детей и других животных!

— Машенька! — крикнул мне полковник, а именно он, и никто другой, вошел в калитку с огромным пакетом в руках. — Вы уже познакомились? Это моя дочка Леночка, она здесь проездом. Ей жена путевку в санаторий купила, я ее завтра на поезд до Адлера посажу.

Из моей груди вырвался вздох облегчения. Я даже простила тощей Леночке обращение «тетя», хотя, если разобраться, в гробу я видала таких племянниц.

— Что это у тебя на голове, Леночка? — строго спросила я.

— Глазки на пружинках! — доложила полковничья дочь. — Мы в парке гуляли, мне папа в подарок купил. Там еще были ушки, которые в темноте светятся, но папа их покупать не захотел.

— Слава Богу! — припечатала я. — А то б меня вообще кондрашкахватила!

Леночка обиженно завозилась на лавке. В окне кухни Андрея зажегся свет, и я смогла разглядеть так напугавшие меня «глазки-рожки». Да, действительно, типичный пример карнавального украшения — обруч, две пружинки и картонные шарики. Как я могла принять это за рога и почему сразу решила, что передо мной ребенок Максимилиана? Наверняка у Феликса тоже дети есть.

«Нервы шалют, — поставила себе диагноз я. — Обязательно надо валерьянки попить. Валерьянка отлично нервы успокаивают. Прямо сейчас с Бароном в аптеку схожу. Так и до

панических атак недолго, живу, как в дурдоме!»

— Маш! — высунулся из окна Андрей. — Вы приехали? Пусть Макс машину под воротами бросит. Я в супермаркет поеду, чего ворота туда-сюда открывать.

— Он... — я замаялась. — Он меня привез, а сам куда-то по делам уехал. Сказал — через час будет.

— Да мне все равно, — зевнул Андрей. — Супермаркет круглосуточный.

Я решила подняться за сумкой, и в коридоре нарвалась на Лизу.

— Маша, ты Жеку не видела?

— Он на улице, — доложила я.

— Ты видела его дочку? — голос стал агрессивным. — Надо же, какая жена у него наглая! Двенадцать лет назад разошлись, а она ее прислала — пусть переночует, потом на поезд посадишь. Знает, что мы с ним в тесноте живем, куда нам еще ее ребенка? Мне на голову?

От такого напора я немного ошалела и не решилась напомнить Лизе, что она-то тоже развелась с полковником. И далеко не вчера.

— Помяни мое слово! — горячилась Лиза. — Это все из-за комнаты! Сегодня — переночевать, завтра — недельку пожить. А затем «подпиши, папа, дарственную» и пинка под зад. Гнать ее надо, пусть на вокзале ночует!

Я задумчиво потерла нос. Нарисованные Лизой картины меня не впечатлили. Не спорю, особой приязни Леночка у меня не вызвала, но подозревать поездку в санаторий первой ступенью плана по захвату полковничьей недвижимости... Как-то чересчур! Во всем, что касается Жеки, Лиза теряет рамки приличий и чувство меры. Это же только додуматься — требовать, чтобы дочь от первого брака ночевала на вокзале!

— Лизонька, у тебя какие-то проблемы?

Мы повернулись на голос. Максимилиан поднялся по лестнице и шел в нашу сторону.

— Проблемы? — повторил он.

— Нет, — покачала головой Лиза.

Я загнала Барона в комнату. Взглянула на часы и с облегчением вздохнула. Нет, Максимилиан не успел бы доехать до фермы, убить Марека и вернуться. Джип — не космический корабль. А где он тогда шлялся? Грабил ЛТП? Или проверял манок? Хотя, какая разница.

В дверь постучали.

— Открыто! — машинально ответила я.

— Тетя Маша! — просунулся в щель длинный носишко. — Можно мне Барона взять? Во дворе темно и страшно.

— Сиди в комнате, — отозвалась я. — Чего тебя во двор несет?

— В комнате скучно, — объяснила Леночка. — Там папа с дядей Максом водку пьют.

— Что? — подскочила я. — Макс пьет водку с твоим папой?

— Ага! — подтвердила Леночка. — Папа сначала говорил, что пить не будет, потому что я приехала, но дядя Макс его уговорил. А папа же алкаш, теперь будет пить, пока не вырубится. Можно Барона взять?

— Посиди у меня минуточку, — я указала ей на кресло. — Я пойду с ними поговорю.

— Дядя Макс — ваш любовник? — спросила Леночка.

Откровенность вопроса меня шокировала. Я взглянула в честные серые глазки полковничьей дочери и коротко ответила:

— Нет.

— А он симпатичный! — проговорили мне в спину.

Я недовольно фыркнула и вышла в коридор. Действительно, из открытой двери полковника слышен голос Максимилиана. Я стукнула в дверь и вошла, не дожидаясь приглашения.

На столе стояла чуть початая бутылка водки, нехитрая закуска — хлеб и вареная колбаса, две стопки. Максимилиан курил и смотрел на Жеку с удовлетворенным выражением лица. Словно бриллиант из навоза выудил, честное слово.

— Хорош лакать, — скомандовала я. — Женя, к тебе дочка приехала, неужели нельзя денек перетерпеть? Завтра посадишь ее на поезд и пей, хоть залейся, понял? А сегодня — отбой.

— Ты меня не учи! — взревел полковник. — Хочу — пью, не хочу — не пью. Нечего ко мне в комнату врывать! Пошла вон отсюда!

— Тише, Женя! — улыбнулся Максимилиан. — Не кричи на Марию Александровну. Она желает тебе добра. По-своему.

Полковник выдал заковыристую ругательство, схватил бутылку и наполнил стопки. Я поманила Максимилиана и пошла к двери. Он поднялся со стула и последовал за мной. Жека, не обращая на нас никого внимания, залпом выпил стопку, снова ее наполнил.

— Как это понимать? — прошипела я, оборачиваясь к Максимилиану.

— Дело — прежде всего, — нахально проговорил он. — Сами видели — патруль засаду в клинике оставил. Я туда идти не могу, значит надо отправить кого-то другого. Не Амалию же упивать и туда запихивать! Розочка расстроится.

— То есть... — сообразила я. — Вы собираетесь напоить Жеку до бесчувствия и положить в ЛТП на лечение?

— Ему это пойдет на пользу, — лучась самодовольством, отметил Максимилиан. — Подлечат, освежат. Глядишь, и Лиза к нему вернется.

— К нему приехала дочь! — напомнила я. — Как вам не стыдно издеваться над подростком! Она не видела отца двенадцать лет. Что она теперь будет думать? Что папаша — конченный алкоголик и не может ни дня прожить без водки? Заставьте Жеку остановиться, вы же умеете! Завтра... завтра он отправит дочь в санаторий, и упивайте его, сколько влезет.

— Я не могу ждать завтрашнего дня, — спокойно ответил он. — Я тороплюсь, мы с Феликсом провозились дольше, чем я рассчитывал.

— Послушайте! Вам ведь все равно, кого класть в клинику? Оставьте Жеку в покое, возьмите для своих опытов кого-то другого!

— Больше некого. Андрей нужен, чтобы его отвезти, а женщин, извините, я вычеркиваю. И не уговаривайте.

— Пожалейте его дочь, — мой тон стал умоляющим. — Так нельзя, Максимилиан! Давайте, я вас к Колокольчиковым отведу, вы Игоря напоите. Чем Игорь хуже?

Он на секунду задумался и твердо ответил:

— Нет. Я не хочу выходить из дома. Патруль прочесывает улицы, мы можем попасть в облаву. Это слишком рискованно. Извините, Мария Александровна.

Он развернулся, вошел в Жекину комнату. Я выкрикнула ему вслед «Скотина!» и вернулась к себе.

— Ты кушать хочешь? — спросила я у полковничьей дочери, пытаюсь определить ее

возраст.

Меньше двенадцати быть не может, плюс-минус... Наверное, лет четырнадцать. А, может, и больше — просто мелкая и тощая.

— Нет, — ответила Лена. — Мне папа бутерброд сделал.

Барон услышал слово «кушать» и толкнул меня лапой. Я насыпала ему миску корма, сменила воду, вышла в коридор и прислушалась.

Из-за полковничьей двери раздался пьяный выкрик. Я поморщилась. Подумала, не попробовать ли еще раз поговорить с Максимилианом, но в коридор ворвалась веселая и довольная жизнью Розочка. Вопли за Жекиной дверью стали громче. Розочка поинтересовалась:

— С кем он там бухает?

— С Максом. К Жеке дочь приехала, у нее завтра поезд в санаторий. А Макс Жеке пузырь выставил.

— Дочь красивая? — деловито спросила Роза.

— Тощая селедка, на вид лет четырнадцать, — доложила я. — Сейчас сидит у меня в комнате, таращится в телефон.

— Небось, на наследство нацелилась, — авторитетно заявила труженица рынка. — Сначала переночевать, потом недельку пожить...

— Там... Там черт сидит! — завопил полковник, возникая на пороге своей комнаты, — Помогите! Он меня утащить хочет!

— Какой черт? — хором спросил цветник — Лиза тоже высунулась из комнаты.

— Рогатый, — ответил Жека.

За его спиной возник Максимилиан, на челе которого лежала печать озабоченности.

— Лизонька, как ты думаешь?.. — нахмурился он.

Услышав его голос, Жека завизжал и опрометью бросился в подъезд.

— Что с папой? — выглянула к нам Леночка.

— Деточка, не волнуйся. Папе стало нехорошо. Сейчас мы ему вызовем врача.

— Белка, что ли? — осведомилась полковничья дочь. — Вот засада! Кто же меня на поезд погрузит?

— Я. Все будет в порядке, не переживай.

Чтобы сказать эти слова, мне пришлось сделать невероятное усилие. Но сказать было надо, и я это сделала. Максимилиан свинья, но я-то — нет! Я — первая, кто виновен в Леночкиных несчастьях. Не было бы здесь Феликса, не было бы и Максимилиана. И провела бы Леночка с папой спокойный вечер. Он ведь даже пиво из магазина не принес — я сама в кулек заглядывала, там только бутылка лимонада болталась.

— Спасибо, тетя Маша! — Леночка посмотрела на меня серьезно, серые глаза потемнели. — Извините, что я вам на голову свалилась. А все мама! Знает же, что папа — алкаш! Из-за этого они и развелись. Нашла, к кому меня посылать!

— Пойду с Андрюхой поболтаю, — прислушиваясь к крикам со двора, сказал Максимилиан. — Надо что-то делать. Жека совсем плох... За черта меня принял!

— У него это любимая тема, — сообщила полковничья дочь. — Мама говорила, ему постоянно черти мерещились.

— Иди, посиди в комнате, — подтолкнула ее я. — Поставь телефон на зарядку. А я что-нибудь приготовлю на ужин.

Максимилиан двинулся во двор. За ним потянулся цветник и охающая Амалия. Всем

было интересно, чем закончится дело — полковник надирался с завидной регулярностью, но чертей еще никогда не ловил. А все новое, как известно, привлекает к себе внимание.

Я посмотрела им вслед и сообразила, что ни вопли, ни шум, не выманили Феликса из комнаты. Он не попадался мне на глаза с момента приезда, и это беспокоило. Может, он вообще домой слинял? Заглянуть и проверить? Спрошу, будет ли он ужинать, отличный предлог.

Феликс был в комнате. Он сидел, нервно, до хруста, заламывая пальцы, и пристально разглядывал каюк. Хрустальная пирамидка светилась ровным багровым цветом, вызвавшим у меня тревогу. Голубым блестела, зеленым, лимонным, но таким темным и пугающим — никогда. Я кашлянула. Феликс повернул голову.

— Будете ужинать? — спросила я. — Могу пожарить яичницу.

— Нет, спасибо, — отказался он.

Я помялась.

— У вас что-то не ладится?

— У меня все не ладится, — вздохнул он. — Творится что-то невообразимое. Этого не может быть, но это происходит!

Во дворе раздался истерический вопль «У него рога!». Цветник дружно загалдел, к нему присоединился басок Андрея. Судя по звукам, Жека уверенно продвигался к назначенной Максимилианом цели. Сейчас вызовут врачей, заплатят им денег и Жеку увезут в заветную клинику. А дальше-то что? Жека — там, Максимилиан с Феликсом здесь. Чепуха какая-то. Его ж раньше чем через три дня не выпустят. А то и через неделю.

Я быстро пожарила яичницу — Феликс не хочет, а нам с Леночкой не помешает подкрепиться. Когда я перекладывала глазунью в тарелки, в коридор вернулся цветник, переполненный свежими впечатлениями. Из их рассказов я узнала, что Андрей дозвонился в клинику, договорился о приеме и повез к ним полковника, чтобы не доплачивать за вызов «Скорой помощи».

— Как же Андрей его повез? — удивилась я. — Полковник-то орет, кидается...

— Они с Максом его связали и сунули в багажник, — пояснила Розочка.

— Макс тоже поехал?

— Нет. Во дворе сидит. Сказал — упарился за ним гоняться, отдохнуть хочет.

Я покормила Леночку, отправила ее спать в папину комнату и спряталась к себе. Ночной ужин и чашка горячего чая сделали свое дело — я стала засыпать в кресле. Усталость, вызванная событиями безумного дня, победила. Я медленно погружалась в водоворот страшных образов — оборотни, черти, терзающие окровавленную свинью, рыдающая Таня... Я не могла шевельнуться, чтобы раздеться и лечь на диван. Где-то за гранью сна скрипнула дверь, и меня спросили:

— Мария Александровна! Можно воспользоваться вашим ноутбуком? Пожалуйста, это очень важно!

Я попыталась взмахнуть рукой, чтобы прогнать Максимилиана прочь, но не преуспела. Рука была невероятно тяжелой и не желала двигаться. Барон заскулил. Я почувствовала, как взлетаю в воздух, и поняла, что Максимилиан меня куда-то несет. Перелет был недолгим. Приземлившись на диван, я уютно зарылась в подушки и уснула.

Разбудил меня негромкий разговор. Приоткрыв глаз, я обнаружила, что за окном сереют рассветные сумерки. Рядом со мной сладко дрыхнет Барон. А переговариваются мои рогатые братья из Казани. Заросший щетиной Максимилиан сидит у меня в ногах и таращится в

дисплей. Феликс, закрыв глаза, полулежит в кресле. На коленях у него покоится хрустальная пирамидка.

Я надела очки. Лицо Феликса тут же потеряло привлекательность — выяснилось, что он тоже небрит, а синяк на скуле цветет всеми цветами радуги. Я перевела взгляд на ноутбук. Бог знает что — какая-то комната с зеркалами и кроватями. Кровати застланы серыми казенными одеялами, подушки в розовых наволочках. Но сама комната мне знакома. Где же я видела эту изразцовую печь и золоченую раму с львиными лапами, обнимающими помутневшее старое зеркало?

— Что это? — указала я на дисплей. Из горла вместе со словами вырвался противный хрип.

— Доброе утро, Мария Александровна, — повернулся ко мне Максимилиан. — Как вам спалось?

— Что это? — настойчиво прокаркала я.

— Клиника. Сейчас мы видим то, что видит ваш сосед Женя.

— А-а-а...

Я откинулась на подушку. Точно, это моя бывшая детская поликлиника. Добрая традиция нашего города — располагать подобные учреждения в купеческих особняках, реквизированных у хозяев еще во время революции. Когда я была маленькой девочкой, которую водили к окулисту, я частенько сидела на кушетке рядом с печью и зеркалами. Воображала шепчущихся дам в роскошных платьях, поправляющих кружева, веера и музыкантов в напудренных париках. Почему-то мне казалось, что в этой комнате был бальный зал. Казалось или я услышала это из взрослых разговоров? А, какая разница...

На дисплее что-то мелькнуло. Максимилиан подался вперед. Феликс опустил ладонь на пирамидку. В мутном зеркале зарождалось движение. Оно замерцало и стало выгибаться, словно внутри него рос гигантский мыльный пузырь. Пирамидка отозвалась радужными бликами. Феликс положил на нее вторую руку и что-то пробормотал.

Мыльный пузырь беззвучно лопнул и на пол клиники ступил уже знакомый мне наркоман. Он огляделся по сторонам и двинулся прямо на нас, разрастаясь с каждым шагом и закрывая остальное изображение. Максимилиан, не отрываясь, следил за ним. Я взглянула на его стиснутые кулаки с побелевшими костяшками и испугалась. Двинет по ноутбуку — и чини заново!

Феликс заговорил. Не на том лязгающем языке, на котором они говорили между собой. Звуки были шипящими, с переливами тонкого свиста — будто попугай дразнит разъяренную змею, время от времени срываясь на соловьиную трель. У меня в желудке застыл холодный ком. Картинка задержалась, словно кто-то изменял фокус камеры. В мониторе возник всклокоченный Жека. Он попытался сорвать с наркомана обруч, но трясущиеся руки подвели хозяина. Жеке удалось заполучить лишь клочок грязной хламиды — для второго визита наркоман принарядился. Произошла короткая схватка, в которой победила молодость. Старый алкоголик Жека отлетел в сторону и ударился об изразцовую печь, а наркоман стремительно развернулся и исчез в зеркале. Раздался треск, изображение пропало. Феликс швырнул пирамидку на пол, вскочил с кресла и гневно зашипел. Я увидела его глаза без линз и отвернулась.

— Мария Александровна, вы нас столько раз выручали... — схватил меня за плечо Максимилиан. — Позвольте попросить еще об одном одолжении!

Я отползла по дивану и отрицательно замотала головой. Мне не хотелось делать

Максимилиану никаких одолжений. Тем более в половине шестого утра — а именно столько показывал будильник.

— Десять тысяч долларов, — холодно проговорил Феликс. — Эта сумма вас устроит? Десять тысяч или Макс заставит вас сделать это бесплатно. Решайте, Мария Александровна. У вас есть минута на размышления.

— А что сделать-то надо? — просипела я, напуганная ледяными нотками его голоса. У меня не было сомнений, что Феликс убедит Максимилиана применить ко мне свои замечательные способности.

— Вызовите такси и поезжайте к забору этой клиники. Ваш сосед перебросит вам сверток. Вы привезете сверток сюда и отдадите его мне.

— Не вопрос! — облегченно согласилась я. — Вызывайте такси, вон куча визиток на столе валяется, а я пока умоюсь.

Пока я плескалась под раковиной, Максимилиан дозвонился диспетчеру и принялся меня инструктировать.

— Прошу вас, ни в коем случае не разворачивайте сверток и не касайтесь содержимого голыми руками! Это часть одежды, которая нужна нам для ускорения поиска, и лишние следы помешают работе Феликса. И так придется отделять Жекины...

— Я не собираюсь ничего трогать! — фыркнула я и зарылась в полотенце, избегая дальнейших разговоров.

На улице было серо и холодно. Усталый таксист выслушал мои указания — туда и обратно, прямо как хоббиту Бильбо — и погнал дребезжащую «девятку» по оживающим улицам. Кое-где суетились дворники в оранжевых жилетах, на остановках зевал народ, ожидавший дежурный троллейбус. На горизонте засверкали ловившие лучи солнца стеклянные башни офисов, в подворотнях ощутимо сгустилась отступающая тьма. Тишину прорезал яростный собачий лай, и я испуганно подскочила на сиденье.

«Мама дорогая, а про псов-то я и забыла! Недаром Феликс мне десять штук посулил и велел самой ехать. Тут, небось, с ночи засада, а я прямо им в зубы! Эх, чтоб тебя...»

— Приехали, — сообщил таксист.

«Девятка», скрипнув, остановилась возле ворот ЛТП.

— Чуть дальше, пожалуйста! — попросила я. — К забору... если вам не трудно.

Таксист нехорошо на меня покосился, но просьбу выполнил. Я прилипла к окну, пялясь на тротуар. Интересно, а как Жека узнает, когда надо выкидывать сверток? А если его не выпустят к забору? Это же не санаторий все-таки!

Из дворов на другой стороне улицы вновь раздался лай. Я прижала очки к переносице и внимательно осмотрела окрестности. Бредущий по обочине бомж с сумкой на колесиках, набитой бутылками, поблескивающая черными боками хищная импортная машина с тонированными стеклами, запаркованная на противоположном тротуаре. Ни собак, ни кошек, только каркающая в ветвях каштана ворона. Отчего же мне кажется, что кто-то не сводит с меня пристального и злобного взгляда?

Раздался еле слышный шлепок. Я повернула голову и увидела небольшой сверток, приземлившийся возле забора ЛТП. Пришлось собрать всю волю в кулак и заставить себя открыть дверцу машины. Минутный рывок и сверток оказался в моих руках. Я вернулась на сиденье, перевела дух, потребовала:

— Домой! И как можно быстрее.

Чужой злобный взгляд продолжал буравить, и я сообразила, что его обладатель вполне

может скрываться за тонированными стеклами черной машины. Но таксист уже развернулся посреди дороги, наплевав на все правила, и мы свернули за угол. Я пожалела, что не запомнила номер таинственного автомобиля, но через минуту одернула себя. Что бы это изменило? Может, это честный человек, просто его псы загипнотизировали, чтобы он за ЛТП следил. Как Максимилиан меня, когда мы музей грабили!

— Приехали! — рывкнул таксист.

Я уставилась на родную калитку. В узкую щель высовывался Леночкин носишко. Увидев меня, полковничья дочь радостно взвизгнула:

— Тетя Маша! Вы вернулись? А то поезд через двадцать минут!

— О Господи! — вздрогнула я. — Сейчас, я только... Мужчина, вы нас на вокзал отвезете?

— Нет! — отрезал таксист. — Я домой еду, у меня смена закончилась. Вылезайте, дамочка, я вас никуда больше не повезу.

Решив, что вижу перед собой уникальный кадр, которому не нужны лишние деньги — вокзал в десяти минутах езды — я расплатилась и побежала в дом. Сунула сверток Максимилиану, велела Леночке хватать сумку, отмахнулась от Феликса, желавшего со мной рассчитаться, и проорала:

— Все потом! Сначала на вокзал съезжу!

Глава 15

Другое такси удалось вызвать без проблем. Я доставила Леночку на вокзал, запихнула ее в поезд — вроде бы подходящий — и облегченно вздохнула. Ответственность за чужого ребенка мне не по душе. Я и за себя-то в полной мере ответственности не несу! Постоянно все путаю и куда-нибудь опаздываю. Если бы не мама, регулярно требующая от меня отчета по оплате коммунальных услуг, я бы давно погрязла в неоплаченных квитанциях. Не из-за отсутствия денег, а из-за рассеянности и головотяпства.

Я одернула себя — хватит пережевывать собственные недостатки! И так вокзальная суэта вызывает у меня желание все бросить, взять билет на проходящий поезд, со станции автобусом добраться до поселка Морского и спрятаться в родовом гнезде! Оттуда звякнуть Максимилиану и велеть отдать ключи Амалии, как надумает съезжать. А десять тысяч долларов пусть Феликс оставит себе — я все равно ни минуты не верила, что мне заплатят такую сумму за пятнадцатиминутное катание в такси!

Но я оставила дома Барона. Поэтому мысли о бегстве придется отставить и возвращаться к своему некормленому лохматому заложнику.

Я не могу бросить запертую в комнате собаку без еды и с миской воды, в которую он за ночь наверняка уронил пару пучков шерсти. Это значит, что вода уже к обеду испортится, и Барон будет ее тоскливо нюхать и воротить морду. В его солидном собачьем возрасте радостей немного — вкусная еда, свежая вода, прогулка по хорошей погоде. И я не могу обмануть его ожиданий. Слишком давно мы живем вместе, чтобы обманывать друг друга.

Когда мы с Бароном были моложе и веселее, мы часами гуляли на затоне, исследовали каждый метр зарослей вдоль реки. Я брала термос чая и бутерброды, воду для Барона, старенький плед и какую-нибудь книжку. Не скажу, что прогулки были сплошным сахаром. Случалось по-всякому. Как-то раз пьяный идиот натравил на Барона своего ротвейлера. Он подбадривал пса криками «Души эту куклу!» и обещал мне, что я стану вторым номером. Ротвейлер был значительно крупнее Барона, и я уже распрощалась если не с жизнью, то со здоровьем. Однако в бою вскрылось неожиданное обстоятельство — густая шерсть забивала

ротвейлеру пасть и он не смог причинить Барону особого вреда. Только порвал плечо и прокусил ухо. А Барон за пять минут превратил гладкую шкуру противника в коврик из макраме — зубы-то у него будь здоров, овчарка, хоть и пастушья. Ротвейлер с позором отступил, увлекая за собой хозяина, а я еще месяц боялась ходить к реке — вспоминала угрозы, что завтра нас встретят с пистолетом.

Но и по городу гулять было несладко — стаи псов, прижившихся на автостоянках, в больницах и прочих территориях, где их прикармливают сторожа, настоящее мучение для владельцев собак на поводках. Шавки вылетают из-за забора и окружают вас с истошным лаем. Сторож довольно повизгивает «Так его! Нечего мимо наших ворот ходить!», шавки кидаются, собака рвет поводок, а прохожие застывают, желая досмотреть спектакль до конца. После битвы с ротвейлером я нашла прекрасный выход из таких ситуаций. Я просто бросала поводок на землю и командовала: «Фас!». Выход замечательный, но вряд ли подходящий старушке с пуделем.

А сколько раз Барон сбегал от меня, увязавшись за какой-нибудь сучкой! Вечная борьба двух лагерей!

— Уберите своего кобеля! Держите его на поводке, он мою девочку испортит!

— Сами ее на поводок возьмите! Или в подгузнике водите, чтоб не волноваться.

— Жуля, вернись, куда ты, Жуля?

— Барон, иди ко мне! Ко мне, кому говорю!

Возвращается он через два дня, жадно пьет воду и падает на коврик без сил. Его тошнит, у него температура и понос, ветеринар берет за визит бешеные деньги и произносит длинное название какой-то собачьей инфекции. Хочешь — не хочешь, а неделю надо делать уколы и таскать пса во двор на руках со второго этажа. Держать собаку не развлечение. Это тяжелый и изнурительный труд.

Но все мучения искупаются радостью, с которой вас встречают даже после короткой разлуки. Недаром есть устойчивое словосочетание «собачья преданность». Именно она греет душу любого хозяина.

Я отомкнула дверь ключом. Барон заскреб когтями по полу, коротко выдохнул «Ах!» и стремительно кинулся ко мне. Я увернулась и юркнула на диван, не снимая туфель. Барон прицелился, боднул меня головой в живот, заурчал. Я ухватила его за теплые мохнатые уши, потрепала, и урчание перешло в знакомый низкий звук: «М-м-м... а-а-а...»

— Скажи «мама»! — потребовала я.

Барон охотно выполнил указание, повторяя столь несвойственный собакам звук.

— Умница! — похвалила я. — Любишь маму, дурачок?

Барон ахнул и облизал мне лицо.

— Любит, — негромко сказал возникший в дверях Максимилиан.

Он побрился и выглядел куда приятнее, чем ранним утром. Только глубокие тени под усталыми, покрасневшими глазами никуда не делись. Я всмотрелась ему в лицо и — что в уме, то и на языке — ляпнула:

— А сколько вам лет, Максимилиан?

— Больше, чем вы думаете, — уклончиво ответил он. — Мария Александровна, с вами Феликс хочет поговорить.

— Отдать деньги? — рассмеялась я.

— Видите ли... — замялся он. — Накладочка вышла, Мария Александровна! Вы не тот сверток привезли.

— Как — не тот?

— Зайдите, посмотрите сами.

Я немедленно побежала в мамину комнату. На кровати лежал развернутый пакет из коричневой бумаги. В утреннем свете ярко блестели головки стеклянных ампул, наполненных прозрачным содержимым.

— Что это?

— Судя по всему, какой-то местный наркотик, — равнодушно ответил Феликс, поднимаясь из-за стола. — А где то, что я просил вас привезти?

— Что из-за забора выкинули, то и привезла! — ощетибилась я.

— Неужели нельзя было посмотреть?..

— Я сам велел ей не разворачивать сверток! — вступился за меня Максимилиан. — Между прочим, после твоих же слов о лишних следах!

Феликс скривился. Видно было, что ему охота обвинить меня во всех грехах, но он сдержался и вернулся к деловому тону.

— Сейчас вы еще раз съездите к клинике, Мария Александровна. Если там под забором будет лежать наш пакет, вернетесь с ним домой. Если нет, заедете в магазины и кое-что купите. Я дам вам список и деньги. Мы не можем покидать дом. Макс ведь говорил вам, что патруль прочесывает город?

— А десять тысяч долларов? — усмехнулась я. — Когда вы мне их заплатите, Феликс?

— После того, как получу сверток или вещи из списка. Вы уже раз неправильно выполнили задание. И с каждой минутой шансы найти сверток уменьшаются! Если бы вы не уехали на вокзал...

«И я еще его жалела! — мелькнуло у меня в голове. — Такой беспомощный, рассеянный, так хорошо целуется... Стоп! Это к делу не относится!»

— Мария Александровна! — возмутился Феликс. — Вы меня не слушаете!

— Внимательно слушаю, — соврала я. — Просто собираюсь выставить дополнительные условия, но никак не могу вставить слово в вашу плавную речь.

Максимилиан улыбнулся. Феликс сдвинул брови и уточнил:

— Я должен увеличить сумму оплаты за поручение?

— Нет, Феликс, — я смело глянула в его фальшиво-голубые глаза. — Дело в другом. Я не хочу идти на улицу и шарахаться от старушек с болонками и девочек с таксами. Сделайте так, чтобы я могла отличать патрульных псов от людей независимо от вашего присутствия, и я принесу вам все, что в этом городе можно купить за деньги. Я доступно излагаю свои требования?

— Да, — нахмурился он. — Но Макс ведь говорил вам — псы не причиняют вреда аборигенам!

Слово «аборигены» мне очень не понравилось, и я ответила:

— Или так, или — никак. А сейчас извините, я пойду выносить мусор. Барон, гулять!

Конечно, я немного побаивалась, что в ответ на бунт Макс применит ко мне способности убеждающего. Но утром Феликс подловил меня спросонья, а за время путешествия на вокзал у меня нашлось время поразмыслить. Наверняка зазомбированный Максом человек для псов выглядит как-то иначе, чем прочие... гм-гм... аборигены. Запах издает другой или светится необычно. Недаром они пытаются заставить меня помогать добровольно. Раз Макс в чужих краях убеждать запрещено, он предпочтет решить дело потихому, а не вешать на себя лишнюю статью за зомбирование квартирной хозяйки.

Вытянувшиеся лица братцев подтвердили мои подозрения. Я завязала пакет и отправилась к бакам, по пути раздумывая, примут ли они мои условия. С того дня, когда Максимилиан впервые показал мне патрульного, я чувствовала себя так, словно внезапно стала дальтоником. Не больно, но обидно — все видят красный цвет, а ты — нет. Так и с псами. Максимилиан сразу увидел, что бабка на набережной — простая мошенница, а я ничего не понимала и не знала, как правильно реагировать на ситуацию. Если они помогут мне исправить этот недостаток, жить будет проще... Нет, не проще. Сложнее, опаснее, но намного веселее. Кто предупрежден, тот вооружен.

Я швырнула пакет в мусорный бак. Напугала рывшуюся в обедках кошку и зорко осмотрела территорию стоматологической поликлиники. Вот, пожалуйста! Три дворняги, две старушки на лавке, девочка на газоне. Кто есть кто? А?

Я позвала Барона и вернулась домой. Амалия с Лизой, перегородив коридор, чесали языками. Темой разговора служил полковник и его бывшая жена, вознамерившаяся оттяпать жилплощадь путем подсыла Леночки отцу.

— Когда мы жили в Тбилиси, сосед точно так же лишился трехкомнатной квартиры, — басила Амалия. — Сначала въехала дочь, затем появился зять, ребенок, квартиру разменяли, и он остался в коммуналке без мебели и стиральной машины. А я ему с самого начала говорила: «Ираклий, будь осторожен! Ты такой непрактичный!..»

— И Женя такой же! — всплеснула руками Лиза. — Я так волнуюсь! Я чувствую за него ответственность. Я...

Пришлось идти на таран. Лиза неохотно сдвинулась в сторону. Я прошла к своей плите, на которой Максимилиан варил кофе, и коротко спросила:

— Ну?

Он отставил джезву, затащил меня в комнату и в изысканных выражениях начал извиняться за неудобства, причиненные мне Леночкой и пьяным полковником, за глупую историю со свертком — ведь я ни на секунду ни в чем не виновата, все дело в стечении обстоятельств. За Феликса — ну, не умеет он правильно разговаривать, что поделаешь, его таким мама родила!

Я попыталась представить маму Феликса, и мне стало нехорошо. А Максимилиан уже с жаром говорил, что проходящий сквозь стены наркоман должен быть пойман. Он владеет вещью, не принадлежащей ему по праву и не положенной по статусу. Он может натворить немалых бед во многих мирах! Им с Феликсом надо действовать быстро, а наркоман легко выбрался из расставленной ловушки, да еще и патруль учуял борьбу сил, которым нет места в здешнем мире, и озверел от злости и собственного бездействия...

Я мерно кивала головой и старалась не встречаться взглядом с горящими карими глазами Максимилиана. Он понизил голос и на меня полился поток объяснений. Их с Феликсом целью действительно является обруч — на застиранные кальсоны и хламиду наркомана они не претендуют. Они хотят вернуть собственность, принадлежавшую их семье несколько сотен лет, восстановить историческую справедливость и поправленные права, оградить реликвию от грязных рук и нескромных взоров...

Я встряхнулась, отгоняя обволакивающую магию вкрадчивого голоса, и пробормотала: «Ну прямо два рыцаря, только без коней и сверкающих доспехов!»

Максимилиан удивленно поднял бровь.

— Что с моими требованиями? Вы обдумали?

— Через полчаса Феликс все сделает, — ответил он. — Но к клинике надо съездить

сейчас. Каждая минута уменьшает шансы найти сверток, Мария Александровна. Я вас умоляю! Хотите, на колени встану?

— Не надо. Здесь грязно, — замахала руками я. — Съезжу, что с вами поделаешь?

Как и следовало ожидать, поездка к ЛТП никаких плодов не принесла. Я даже добросовестно осмотрела все близлежащие урны — проникновенные речи Максимилиана все-таки на меня подействовали. Но домой вернулась с пустыми руками, не подбирать же окурки и банки из-под пива.

Феликс хмуро выслушал мой отчет и углубился в возню с проволокой, разложенной на столе. Я приняла это за разрешение заняться своими делами и удалилась. Слегка прибрала в комнате — вдруг Максимилиану опять захочется встать на колени? Перемыла посуду, краем уха слушая тбилисские воспоминания Амалии и поражаясь неисчерпаемому запасу противоречивых историй. Приняла душ, переделалась в чистые вещи. И успела как раз вовремя. Стоило застегнуть молнию на брюках, как раздался стук в дверь.

— Мария Александровна!

— Да! — откликнулась я.

— Вот, возьмите.

Максимилиан протянул мне обычную английскую булавку, на которой болталось проволочное колечко.

— Будьте осторожны, — предупредил он. — Если пес или балахон к вам прикоснутся, определитель самоуничтожится.

— Чем это мне грозит? — уточнила я.

— Неприятными ощущениями и вниманием со стороны патруля. Постарайтесь ни к кому не прижиматься!

Я дернула плечом и приколола булавку к блузке. Он отдал мне деньги и список, который я пробежала глазами. Травы сушеные: ромашка аптекарская 0,5 кг, чабрец 250 грамм, корень одуванчика 150 грамм, плоды можжевельника 0,5 кг, семена укропа огородного 300 грамм. Метр стальной проволоки, восемь больших гвоздей, сосновая доска, алюминий листовой, не толще двух миллиметров, широкий скотч. Колбаса, хлеб, сахар.

— Вы... вы мышеловку делать собрались? — удивилась я, припомнив старый анекдот.

— Почему мышеловку?

— Как же... — заблелась я. — В доску вбиваются гвозди, натираются колбасой, мышка приходит, нюхает дощечку и бьется головой об гвоздь — где моя колбаска?

— Какой оригинальный способ! — поразился Максимилиан. — Нет, мы с Феликсом до такого не додумались. В нашем мире мышеловки делаются по-другому. Колбаса с хлебом на обед, сахар в чай. Остальное — для работы.

— Какого размера должен быть алюминиевый лист? И доска? Большое и тяжелое я не донесу!

— Если не справитесь — наймете такси и грузчика. Феликс! Иди сюда! Мария Александровна хочет кое-что уточнить.

Феликс явился на зов, выслушал мои вопросы и пустился в объяснения. Ничего огромного и тяжелого, небольшой кусочек алюминия — двадцать на двадцать сантиметров. Доска — метр на двадцать, можно чуть-чуть больше, можно меньше...

— Давайте посмотрим в сарае! — предложила я. — Там полно всякого барахла. Если вы себе что-то подберете...

— В сарае? — переспросили они хором.

Я взяла ключи и повела их во двор, разглагольствуя на исторические темы.

— Видите ли, наш дом когда-то отапливался печами и во дворе были построены сараи для угля, чтобы жильцы могли хранить запас топлива на зиму. Говорят, готовили тогда на керосинках, но я тех времен, к счастью, не застала. По мере развития цивилизации в дом провели газ и сделали батареи отопления. Печи разобрали, потому что они занимали много места, а сараи так и остались. Мы храним в них всякие вещи, которые лень или жаль выносить как мусор...

С этими словами я отомкнула амбарный замок, распахнула дверь сарая.

— Посмотрите, доски тут точно были. Берите, что хотите.

— О-о-о... — восхищенно вздохнул Феликс, хищным взором окидывая горы хлама. — Это все — ваше?

Я посмотрела на кучу старых пальто, неработающий холодильник, палки, доски, потертые чемоданы, ржавое корыто, пяток сломанных зонтиков и прочую дрянь. Мне стало стыдно, но отступить было некуда.

— Да, это все — мое, — призналась я. — Есть еще второй сарай, кажется, в нем была проволока. Сейчас открою, посмотрим.

— Я действительно могу брать все что угодно? — уточнил Феликс.

Я покивала, косясь на Максимилиана. Тот ехидно ухмылялся и не сводил глаз с моего старого свадебного платья, висевшего в углу. Право же, давно надо было выкинуть эту гору тюля, в которой Игнатов таскал меня на руках перед Вечным огнем и прочими памятными местами. Зачем я его храню? Подол погрызли мыши, ткань местами почернела и покрылась плесенью — в дождь протекает крыша, на полу валяются осыпавшиеся бусины.

— Трудно расстаться с приятными воспоминаниями? — вкрадчиво спросил Максимилиан.

Я не успела подобрать достойный ответ, потому, что меня дернул Феликс, отыскавший на полу старую алюминиевую кастрюлю.

— Я возьму это! — сообщил он. — И вот ту доску, и эту фанерку, и гвоздь. Можно взять гвоздь?

— Что хотите, — повторила я. — Я пойду за травами и колбасой, а когда вернусь, вы напишете мне список недостающих элементов. Ключи я вам оставлю, сараи потом запрете. Договорились?

Феликс выпалил «Да!» и зарылся в хлам, как крот, спасающийся от безжалостного солнечного света. Максимилиан принял у меня из рук ключи, попросил обернуться как можно быстрее и оставить им Барона. С последним пунктом я согласилась. Но не ради их безопасности, а потому что собака мешает в походе по магазинам и аптекам. Сунула в сумку список, кошелек с деньгами Максимилиана, расческу, телефон и отважно направилась на улицу.

Первым делом я сходила к стоматологической поликлинике. Старушки, девочка и дворняги выглядели, как прежде. То ли все чисто, то ли Максимилиан подсунил мне обычную булавку и навешал лапши на уши. Я пересекла улицу и двинулась в аптеку.

Подождав, пока молодой паре отпустят презервативы, а возмущенному падением нравов старичку пузырек валокордина, я стала зачитывать список требующихся мне трав и корней. На прилавке моментально выросла гора пачек. Укропа огородного в аптеке не оказалось. Я припомнила, что в супермаркете видела огромную стойку с яркими пакетиками семян овощей и решила сходить туда — все равно колбасу покупать надо. Пожилая провизорша

упаковала травы в три пакета, выбила чек и спросила:

— Девушка, простите за любопытство... А от чего этот сбор? Полкило можжевельника... Это опасно для здоровья!

— От тараканов, — хладнокровно солгала я. — Настаиваете три дня, потом моете плинтуса губкой и избавляетесь от насекомых на всю оставшуюся жизнь.

Провизорша кивнула и стала записывать рецепт на бумажку. Я попрощалась и вышла. После знакомства с рогатыми братьями врать я стала, как сивый мерин, если не хуже. И никаких угрызений совести не испытываю. Похоже, Максимилиан на меня плохо влияет.

Я вернулась домой. Феликс увлеченно распутывал моток проволоки. Максимилиан сидел на перевернутой кастрюле, гладил Барона и изучал бабушкину швейную машинку с ножным приводом, вытащенную мной в сарай за ненадобностью.

— Я знаю одного коллекционера, который заплатит за это приспособление бешеные деньги, — сообщил мне он, забирая пакет с травами. — Это мой родственник.

— Бешеные деньги? — засомневалась я.

— Не меньше трех тысяч золотом, — заверил он. — Это же чужеземный антиквариат, да еще в рабочем состоянии! Он собирает коллекцию уже давно, но такой штуки у него точно нет.

— Не представляю дурака, который заплатит за нее три тысячи золотом, — пожала плечами я. — А как он ее забирать будет, если наш мир закрыт для посетителей?

— Контрабандистов наймет.

— Ясненько. Передайте ему, что я согласна даже на две с половиной.

— А на что вы их потратите? — вкрадчиво спросил Максимилиан.

— Еще не знаю. Пусть сначала заплатят.

— Заплатят, не сомневайтесь! На что тратите?

— Съезжу отдохнуть куда-нибудь. Не к маме с бабушкой, где утром на часок на пляж, а потом вкалывать по хозяйству, а на настоящий курорт. В роскошный пятизвездочный отель, где мне будут подавать кофе в постель, менять полотенца и вытряхивать пепельницу. Буду загорать, скупать сувениры, ходить в дорогой ресторан и капризничать из-за кислого шампанского.

— Забавно, — проговорил он. — У вас, я смотрю, другие понятия об отдыхе. Не такие, как у нас.

— А какие у вас? — заинтересовалась я.

— Отдыхать надо с максимальными неудобствами. Чтобы вернуться домой и по достоинству оценить окружающий комфорт. Иначе забываешься...

— Что же по вашему, мне на Колыму автостопом ехать? В гробу я видала такой отдых с трудностями! Мне дома забот хватает.

— Да, жаль, что этот мир закрыт для посетителей. Я бы дал ваш адресок своему приятелю, — не обращая внимания на мое негодование, сказал он. — Это мой бывший одноклассник. Сейчас он содержит сеть отелей для экстремального отдыха. Он бы с удовольствием взял в аренду вашу комнату, в которой мы сейчас живем. Принимали бы раз в неделю родственников из Казани и Рязани и получали стабильный доход.

— Что за бред? — оторопела я.

— Почему бред? — пожал плечами он, поднимаясь с кастрюли. — Плохо, что мир закрытый. Надо будет дома навести справки, узнать — почему и что можно сделать. Эй, Феликс, посмотри травы! Все правильно?

Феликс, не выпуская проволоки из рук, обнюхал и одобрил принесенные мной пакеты. Я присела на освободившуюся кастрюлю и задумалась. Слова о том, что Максимилиан собрался что-то сделать с моим миром мне не понравились. Аж дрожь пробрала. Он что — наковыряет много-много дверей и к нам повалит толпа народу, которую патруль не сможет выловить? Пришлось собраться с духом и призвать его к ответу.

— Мария Александровна! — укоризненно сказал он. — Что за глупости вы несете? Какие двери? Все это решается на уровне парламента. Сначала пара-тройка научных экспедиций. Между прочим, в их состав непременно включается убеждающий. Для разрешения возможных конфликтов с местным населением. Затем дается «добро» на замаскированные от любопытных глаз отели. Открывают один — для пробы, и так далее.

— И во многих мирах есть такие отели?

— Я вас во все свожу! Сначала вернусь домой, улажу формальности, а затем мы поедем путешествовать.

Я посмотрела в наглые карие глаза, поняла, что правды из него не вытянешь даже пытками. Колбаса, хлеб, сахар, триста грамм семян укропа, повторила я как заклинание. Цыкнула на увязавшегося за мной Барона и пошла в супермаркет.

По дороге я вертела головой, вглядываясь в проходы между домами, изучая скверик и близлежащие улицы. Ни псов, ни балахонов не было и в помине. Я призвала на помощь логику и стала рассуждать. Первый вариант прост — я хожу, не замечая патруль, потому что мне подсунули фальшивый определитель. А вот второй вариант... Если определитель настоящий, а псов нет, значит, Максимилиан преувеличивает угрожающую им опасность. И отправил меня по магазинам, чтобы удалить из дома. Зачем? Чтобы без помех работать над мышеловкой? Сомнительно. Чтобы упоить Лизу и отправить ее в лечебницу для алкоголиков следом за полковником, потому что первая приманка не сработала? Возможно. Он же не догадывается, что за Лизу я вступаться не буду. Или?.. Тут меня осенило, и я остановилась как вкопанная. Может быть приманка — я сама? А Максимилиан следит за мной по монитору и ждет, пока на меня набросится наркоман в кальсонах!

Я занервничала. Нырнула в супермаркет, изучила стойку с семенами. Укроп огородный в наличии имелся. Правда, расфасован по два грамма, но это не проблема. Я поймала менеджера и потребовала сто пятьдесят пакетиков. Он призадумался, заявил, что должен проверить количество товара на складе. Я ухватила его за локоть — парень крепкий, косая сажень в плечах, наркомана прибьет и не заметит — и навязалась в качестве сопровождающей, бормоча:

— Поймите, я переживаю. Все пакетики должны быть одного сорта...

— А зачем вам столько укропа? — спросил он, после пары бесплодных попыток стряхнуть меня в зале.

— Люблю укропчик, — умильно пробормотала я, вцепившись в его локоть обеими руками. — И огурцы посолить, и... и от тараканов опять же.

Получив вожделенные пакетики с красивым рисунком, я добежала до колбасного отдела и как банный лист прилипла к солидному мужчине средних лет. Такой с наркоманом драться не станет, но если позовет полицию, к нему сразу прислушаются. Мужчина невозмутимо пропустил мимо ушей мои излияния о колбасе и укропе, помог сложить в корзинку яйца, хлеб и бутылку оливкового масла, вежливо довел меня до кассы, но сам почему-то встал в другую очередь. А я уже собиралась узнать его номер телефона — такой приятный человек, и работает вроде бы врачом. Сказал, что я напоминаю одну его

пациентку.

От супермаркета к дому я мчалась, словно заяц в разгар охотничьего сезона. Пробегая мимо сквера, я почувствовала слабый толчок в районе ключицы — там, где приколоты булавка. Не снижая темпа, огляделась. Увидела группу рабочих с лопатами в спецовках с надписью «Водоканал», огороженный полосатыми лентами пустой фонтан и удивилась — когда только успели? Пятнадцать минут назад у фонтана было тихо и пусто.

Перед глазами поплыл туман. Я трянула головой — перегрелась, что ли? Нет, не перегрелась. Рабочие оказались кучкой балахонов, держащих в руках угрожающего вида трезубцы. Незамеченная мной пара псов лежала возле скамейки, следя за ними. А в огороженном фонтане, с чавкающим звуком ворочалась огромная бурая масса, напоминавшая оживший кусок глины.

Я поставила пакет с покупками на асфальт и стала возиться со шнурками, поглядывая в фонтан. Из месива вынырнула толстая лапа, ощупала бортик. Один из балахонов уколол лапу трезубцем. Бурая куча глухо заворчала, втянула конечность назад. Я ощутила второй толчок амулета и встретила взглядом с псом. Он рассматривал меня лениво и равнодушно. Я решила не нарываться на неприятности, подхватила пакет и пошла домой. Значит, не соврал Максимилиан, работает определитель.

Теперь мои мысли занимала месиво в фонтане. Я влетела домой, оторвала Феликса с Максимилианом от мышеловки, описала увиденное зрелище и потребовала объяснений. По мере моего рассказа братья скучнели и морщились.

— Вы мне не верите? — насторожилась я.

— Верим, — кисло сказал Максимилиан. — Охотно верим. Феликс! Валить надо.

— До ночи продержимся, — пробурчал тот и стал забивать в доску очередной гвоздь.

Максимилиан отбросил скрученную косичкой проволоку, вздохнул. Заложил руки за голову и стал насвистывать какую-то мелодию. Мелодия была бодрой, а выражение лица — нет. Наверное, именно так выглядят связанные люди, на которых надвигается асфальтовый каток.

— Кто там, в фонтане? — заорала я. — Вы его боитесь, Максимилиан! До этого вы были осторожны, предусмотрительны, но никого всерьез не боялись. Что это такое?

— Голем, — ответил он. — А с големом только сумасшедший вязаться станет. Его не обманешь, не убьешь. Интересно, как они санкцию получили? В закрытый мир голема просто так не проведешь. Видать, кого-то крепко заели наши шутки. Ладно, Мария Александровна, поговорили и хватит. Нам работать надо. Спасибо за укроп, дальше мы сами справимся. Деньги Феликс отдаст вам через час. Вас это устроит?

— Дело не в деньгах, — отмахнулась я. — Этот голем...

— Вас он не тронет, — успокаивающе проговорил Максимилиан. — Выкиньте его из головы. Думайте о приятном. О том, что сегодня ночью мы вас покинем. Сегодня — Белтайн. Если мы не сможем забрать свою вещь через костер, нечего больше и пытаться.

— Белтайн? — повторила я.

— Как ты думаешь, — неожиданно встрял Феликс. — С кем Изольда на бал явится?

Максимилиан ответил, что его больше интересует Джилла. Они заспорили, перебирая возможных кандидатов, перешли на свой язык и перестали обращать на меня внимание.

«Мужики хуже баб, — удаляясь, убежденно подумала я. — Сплетничают — куда там старухам у подъезда! Джилла то, Изольда се... Аж мышеловку бросили».

Отодвинув язвительное настроение в сторону, я сосредоточилась на словах «Белтайн» и

«голем». Белтайн, вроде бы, праздник лета, а голем — одушевленное черной магией чудовище из глины. Попробуем узнать подробнее.

Я включила ноутбук и запустила поиск в Интернете. Белтайн оказался одним из величайших кельтских праздников — половина пути между весенним равноденствием и летним солнцестоянием. Возвещал приход лета и должен был умиротворить богов, чтобы они подарили хороший урожай и погоду. Название переводилось с кельтского как «огонь бога света» или просто «яркий огонь».

Я стала открывать статьи и пробегать строчки глазами. Огромные костры, сложенные из сучьев священных дубов, разжигаемые друидами, чтобы прогнать зло и болезни. Народные гуляния, турниры стрельбы из лука и танцы с мечами... Вряд ли Феликс с Максимилианом собираются устраивать что-то подобное. Ага! Наряду с Самайном — началом зимы — это ночь, когда «двери мира» открывались, и что-нибудь могло случиться. Что именно? Нельзя было внятно написать? Или никто не знает?

Так, дальше. Самый благоприятный день для совершения брака, майские шесты, сексуальность и плодородие — это, несомненно, к Максимилиану, куст из ветвей рябины... Майский день отмечается в Дублине парадом волынщиков, выставками, фейерверками, пивом.

Еще статья. Белтейн. Перенаправлено с Белтайн из свободной энциклопедии. Эта дата долгое время считалась точкой мощности Зодиака и символизировалась быком — священным животным ирландцев. Старый языческий Белтайн из-за смещения орбиты планеты лежит где-то между 1 и 5 мая.

Я бросила чтение и посмотрела на календарь. Пятое мая, суббота. То есть, сегодня у нас по расписанию день открытых дверей. Вернее ночь, это у меня все в голове перепуталось. С Белтайном более-менее разобрались. Теперь голем.

Набрать слово в поиске я не успела. Телефон неожиданно ожил и запел грустную мелодию. Я опасливо нажала на прием. Скрытый номер отозвался в трубке Татьяниным голосом.

— Маша, мы сегодня уходим, — весело проговорила она.

— К Мареку домой? — мое сердце бешено заколотилось.

— Да! Мы долго говорили и узнали друг о друге много нового, — она хихикнула. — Я-то думала, что он не хочет знакомить меня с семьей, потому что стесняется такой жены. А он считал, что я не расспрашиваю его о семье и доме из-за страха и брезгливости. Теперь мы все выяснили и уложили вещи. Я звоню попрощаться, Маша. Передавай лорду привет и мою благодарность. У меня будет новый дом и новая собака. Марек говорит, что его мама меня избалует, потому что ей всегда хотелось невестку-женщину, а оба его брата женаты на волчицах. Представляешь, как здорово?

— Я... я рада за тебя, — слова застряли в горле, не желая выталкиваться.

— Пока, удачи! — в трубке что-то затрещало. — Марек тоже передает тебе привет и наилучшие пожелания.

Треск сменился короткими гудками. Я отложила телефон и потерла лицо руками. Мой привычный уютный мир, в котором я прожила тридцать один год, стремительно разрушился после тридцать второго дня рождения. За неделю я успела привыкнуть к чудесам, целовалась с рогатыми демонами, побывала в Прорве, сражалась с патрульными псами, выяснила, что моя подруга вышла замуж за оборотня... Переживу и тот факт, что она ушла за мужем в мир, где женятся на волчицах. Неделю назад я думала, что она мертва, а теперь я знаю, что она

жива и по-своему счастлива.

Я подняла голову и посмотрела на небо. Погода неудержимо портилась. На горизонте клубились иссиня-черные тучи, мелькали росчерки молний. Слабо порывкивал гром — словно примеряясь, стоит ли браться за дело всерьез, и, не ослабевая, дул западный ветер. Ветер, который приносит в город дождь.

Барон заворчал, попросился гулять. Я послушно сопровождала его во двор, где не было ни единой души. Рычание удивило. Барон уставился на калитку, вздыбил холку и залаял.

«Патрульные? Надо проверить, пока они не вошли во двор. Позвонить Андрею, попросить на подмогу охранника, вызвать полицию...»

Ноги вдруг налились тяжестью, не желая делать шаг к калитке. Внутренний голос истошно завопил: «Не ходи, не ходи! Ой, что сейчас будет...». Я заколебалась, а потом плюнула на дурные предчувствия. Распахнула калитку и вышла на улицу.

Из черного автомобиля, припаркованного на обочине рядом с нашими воротами, выглянул улыбающийся детина в мятом костюме.

— Тетя Маша! — воскликнул он. — А мы уже заждались!

— Что-то я такого племянника, как вы, не припомню... — сказала я, шагнув назад.

— Сюда глянь! — предложил он и распахнул заднюю дверь автомобиля.

Я посмотрела на сиденье и потеряла дар речи. Скрючившаяся перепуганная Леночка прижимала к себе сумку. Остренький носик покраснел и распух — видно было, что полковничья дочь долго рыдала.

— Тетя Маша! — всхлипывая, пропищала она. — Они меня отпустят, если вы им отдадите какой-то пакет со стеклом и заплатите штраф. Сделайте это, пожалуйста!

Глава 16

Постум одел обруч. Стены убогой мансарды засверкали, как зеркало в бальном зале, поймавшее отражение дамы в бриллиантах. Хаос красок поплясал и утих. Постум сдержал дрожь, встал с кровати и подошел к глубокому черному проходу, возникшему на месте входной двери. Непроглядная бездна влекла его к себе, словно магнит железные опилки. Доберман увидел, что новый хозяин хочет войти в темноту, забился под кровать и завыл.

Постум прикрикнул на собаку, сделал первый осторожный шаг. Ничего не произошло. Тогда он медленно побрел вперед, с каждым движением теряясь в чернильном безмолвии. Где-то впереди лежала неведомая цель, к которой его толкал обруч. Постуму хотелось верить, что там, за границами тьмы он найдет алтарь или тайное святилище и вернет себе утраченную силу. О том, что может произойти, если он ошибся, Постум старался не думать.

Сила даст ему все, чего он лишен. Постум решил подбодрить себя и дал волю фантазии. Ему грезилась пленительные картины — он в шелках возлежит на мягких подушках и любит девичьими личиками. Стройные и пугливые, как газели, девы взмахивают длинными ресницами и шепчут: «Прошу, мой повелитель... Выбери меня на эту ночь!». А он медлит, дразня девушек, и переводит взгляд на стаю собак, жадно пьющих воду из фонтана с золотыми рыбками. В его гареме не будет ни одной бабы старше шестнадцати лет — ему до смерти осточертели напудренные старухи с их дряблыми телами, капризами, истериками, скупостью и дурацким вопросом «Куда ты деваешь деньги?».

Постум споткнулся о невидимое препятствие и едва не растянулся плашмя. Ладони ощутили ледяную твердь каменного пола. Девы и собаки вылетели у него из головы. Он встал на четвереньки, попробовал распрямиться. В лицо ударил холодный свежий воздух, коридор осветился диковинными огнями, стены раздвинулись, и на Постума кинулось

ревущее чудовище с горящими глазами. Он окаменел от страха, вони, грохота и приготовился к неминуемой смерти. Чудовище остановилось в шаге от него и извергло из чрева высокого крепкого мужчину.

Постум приободрился — за его плечами был солидный опыт трактирных драк и один человек не казался ему значительной угрозой. Он только пожалел, что не захватил нож и стал ждать первого хода противника. Тот выкрикнул несколько непонятных угроз, распалая себя для рукопашной. Всмотрелся Постуму в лицо и резко сменил тон.

— Приветствую, родич! — заговорил он.

Слова отдались болью в висках. Постум почувствовал, что обруч сжимает голову железной хваткой. Незнакомец положил руку ему на плечо и мягко продолжил:

— Ты ушел далеко от дома. Я восхищен твоей отвагой, но сразу должен предупредить — этот мир закрыт для таких, как мы. Пойдем, я отведу тебя в безопасное место. Там мы сможем поговорить...

«Дудки! — подумал Постум. — Знаем мы, чем такие разговоры заканчиваются».

Он сбросил чужую руку с плеча, рванулся в сторону, едва не угодив в пасть другому чудовищу — местность ими прямо-таки кишела. Увидел открытую дверь ближайшего дома и нырнул в темный проход, надеясь, что его не встретят ударом ножа или стрелой в горло. За спиной раздавались крики: «Куда ты? Подожди!», но Постум равнодушно оставил их без внимания. Короткий темный коридор закончился дверью. Постум осторожно потянул ее на себя и оказался в знакомой мансарде. Доберман встретил его радостным лаем. Жены по-прежнему не было.

Постум стянул с головы немилосердно давивший обруч, лег на кровать и задумался. Как же добраться до таинственного источника силы? В том, что он существует, Постум уже не сомневался. Незнакомец, назвавший его родичем, излучал силу и власть, это Постум учуял, когда рука прикоснулась к его плечу. Сила превосходила прежние возможности Постума в десятки, если не в сотни раз, что и наталкивало на мысль об источнике и регулярной подпитке.

Ввалившуюся в комнату Розочку он попросту выгнал вон, потому что чужое присутствие мешало сосредоточиться, и удвоил умственные усилия. Надевать обруч и бесцельно бродить во тьме ему не хотелось — так и до старости прогулять можно, а зачем старику гарем? Гарем молодому парню нужен, чтобы всех успеть попробовать. Мысли потекли в неправильном направлении, Постум чуть было не встал с кровати, чтобы призвать Розочку на супружеское ложе, но вовремя одумался. Дело — прежде всего.

По всему выходило, что к поискам правильной дороги надо привлекать какого-нибудь чародея. Их услуги стоят дорого, зато в случае трех неудач деньги клиенту возвращаются и дается рекомендация, что делать дальше — обратиться к священникам, заказать наемного убийцу или просто повеситься. Приняв решение, Постум повеселел, кликнул Розу, вдоволь ублажил ее в постели и велел отдать ему все наличные деньги. Обруч он завернул в тряпку, сунул в котомку. Оделся в вещи, насквозь пропахшие Аннинными духами, и двинулся к чародейскому Совету, где на площади всегда отирались безработные колдуны.

Возле здания Совета его закружил водоворот мантий и возбужденных голосов. Предложение о выгодной и хорошо оплачиваемой работе слушать почему-то никто не хотел. Побродив среди чароделов, Постум понял, что в Совете уже третьи сутки идут выборы нового Верховного Магистра и пока имя не будет названо, никто и пальцем не шевельнет, чтобы ему помочь. Два главных противника — Кассий Колеус и Игнатий Топинамбур

принадлежали к диаметрально противоположным направлениям магии. Кассий ратовал за официальное признание черного колдовства. Осторожный и рассудительный Игнатий, наоборот, собирался запретить кое-какие бытующие методы — допрос оживленного трупа, трансформационные заклинания и использование философского камня в личных целях. Толпившиеся под Советом чародеи скрепя сердце отказывали заказчикам — выполнишь ритуал, а на выходе тебя под локти и в тюрьму. Лучше уж выждать пару дней и работать по новым правилам.

Постум оценил обстановку, убедился, что ожидание — единственный выход из ситуации и вернулся в мансарду. Роза подала ему бульон, робко спросила о делах. Он ответил ей коротким ругательством, спрятался под одеяло и попробовал уснуть. Сон пришел быстро, но не принес никакого облегчения. Постуму виделась странная, мощеная светящимися плитами дорога, огромный фонтан, толпы нарядных людей в удивительных одеждах, льющаяся с неба музыка. Он гулял среди этих людей как равный — его дружелюбно приветствовали, уважительно спрашивали о здоровье, приглашали на званые обеды и концерты. А потом к нему подошла прекрасная молодая девушка, заглянула в глаза, рассмеялась и предложила «Пойдем домой?». Постум сделал шаг и проснулся.

Он не сразу понял, что лежит в супружеской постели, а когда разобрался, злобно оттолкнул прижавшуюся к нему Розу и полез за спрятанной под шифоньером котомкой.

Обруч радостно мигнул александритом. Постум надел его на голову, дождался, пока утихнет буйство красок, и ринулся в темноту. Где-то вдалеке звенело «Пойдем домой, пойдем домой!». Мелодичный голос превратился в еле различимое шипение и Постум побежал изо всех сил, опасаясь потерять путеводный звук. «Быстрее, быстрее!» подстегивало шипение «Домой, я жду!». Впереди забрезжил слабый свет. Постум, повинувшись природной осторожности, не раз спасавшей ему жизнь, замедлил шаг.

Прекрасная дева, окутанная клубами тумана, танцевала перед зеркалом. Она красовалась, то распуская, то подбирая волосы, изгибала чарующий стан. Постум приблизился к танцовщице и собрался заключить ее в объятия. Она повернула сияющее от счастья лицо и прошептала: «Пришел... Иди сюда, иди...».

От последнего шага Постума удержал острый укол в висок. Он пошатнулся, взглянул себе под ноги и увидел пылающий каббалистический знак. Туман и дева растворились, словно их унес порыв ветра. Постум услышал яростное шипение, в котором легко различался приказ «Еще шаг вперед, живо!»

Он будто раздвоился — большая его часть, сломленная и покорная, порывалась шагнуть к знаку, доставляя удовольствие невидимому хозяину. Меньшая истошно орала: «Беги! Беги, пока не поздно!». Раздираемый противоречиями Постум не мог сдвинуться с места. Из ступора его вывело нападение помятого простолоудина, источавшего острый запах перегара. Быдло посягнуло на самое святое — драгоценный обруч, и Постум обрел силы для борьбы. Оставив в руках противника клок хламиды, он развернулся и с размаху кинулся на зеркало, ожидая удара и звона осколков. К его огромному удивлению стекло превратилось в тонкую водяную пленку и он, окутанный брызгами, повалился на знакомую кровать в мансарде. Обруч слетел с головы и, звеня, покатился по полу.

— Так-так, — кашлянули у него за спиной, — Незаконные занятия магией. А вы еще спрашивали, зачем он нам нужен, лапочка!

Постум сел и обнаружил, что Розочкино место на супружеском ложе занято усатым чародеем в новенькой мантии. Второй чародей крепко держал под локоть его супругу и с

ухмылкой вещал:

— Занятия магией без соответствующей лицензии караются штрафом в тысячу золотых и годом тюремного заключения. Хранение артефактов, не зарегистрированных в контрольной комиссии Совета...

— Что вам угодно, господа? — прервал его Постум. — Роза, согрей чаю. Присаживайтесь, обсудим ваши условия.

— Не суетись, альфонс, — посоветовал усатый, подбирая обруч. — К Игнатию поедем, там все обсудишь.

«Все-таки Игнатия выбрали! — догадался Постум. — Что же, с ним хоть как-то можно договориться...»

Новый Верховный Магистр был относительно молод и свободное от чародейских занятий время охотно проводил с особями противоположного пола. В отличие от Прибоя Драконоборца бордели он не посещал, питая слабость к светским дамам. Постум неоднократно слышал о нем от графини де Астильяк, и даже чуть было не столкнулся в постели другой, менее известной графини, но Игнатия срочно вызвали на консультацию, и встреча не состоялась.

Постум покорно проследовал в карету, ожидавшую чародеев на улице. Зачем дергаться? Вступать в конфликт с могущественным Игнатием безденежному альфонсу не с руки. Силы не те. Да и у кого они есть такие силы, чтобы выступить против Совета чародеев? Вон, Гламур уже попробовал рыпаться и получил неглубокую могилу с кучкой еловых венков. Нам такие богатства не нужны — увольте!

Карета с зашторенными окнами остановилась и философствующего Постума грубо вытолкнули на тротуар. Здания чародейского Совета, которое он ожидал увидеть, не было и в помине. Обычный дом с садом — судя по всему в одном из богатых районов столицы. Постума провели к задней двери, пинками загнали на второй этаж и поставили пред очами Игнатия, сидевшего на разобранной постели.

При виде Постума лошадиное лицо Верховного Магистра повеселело. Он оскалил длинные желтые зубы, отвел взгляд от оштукатуренной стены, которую внимательно изучал. Усатый чародей с поклоном вручил ему завернутый в тряпку обруч. Игнатий осторожно развернул тряпицу, коснулся серебра и отложил обруч на кровать.

— Где взял? — приветливо спросил он у Постума.

Запираться не было смысла — Игнатий обещал запретить допросы оживленных трупов, но никак не здравствующих людей. Постум честно выложил все подробности, включая имя заказчика, оплатившего подкуп к Гламуру через племянницу и ассортимент солений в подвале. Игнатий слушал его, благосклонно кивая и покручивая бакенбарды.

— Надевал?

Вопрос был задан мягко, но Постум заметил, как сжались кулаки Верховного Магистра. За долю секунды он оценил все последствия открытого вранья и, что еще хуже, чистой правды. Потупился и солгал:

— Один раз.

Усатый наклонился к уху Игнатия, что-то зашептал. Верховный Магистр выслушал наушничество без интереса, велел подать Постуму стул и согреть чаю с ромом для поддержания беседы. Чай Постум пил с опаской — ром там или мышьяк, кто его разберет? Игнатий-то чаем побрезговал, понюхал и отставил, за обруч принялся. Вдосталь налюбовавшись, Магистр тяжело вздохнул.

— Говори, где был? — взгляд выпуклых глаз пронизал Постума буквально до костей. — Как сквозь стену прошел, что там, за стеной видел?

Постум некоторое время выбирал между ревущими чудовищами и девой, покосился на чародеев-охранников и решил, что дева будет более уместна. Надо же оправдывать репутацию! Игнатий описание женских прелестей прослушал с каменным лицом, а вот когда дело дошло до каббалистического знака, оживился. Приказал принести перо и чернильницу. Заставил непривычного к таким вещам Постума нарисовать знак и забросал массой вопросов — оттенок адского пламени, запах, толщина линий...

Через час, выдавив из Постума все мыслимые и немыслимые подробности и лишив его хламиды, от которой простолюдин оторвал лоскут, Игнатий проговорил:

— Можешь идти. По-хорошему, надо бы тебя того... Но графиня расстроится.

Постум не стал уточнять, чья именно добрая душа спасла ему жизнь, и отбыл в мансарду со всей возможной скоростью. Пока Игнатий не передумал и на чувства графини не наплевал с высокой колокольни.

Избавившись от трясущегося красавчика — и что графиня в нем нашла? — Игнатий потянулся и выслал одного из подчиненных в библиотеку Совета за нужными манускриптами. В доме Метрополиса, где он устроил свой временный штаб, с книгами было туго, так ведь и выбрали его совсем не по этой причине.

Игнатий тщательно следил за делами своих коллег по ремеслу, поощряя шпионские наклонности их прислуги. Щедрые финансовые вливания позволяли ему быть в курсе личных и научных достижений покойного Пальмируса, его бывшего одноклассника Метрополиса и отчасти даже самого Стеарина. Теперь пришло время пожинать плоды вложений. Связав воедино отрывки шпионских донесений, кое-что додумав, а кое-что отбросив, Игнатий решил пойти ва-банк.

Защитить себя и помощников мощной пентаграммой, определить местонахождение рогатого демона и взять его в плен. Подержать пару месяцев в подвалах Совета, выжать всю магическую информацию. Связаться с родственниками, потребовать выкуп. Не деньгами, нет. В деньгах Игнатий не нуждался. Магические книги Пришельцев, вот что он возьмет взамен. Книги, которые позволят ему разбудить вещи из коллекции Пальмируса. У него будут десятки действующих артефактов, и он найдет им применение, что бы они не делали!

Шансы на успех велики. У демона остался материальный предмет — обрывок хламиды Постума. Это не расплывчатое желание завладеть венцом, на столь рассеянный поиск может откликнуться такое количество разнообразных существ, что Игнатию вовек не отбиться. А потребовать возврата части к целому — другое дело. Главное, это опередить демона, ведь с каждой минутой возрастают шансы, что Игнатий сам ощутит принудительный поводок вызова.

Он хлопнул в ладоши и потребовал:

— Еще свечей, живо!

Ритуал будет проведен здесь, в доме Метрополиса, перед закрытой дверью в мир пришельцев. Игнатий четко видел ее контуры и с трудом сдерживал искушение взломать и взглянуть на тамошние чудеса. Терпение, только терпение! Еще полчаса, и он, вместе с верными чародеями, войдет внутрь. Захватит рогатого наглеца, посмевшегося ходить по его миру и убивать магов. Надо только дождаться прибытия поддержки и старой летописи из архива Совета, которая содержит охранительные чары от Пришельцев.

В комнату внесли свечи, расторопный слуга подал свежий чай. Игнатий жестом

отстранил бутылку с ромом и взялся за горячую кружку, собирая силы для предстоящего ритуала.

Глава 17

— Они хотели отобрать у меня свой сверток, но тут Жека выкинул из-за забора вашу тряпку и они бросились ее подбирать. А когда увидели, что это не ампулы, страшно разозлились. Они связались с диспетчером такси, наверное, что-то ему наврали, вроде того, что оставили в машине сумку и вышли на возившего меня к клинике таксиста. Тот сдал мой адрес и сказал им, что я собиралась ехать на вокзал — вот сволочь! Не знаю, когда они успели снять с поезда Леночку, но теперь они желают получить ампулы и штраф в десять тысяч долларов за то, что я их обманула! Вы слышите меня, Феликс?

— Да-да, — отозвался он, не отрываясь от мышеловки. — Я же уже сказал, Макс как раз пошел за деньгами, чтобы мы могли с вами расплатиться. Он вернется через пару часов. А сейчас не мешайте мне работать.

— Леночка в руках у бандитов! — заорала я.

Он досадливо повел плечами.

— Сделайте что-нибудь! Вы же тоже можете, я знаю!

— Я не заставлял вас брать чужие наркотики и ничего не обязан для вас делать! — отчеканил Феликс. — Мне плевать на детей и бандитов, я должен закончить свою работу. Выйдите из комнаты!

Я протянула руку, чтобы тряхнуть его за плечо, но была отброшена толчком невидимой преграды. Меня отшвырнуло к двери, и я с трудом удержалась на ногах, схватившись за ручку.

— Скотина рогатая! — прошипела я. — Втянул меня в бандитские разборки...

Следующий толчок выкинул меня в коридор. К ногам спланировала коричневая бумага и звенящая россыпь ампул. Дверь в комнату захлопнулась. Я опустилась на четвереньки и поспешно зашарила по полу, собирая ампулы. Не дай Бог Лиза или Амалия выглянут на шум и увидят такую картину!

Привычное желание избежать соседских пересудов заставило меня быстро собрать ампулы. Хотя, если смотреть правде в глаза, эта отсрочка меня не спасала. Пересуды все рано будут. Даже если бандиты сдержат свое слово и вернут мне Леночку в обмен на деньги и наркотики, начнется настоящая буря негодования — меня обвинят в соучастии похищения ребенка и прочих грехах, причем многое из сказанного будет обоснованным!

— Лишь бы вернули! — простонала я, обнимая Барона за шею. — Все отдам, все деньги, которые есть! Только бы вернули живой и здоровой... Что же я наделала!

Барон басовито заворчал — то ли утешал, то ли осуждал за содеянное. Я схватила телефон, проверила, заряжена ли батарея, выложила его на журнальный столик. Бандит обещал позвонить через пару часов, предупредив меня, чтобы я не смела обращаться в полицию. Мог бы и не предупреждать — заявление у меня все равно никто не возьмет. Кто такая Леночка? Дочь моего соседа от первого брака, сам сосед сейчас лежит в ЛТП после приступа белой горячки. Где живет Леночка, кто ее мать, я не знаю — вроде бы первая семья осталась в Забайкалье, одном из мест службы отставного полковника.

Промелькнувшую мыслишку, что если Леночка и сгинет с лица земли, ее исчезновение будет трудно связать со мной, я прогнала прочь. Дело не в доказательствах, которые может собрать полиция, дело в моей совести. Я должна сделать все, что в моих силах, и даже больше. Возможно, мне удастся привлечь к спасению девочки Максимилиана — он все же

более совестлив, чем Феликс, говорил, что у него тоже есть дети — вдруг да проникнется трагичностью ситуации? А если нет... Кого можно позвать на помощь?

Андрея исключаем сразу. Он против других бандитов не пойдет, еще и поможет подвесить меня за шею и вывернуть карманы. Чтоб лохушка свое место знала, и конкретным пацанам работать не мешала. А то сегодня чужие ампулы, завтра — его, Андреево, золотишко.

Вызвонить Игнатова? Собачий папочка непременно потащит меня в полицию, заставит писать заявление, будет качать права, требуя, чтобы его приняли, и назвонит десятку знакомых адвокатов. Нормальная реакция добропорядочного гражданина. Затем привезет меня домой и сядет рядом следить, чтобы я никуда не выходила и не подвергала свою жизнь неоправданному риску. А Леночку тем временем убьют!

Игнатов отпадает, это ясно. Колокольчиковы? Попробовать посоветоваться с Игорем? Он по молодости вертелся с какими-то темными личностями, проворачивал непонятные махинации, наверняка сталкивался с бандитами. Может быть, научит, как правильно отдать выкуп, чтобы Леночку точно отпустили, да и, желательно, меня не тронули?

Наплевав на возможность бандитского звонка, я схватилась за телефон. Игорь не отвечал, и я набрала номер Жанны.

— Привет, подруга! — завопила она. — А у меня горе, прикинь? Помнишь, как мы в кафешке посидели?

— Ну... — осторожно промычала я.

— Игореша так остановиться и не может! В штопор пошел, хоть похмельщика к нему вызывай. Две сделки промухал, лежит на диване пластом, только водку требует! Не знаю, что делать.

— Вызови похмельщика.

— Так он денег каких стоит! Слушай, ты мне денег не займешь?

— Нет, — твердо ответила я. — Извини, Жанна, денег нет.

На этот раз врать мне не пришлось. У меня и так не хватает денег на выкуп, затребованный бандитами. Вряд ли у меня согласятся взять расписку на недостающую сумму. Вся надежда только на Максимилиана. Если он действительно принесет деньги и захочет помочь... Эх, жаль Таня мне до встречи с бандитами позвонила! И номера ее не осталось. Можно было Марека к делу привлечь. Посадить где-нибудь в засаде. И он бы покушал, и я от бандитов избавилась.

Скрипнула дверь. Я подскочила, ожидая увидеть перед собой бандитов, но это был всего лишь Феликс. Он швырнул мне на колени две пачки стодолларовых купюр.

— Пересчитайте. Здесь десять тысяч. Мы в расчете?

— А где Макс?

— Он опять ушел. Пересчитайте деньги.

— Потом пересчитаю, — отмахнулась я, проведя пальцами по деньгам. — Когда Макс придет, Феликс? Он мне очень нужен!

— Не знаю.

Я на всякий случай пошла за ним, проверила мамину комнату — вдруг он меня обманывает, но Максимилиана там действительно не было. Только на обоях пламенели нарисованные огненными линиями створки узорчатой двери.

— Смотрите, чтоб пожара не было, — вяло пробормотала я.

Феликс проигнорировал мои слова и уткнулся в мышеловку. В коридоре послышался

шум и голоса. Я поспешно выскочила на звук.

— Тварь такая! Опять свою вонючую тряпку нам под плитку кинула! Маша, ты только посмотри!

— Привет, Роза! — проблеяла я и шмыгнула в комнату.

Уютно устроившись в кресле — ждать приговора, так с комфортом, я прислушивалась к вечернему скандалу. Взаимные обвинения в нечистоплотности, краткие характеристики морального облика, обещания немедленной физической расправы...

Барон наострил уши. Забурчал, вздохнул, положил морду на вытянутые лапы. Я размечталась вслух:

— Сказать бандитам, что я приду на встречу с подружкой. Пообещать Розе двести долларов за то, что мы заберем Леночку и уйдем живыми. Она их порвет, как Тузик грелку!

Барон пренебрежительно хмыкнул.

— А кого предложишь? Видишь же сам — пришла беда и обратиться не к кому. Вроде бы и приятели есть, и семья, а как припекло, кроме тебя никого с собой не возьмешь.

Пес оскалил зубы и усмехнулся.

— Думаешь, справимся? — я покосилась на телефон. — Все равно я им скажу, что без собаки шагу не сделаю. Скорей бы уж позвонили! Деньги Феликс принес, теперь мы готовы. Скорей бы!

Однако бандиты не торопились. Я, не в силах усидеть на одном месте, поминутно выскакивала в кухню. Варила кофе, подслушивала под дверями, надеясь уловить голос Максимилиана. Пара часов, отпущенных бандитами на ожидание, давно прошла. Темноту за окном то и дело прорезали молнии. Ветер бросал в окна пригоршни дождя и натужно силился распахнуть створки окон. Я прижималась лбом к холодному стеклу, таращилась на мокрый асфальт, стараясь не думать о том, что сейчас видит и чувствует Леночка.

Время неумолимо шло вперед. Семь, восемь, девять часов вечера... Я постучалась к Розе и попросила позвонить на мой телефон.

— Понимаешь, жду важного звонка, боюсь, не заглочило ли...

— Сейчас, Маша, конечно!

Телефон мелодично запел.

— Спасибо, — вымученно улыбаясь, проговорила я. — Все в порядке.

В комнате было душно. Я посмотрела на грустного Барона и распахнула окно. В лицо ударили ледяные капли. И тут же, за спиной, на журнальном столике, требовательно зазвонил брошенный телефон.

— Слушаю.

— Тетя Маша, Леночка просила выйти погулять по окрестностям. Говорит — идите одна, ни мужа, ни соседей брать не надо, она их стесняется. Понятно?

— Я выйду гулять с собакой, — ответила я, стараясь сдержать дрожь в голосе. — Леночка знает, я каждый вечер гуляю с собакой.

— С собакой, так с собакой, — согласился собеседник. — Возьмите подарок для Леночкиных друзей, и идите по улице Светлой.

— Далеко идти? — осторожно спросила я.

— Узнаете.

Я заметалась по комнате. Прикрыла окно, схватила куртку, зонтик, достала теплые ботинки. Где же старая черная сумка? Удобная, не сползает с плеча, прижимается локтем. Нашлась, голубушка! Спрячем деньги и ампулы.

Я заглянула к Феликсу, с сожалением убедилась в отсутствии Максимилиана и сообщила:

— Я уйду спасти Леночку.

Он смерил меня равнодушным взглядом. Вот уж кто будет рад, если я не вернусь! Отвлекать по пустякам перестанут. Я ведь все купила, что ему требовалось, теперь только под руками путаюсь, мешаю с мышеловкой возиться.

Повесив поводок на шею, я попросила Барона держаться рядом. Мы скорым прогулочным шагом двинулись к улице Светлой. На мокрых тротуарах не было ни души — только возле булочной нам встретился мужчина с таксой, совмещавший выгул собаки и срочную покупку хлеба, да пара девиц прошмыгнула из теплого кафе в ожидавшее такси. Барон трусил по лужам, разбрызгивая воду. Время от времени вскидывал голову и вопросительно на меня смотрел.

— Не знаю! — отвечала я, оглядываясь по сторонам. — Сам видишь — ни машин, ни людей! Что делать? Идти дальше? Остановиться и подождать здесь?

Сомнения разрешил телефонный звонок.

— Возвращайся назад, — велел мужской голос.

— Куда? К дому? А зачем надо было сюда тащиться? — удивилась я.

— Ты же с собакой гуляешь. Вот и гуляй, — отрезал он и отключился.

Я сообразила, что задала бандиту дурацкий вопрос — наверняка за мной следят, чтобы убедиться в отсутствии непрошенных сопровождающих. Вдруг я все-таки обратилась в полицию или ФСБ!

Чертыхаясь, я пошлепала к дому. Возле театра кукол Барон замедлил шаг и зарычал. Сквозь залитые дождем очки — зонтик промок насквозь и не спасал от порывов ветра — я разглядела отделившуюся от елок темную фигуру.

— Тетя Маша? — вкрадчиво сказал вертлявый парнишка лет двадцати. — Леночка просила передать, что она ждет вас у старого фонтана.

— Ясно, — ответила я, и совсем пала духом. Хотя до этого мне казалось, что я уже достигла крайней точки отчаяния. А нет, остались еще в душе резервы!

Старый фонтан на Кукольной площади. Позор города, предмет насмешек и злословия, грязное пятно на репутации исторического центра, отгороженное от нескромных взглядов синим металлическим забором, за который не рискуют соваться даже отчаянные бомжи. Потому, что делать там нечего. Вот почему бандиты не возражали против собаки, поняла я, и посмотрела на двойной забор, примыкавший к правому боку театра.

Тридцать лет назад, во времена моего далекого детства, на небольшой площади красовался фонтан, окруженный четырьмя скамейками. Существо неопределенного пола в хламиде касалось рукой бочки с лицевыми масками на палках. Назывался фонтан «Полишинель», хотя горба у фигуры не было и близко.

Для придания сказочного колорита под ногами существа и в чаше фонтана разместили гигантские глыбы из белого и зеленого бутылочного стекла. Валун изготовил по спецзаказу местный стекольный завод. Переливавшиеся под струями воды стеклянные бульжники в солнечные дни резали глаз и являлись одной из городских достопримечательностей.

С годами Полишинель потерял товарный вид, хотя его регулярно золотили свежей краской, из бочки с масками перестала литься вода — безнадежно устарели трубы. А пять лет назад, под покровом ночи, предприимчивые охотники за металлом срезали фигуру и маски автогеном и были схвачены полицией при погрузке краденого в кузов грузовика.

Экспертиза, проведенная специалистами, показала, что восстанавливать фонтан слишком дорого. Общественность заволновалась и потребовала вернуть городу один из его символов. Пока длились препирательства и митинги, изуродованный фонтан отгородили забором, чтобы он не портил пейзаж.

Четыре лавочки поначалу стали прибежищем влюбленных пар — еще бы, приятно целоваться рядом с театром, надежно укрываясь забором от нескромных глаз. Но поток желающих воспользоваться кустами в качестве бесплатного туалета быстро превратил Кукольную площадь в вонючую клоаку. В фонтане выросли горы мусора, за забор деловито шныряли бомжи, разыскивающие пустые бутылки.

Руководство театра опомнилось и призвало власти принять срочные меры по улучшению экологической обстановки. Начался новый виток прений и пикетов перед мэрией. И тут фонтан взорвался. Не в переносном, а в самом прямом смысле этого слова.

Очередная экспертиза, опубликованная в местной газете, сухо излагала эквивалент тротила, который содержало взрывное устройство, заложенное в чашу фонтана. Но на горожан гораздо большее впечатление произвел иссеченный осколками забор и выбитые окна театра. Глыбы разорвались на сотни тысяч стеклянных обломков и усеяли землю и асфальт вокруг многострадального фонтана.

Эпицентр взрыва обнесли вторым забором, окна театра поспешно застеклили, а полиция пообещала бросить все силы на поиск злоумышленника, организовавшего беспредельно наглый теракт. Дворники кое-как прибрали стеклянное крошево вокруг театра и на подходах жилому дому вблизи фонтана, а за забор заходить отказались.

Ветер и дожди размели и смыли оттуда стеклянную пыль, но уже в десятке шагов от забора под ногами начинали хрустеть осколки, и подошва обуви приходила в негодность. Да, замечательное место для встречи подобрали бандиты! Человеку, рискнувшему приблизиться к фонтану, придется идти очень осторожно, ощупывая ногой асфальт, чтобы не напороться на крупный осколок. Не побежишь, не прыгнешь. И уж тем более, не поведешь с собой собаку! Куда псу босыми лапами по стеклу?

Я сняла с шеи поводок, прицепила карабин к ошейнику Барона. Прочно привязала его к пешеходному ограждению и скомандовала: «Сидеть!». Барон нахмурился, рванул поводок, оглушительно залаял.

— Сидеть! Место! Жди! — дрожащим голосом перечислила я.

Протерла пальцем очки и побрела к забору. Барон лаял все громче и яростней. Вертлявая фигура вновь вынырнула из-за елки и велела:

— Заткни собаку. Или я сам ее заткну.

Я метнулась к псу, всхлипывая, отвязала его от ограждения. Погладила по мокрой шерсти и стала уговаривать:

— Иди домой, Барон! Домой! Я скоро вернусь.

Он глухо зарычал в ответ, но не сдвинулся с места.

— Иди, разыщи Макса! — в отчаянье крикнула я. — Ищи, Макса, я знаю, ты сможешь его найти! Иди и расскажи ему все!

Пес лизнул меня в щеку, вскочил и помчался по лужам в противоположную от дома сторону.

За забором было темно — хоть глаз выколи. Я сделала короткий шажок, прокричала: «Я здесь!». В шуме ветра и дождя отчетливо слышались всхлипывания.

— Принесла? — спросил кто-то из темноты.

— Да.

— Положи на бортик фонтана.

— Где Леночка?

— Положи на бортик фонтана, — повторил мужской голос.

Оставалось только повиноваться. Все карты были на руках противника, а я только что отослала прочь своего единственного друга и защитника. Под ногами противно захрустели осколки, в одной из подошв тут же что-то застряло, словно в обувь попал приличных размеров камень. А до бортика еще идти и идти...

Что-то сухо щелкнуло. Я пригнулась, решив, что бандиты в меня стреляют, некоторое время постояла в неприличной позе. Осознала, что вокруг стало светло, и неуверенно выпрямилась.

— Сука! — закричали справа от меня.

Я обернулась и увидела Леночку, которую держал за горло амбал с пистолетом.

— Не надо! Не стреляйте! — завизжала я.

Свет стал ослепительно ярким. Прямо над нами, метрах в пяти над чашей фонтана, завис серебряный шар.

— Это не я! Я никому не говорила!

— Руки за голову! — заорал амбал.

Я бросила зонтик и покорно выполнила его указание. Шар увеличился в размерах, стал золотисто-оранжевым, а сияние — более мягким. Дождь прекратился, как по мановению волшебной палочки. Я сощурилась и сквозь мокрые бликующие очки разглядела еще двух бандитов, вышедших из кустов.

— Ты... — рявкнул один из них и неожиданно замолчал, словно поперхнувшись.

Оранжевое сияние сгустилось, опутало мужские фигуры, заковав их в коконы, и, похоже, лишило подвижности. Я шевельнула рукой. Все нормально, только мурашки бегают.

«Это коснулось только бандитов. Это сделал Макс! — догадалась я. — Барон нашел Макса, рассказал о моей беде, и тот пришел мне на помощь!»

— Леночка! — крикнула я, отбросив страх. — Ты цела?

— Д-да! — лязгнула зубами полковничья дочь. — Это пришельцы, да? Теперь они нас похитят? Вот, блин!..

— Какие еще?.. — и тут я поняла, каких пришельцев имела в виду Леночка.

Возле забора стояла группа людей в черных и темно-синих накидках с капюшонами. Они внимательно рассматривали нас и бандитов.

«Псы? Балахоны? — мелькнула паническая мысль. — Авось не тронут... Но зачем им бандиты?»

От группы отделился высокий мужчина. Приблизился ко мне, не замечая осколков стекла под ногами — шел, словно эльф в кино, почти не касаясь земли. Однако когда он откинул капюшон, ничего прекрасного в его лице не обнаружилось. Лошадиная морда с выпуклыми водянистыми глазками, обрамленная рыжими бакенбардами. Мужчина оскалил длинные, ярко-оранжевые зубы — или они казались такими при странном свете — и заглянул мне в глаза.

«Идите домой, дорогая! — произнес голос у меня в голове. — Я не воюю с женщинами. Только... ха-ха!.. побеждаю их в постели. Идите с миром!»

Я замычала, указывая на Леночку, и попыталась мысленно объяснить, что хочу забрать ее с собой. Не знаю, что именно бакенбарды выудили из моих спутанных мыслей, но через

время в голове снова раздался голос.

«Ах, они еще и похищают детей! Не беспокойтесь, дорогая, я их за это строго накажу. Они ответят за все свои преступления. А теперь забирайте девочку и идите. Не мешайте нам работать».

Я закивала, кинулась к Леночке, не обращая внимания на хрустящее под подошвами стекло. Схватила ее за руку и поволокла к пролому в заборе, выводящему на улицу. Краем глаза я заметила, что черные накидки подхватывают оцепеневших бандитов и заносят их в тоннель, открывшийся в противоположной секции забора. В следующее мгновение мне почудилось, что в чаше фонтана вновь воздвигся Полишинель с бочкой и масками. Зажурчала вода. Ослепительно блеснули глыбы белого и зеленого стекла. Я зажмурилась, а когда решила открыть глаза, вокруг вновь царил темнота. Дождь хлынул с утроенной силой, словно возмещая минутную передышку. Со стороны улицы донесся собачий лай.

— Барон! — радостно выкрикнула я. — Макс! Барон! Мы здесь, с нами все в порядке!

Лай стал громче. Я тряхнула головой — нет, это не Барон. Но голос знакомый. Кто-то из соседских собак? Или...

Додумать мысль о патрульных я не успела. В живот больно ударили мохнатые лапы, раздался восторженный визг.

— Найда! — воскликнула я. — Девочка моя! Как ты здесь оказалась?

— Что здесь происходит? — требовательно спросил мужчина. — Юрий, да заведи же ты Найду! Полиция! Что здесь такое, я вас спрашиваю?

— Здравствуйте! — завопила я, отряхиваясь и разбрызгивая капли во все стороны. — Как я рада вас видеть! Вы меня помните? В нас с мужем Гарри Поттеры камнями швырялись, когда он с другом напился!

По моему лицу скользнул луч фонарика.

— Гражданочка! Вы, что ли? — ворчливо признал полицейский. — Что тут такое? НЛО прилетало? Шар такой странный висел...

Я сообразила, что правду говорить нельзя. Ткнула Леночку в бок и затараторила:

— Сама не знаю, что это было! Мы с племянницей повели гулять собаку — он у меня прокисшего кефира напился, теперь животом мается. Пришлось по дождю тащиться, а тут свет, шум, пес завыл, куда-то побежал, мы его ищем-ищем... Вы его не видели? Колли, рыже-белый.

— Нет, — отрицательно мотнул головой второй полицейский, подобравший поводок Найды. — Мы мимо со смены ехали, вдруг Найда как завоет, и давай биться. Наружу просится. Чуть машину не перевернула. Мы смотрим — шар висит. Она туда, ну, и мы следом. Глянуть, в чем дело.

За забором раздался громкий хруст. Найда оглушительно рывкнула. Мы с Леночкой метнулись за спины полицейских.

— Поехали отсюда! — скомандовал сержант. — Юра, Найду держи! Пойдемте, гражданочка. Найдется ваш пес, никуда не денется. Может, уже дома под дверями сидит, вас ждет.

— За забор он точно не пошел бы, — проговорил Юрий, тащивший упирающуюся Найду. — Там стекла по ноздри.

— Да-да! — согласилась я и повела Леночку на освещенный фонарями тротуар. — Он у меня умница. И Найда тоже умница. Мы сейчас прямо домой. Вы правы, наверное, Барон нас там ждет.

Не сговариваясь, мы с полицией отступали, пятась и не теряя забор из виду. Дождь стих, оставив в воздухе мелкую морось, оседавшую на лице. Найда рычала. Юрий намотал поводок на руку и монотонно повторял: «Рядом, Найда, рядом!».

«Попросить их отвезти нас домой? — задумалась я. — Или не надо? Тут напрямую бежать три квартала, а в объезд по односторонним улицам все восемь будет. Неизвестно с кем по пути встретимся, если круг давать».

— Что за?.. — выругался сержант.

Я почувствовала жжение в плече под курткой. Там, где была приколота Феликсова булавка. Между нами и полицейской машиной, стоявшей на перекрестке, возникли два балахона и патрульный пес.

— Мужики, вы что, нюх потеряли? — спросил сержант.

Балахоны молча и слаженно шагнули вперед.

— Баб прикрой и вызывай подкрепление, — велел Юрию сержант. — Из дурдома сбежали, что ли? Стой, стрелять буду!

Леночка взвизгнула и прижалась ко мне. Я обхватила ее за плечи, трусливо отворачиваясь от горящих красных глаз патрульного. Юрий бросил поводок. Найда обрела свободу, обогнула балахоны и прыгнула на пса, намереваясь вцепиться ему в глотку. Сержант выстрелил в воздух. Балахоны остановились. Найда с патрульным прокатились по асфальту, вскочили на лапы и закружились, грозно рыча и отыскивая слабое место в обороне противника.

— Еще трое справа, со стройки вышли! — заорал напарнику Юрий, отрываясь от рации.

Ключица болела, словно кто-то сунул мне под куртку раскаленное железо. Я посмотрела по сторонам, увидела сначала выходящую со стройки троицу, взглянула налево и крикнула:

— Трое от фонтана идут! Они нас окружают! Ой! Барон! Барон, фас!

Барон, показавшийся из-за полицейской машины, свалил на асфальт патрульного пса. Найда лязгнула зубами, и над улицей пронесся душераздирающий визг. Балахоны сунули руки за пазухи и достали два слабо светящихся шара. Сержант с Юрием выстрелили, но не причинили подручным патрульных никакого вреда.

— Что же это? — стуча зубами, простонала я. — Как же это?.. Как так можно? Прямо в центре города, посреди улицы... Они же нас сейчас убьют! Помогите! Помогите кто-нибудь!

Барон с Найдой бросили поверженного патрульного и встали возле нас, лая на приближающиеся балахоны.

— Помогите! Пожар! — отчаянно завопила я и вдруг отчетливо почувствовала запах дыма и гари.

— Блин! — рыкнул сержант. — Точно — пожар!

За забором у фонтана, с каждой секундой набирая силу, ревели пламя. Огненные языки жадно пожирали ветви голубых елей, к дыму прибавилась вонь горячей смолы. Патрульные и балахоны ненадолго замерли. Короткое перегавкивание, и они двинулись к забору, перестав обращать на нас внимание. Барон с Найдой переглянулись и загородили им дорогу.

Забор с треском рухнул — сначала одна, затем другая секции. Перед нашими глазами предстало огненное кольцо, облизывающее чашу фонтана, внутри которой копошились две темные фигуры.

— Это дядя Макс! — пискнула мне в ухо Леночка.

— Заткнись! — прошипела я, надеясь, что полиция не услышит нас за шумом, и

поправила съехавшие очки.

Зоркая полковничья дочь оказалась права. В чаше действительно стояли дядя Макс с дядей Феликсом. Они водрузили мышеловку в центре фонтана и о чем-то переговаривались, оживленно жестикулируя.

Барон с Найдой вступили в неравный бой с патрульными. Шестеро громадных псов теснили их к пожару, заставив вступить на усеянный осколками стекла газон. Барон, поранивший лапу, жалобно вскрикнул, Найда завывала. Максимилиан оторвался от мышеловки, легко вспрыгнул на бортик фонтана и застыл, скрестив руки на груди.

Ноги стали ватными. Я опустила в лужу, не выпуская из объятий Леночку. Рядом плюхнулись сержант с Юрием и заморожено уставились Максимилиану в лицо. Стих собачий лай и драка. Примолкло пламя, не забывая, впрочем, пожирать кустарник и черные от копоти ели.

Мышеловка выбросила вверх острый луч света, похожий на гигантский кинжал. Раскалившись добела, он дрогнул и на миг исчез. А затем возник, удерживая на острие знакомый мне серебряный обруч. От украшавшего его камня шло мягкое голубое сияние, легко затмившее языки пожара и желтизну фонарей.

Я подставила лицо сиянию и окунулась в безбрежный океан покоя. Исчезли страх, усталость, боль. Их смысл шорох волн, облизывавших песочный пляж, тихий напев флейты, трепет ветвей оливы, сквозь которые пробивается полуденное солнце. Раздался чей-то смех, мимо пролетел белый волан — это дети играют в бадминтон. Наверное, я заснула на пляже. Сейчас прибежит соседский Митька, крикнет: «Тетя Маша! Тебя баба Галя зовет, обед готов!»

— Тетя Маша! Тетя Маша!

— Иду, не визжи! — скривилась я и открыла глаза.

— Гляньте, дядя Феликс раздевается!

— О! — я еще раз поправила очки. — И правда, раздевается!

— Чего это он? — не унималась Леночка. — Холодно же!

— Не мешай смотреть!

— А дядя Макс так и стоит! Ой, кто это?

Асфальт содрогнулся. По тротуару брело огромное бурое существо. Оно было жидким и тяжелым одновременно — как грязь, налитая в воздушный шарик. Ножищи оставляли цепь глинистых следов, каждый размером с журнальный столик. Голова беспокойно моталась и задевала балконы третьих этажей.

— Кто это? — повторила Леночка и дернула меня за рукав.

— Голем, — машинально ответила я.

— Что теперь делать?

— Макс говорил — валить надо.

— Так ноги не идут! — жалобно сказала девочка.

Ноги действительно не желали шевелиться. Да и руки тоже. Полицейские сидели в луже, привалившись друг к другу, с отсутствующим выражением лиц. Ждать от них помощи было бессмысленно. Макс по-прежнему изображал статую на бортике фонтана. Барон с Найдой молча стояли напротив патрульных псов. Феликс стянул с себя джинсы, отшвырнул их в сторону, коснулся мышеловки.

Обруч мягко соскользнул в его подставленные руки. Патрульные разочарованно взвыли, голем перешел на рысь. Феликс повел плечами. Кожа на спине лопнула, и из трещин

стремительно выросли и развернулись два перепончатых крыла.

— Тетя Маша! Смотрите, у него и хвост тоже есть!

Рядом опустилась тяжелая нога голема. Нас окатило волной жидкой глины и убедиться, что у дяди Феликса вырос хвост, мне не удалось — очки залепило грязью. Пока я поднимала непослушную руку, пока снимала очки, все успело закончиться. Бурая громадина достигла фонтана, взмахнула ручищами, и исчезла. Вместе с Максом, мышеловкой, Феликсом и патрульными псами. Грязнющий Барон подбежал, обнюхал нас с Леночкой, ворочающуюся в луже глины полицию. Торжествуя гавкнул и поскреб в сторону фонтана задними лапами, словно забрасывая землей невидимого врага. Закопал голубчиков.

— Гражданочка! Что это было? — простонал сержант.

— Похоже, грязевое торнадо, — соврала я. — Или смерч. Не знаю, я не метеоролог.

— Вроде наркоманы с собаками поперли, а потом...

— А потом — бах! — подхватила сообразительная Леночка. — Налетело торнадо и всех разогнало. Гляньте, нас с тетей Машей тоже забрызгало!

— Ни хрена себе «забрызгало»! — пробурчал сержант, вставая на ноги. — Уделались все, как свиньи!

— Найда! — всполошился Юрий. — Где Найда? Найда, ко мне!

Мы с Леночкой переглянулись и подключились к крикам и поиску. Через полчаса бесполезных воплей и беготни стало ясно, что овчарка пропала. Разозленные полицейские отконвоировали домой нас с Леночкой и Барона, записали мою фамилию, адрес и телефон и велели ждать, пока меня вызовут.

— А по какому вопросу? — заикнулась я. Сумка с ампулами внезапно повисла на плече, словно набитая кирпичами.

— По делу о пропаже служебной собаки, — сурово ответил сержант и, прощаясь, приложил руку к козырьку перепачканной фуражки.

Я на цыпочках прошла через двор, придержала дверь подъезда, чтобы та не грохнула, завела Леночку в свою комнату и плотно прикрыла дверь.

— Снимай грязное и иди в душ. Вот халат, полотенце, теплые носки. Только... Тихо иди, чтобы тебя никто не заметил.

— Можно я Барона с собой в душ возьму? У вас есть шампунь для собак?

— Колли не купают, — вздохнула я. — Сейчас высохнет, я его вычешу, а потом мукой почищу.

— Вы не шутите?

— Какие шутки!

Леночка оценила выражение моего лица и тихо исчезла. Я поставила чайник на плиту. Сейчас выпьем чаю с малиновым вареньем моей бабушки. Вернейшее средство от простуды. Я-то ладно, а Леночка перед санаторием заболеет? Заварка с шорохом высыпалась в чайник. Руки помяли пачку и сами потянулись к связке ключей.

В маминой комнате было пусто. Ни намека на проживавших рогатых квартирантов, если не считать нового одеяла и нераспечатанного комплекта постельного белья. Шнуры, гвозди, доски и прочие составляющие мышеловки и каюка исчезли. Как и сами каюк с мышеловкой. Только чучело Розочки ехидно поблескивало со шкафа стеклянными зелеными глазами.

Я спрятала в шкаф ампулы и доллары, заперла дверь и заварила чай. Барон терпеливо сидел возле двери, время от времени встряхиваясь. Где же эта тряпка, которой я вытираю

ему лапы после прогулок по дождю? Под руку попало грязное махровое полотенце. Я плюнула на понятие личной гигиены — все равно потом стирать, наскоро обтерла собаку и подтолкнула к подстилке в углу.

— Место, Барон, место!

Из душа подросла полковничья дочь, подметая пол слишком длинным махровым халатом. Я сунула ей хлеб и колбасу — остатки трапезы Максимилиана с Феликсом, и велела сделать бутерброды, пока я буду купаться.

Нежась под струями теплой воды, я размышляла, как бы поделикатнее объяснить Леночке, что о сегодняшних событиях лучше никому не рассказывать. Оказалось, маялась я зря. Стоило заговорить о нежелательности разглашения этого... гм-гм... неприятного во всех отношениях случая, как Леночка отложила бутерброд.

— Тетя Маша! — укоризненно сказала она. — Вы что — с дуба упали? Я никому об этом рассказывать не собираюсь! Вы себе даже представить не можете, что будет, если папашка об этом пронюхает и матери донесет! Капец котенку! Она и так бесконечно цепляется — а ты клей в подвале не нюхаешь, травку не подкуриваешь? Если я ей такую историю выложу, она сразу решит, что я уже на героин подсела. Бандиты, наркотики, чудовища, дядя Макс с рогами, дядя Феликс с крыльями...

— Да... — промямлила я. — С крыльями... Кстати, ты говорила у него и хвост успел вырасти? А то я не разглядела.

— Успел, — кивнула Леночка. — Хвост вырос, потом он этот обруч блестящий — цап! — и улетел в дырку. В такую же, как те прищельцы бандюганов уволокли.

— Улетел?

— Взмахнул крыльями и улетел! — подтвердила Леночка. — Да шустро так: фр-р-р! И нету его!

«Ай да папин сиротка Феликс! — подивилась я. — Вот оно как! Мы по ночам и крылья выращиваем и летаем шустренько. Вот, значит, на что Макс все время намекал. Интересно, это по обоюдной договоренности произошло — в смысле, побег с венцом? Или Феликс воспользовался нетрадиционными возможностями и смылся с места происшествия, прихватив добычу? Ой, да какая мне, в общем-то, разница?»

Леночкина понятливость сняла камень с моей души. Мы быстро и деловито обсудили железнодорожное расписание. Я знала о скором поезде до побережья, остановившемся на нашем вокзале в половине четвертого утра. Мы решили, что он Леночке вполне подходит — чем быстрее она покинет город, тем больше шансов на спокойную жизнь.

Оставшегося времени хватило на быструю стирку Леночкиных вещей и повторное чаепитие. Мокрые вещи я уложила в два полиэтиленовых пакета. Позевывая, мы выпили чай и вызвали такси к воротам.

Мрачные улицы, пронесившиеся за окном машины, вызывали гнетущую тоску. Мне все время казалось, что из темноты вынырнет оскаленная собачья морда. Капли с крыш навевали воспоминания о големе и бандитах.

На вокзале, шумном, многолюдном и охраняемом бдительной полицией, мне немного полегчало. Я купила Леночке билет. Подумала и сунула ей сто долларов.

— Тетя Маша! Да вы что?!

— Ты ж отдыхать едешь? — пожала плечами я. — А без денег отдыхать плохо. Считай это подарком от дяди Макса.

Леночка взяла купюру. Спрятала ее во внутренний карман курточки и, помявшись,

спросила:

— Слушайте, тетя Маша... А кто они такие вообще — дядя Макс с Феликсом?

— Не знаю, — вздохнула я. — Клянусь здоровьем Барона, не знаю! Просто... они попросились у меня пожить, я их пустила, а потом закрутилась вся эта свистопляска.

— Рисковая вы тетка! — восхищенно посмотрела на меня полковничья дочь. — Моя мамуля ни за что бы...

— Это вышло случайно!

— Все равно!

— Лена, поезд!

— А те, возле фонтана? Которые бандитов утащили?

— Да я их сама первый раз в жизни увидела! — усмехнулась я. — Для меня они такая же загадка. Сначала я думала, что их Макс послал...

— А теперь?

— Теперь думаю, что это какая-то ошибка вышла. Сдается мне, тот мужик наших бандитов случайно украл. Перепутал с кем-то.

— С дядей Максом и хвостатым Феликсом?

Я пожала плечами и затолкала Леночку в вагон.

Возвращаясь домой, я опять таращилась в окно машины. Город утопал во тьме, словно с минуту на минуту ожидался налет вражеских бомбардировщиков. На нашей улице фонари горели через четыре на пятый. Ярко освещено было только здание ВЧК — КГБ — ФСБ. Те ли считалось, что в темноте к конторе может подкрасться слишком много шпионов, то ли городские власти боялись экономить на освещении этого квартала.

На перекрестке таксист притормозил, пропуская одинокого прохожего. Я взгляделась в фигуру. Вздогнула и высунулась в окно:

— Товарищ полицейский! Юрий!

Таксист, услышав слово «полицейский», остановился.

— А, это вы, гражданочка... А я Найду ищу. Два раза уже в питомник звонил, она так и не вернулась.

Я сунула таксисту купюру и вышла из машины. Юрий выглядел унылым, и мне захотелось перед ним извиниться. Мы побродили по округе, бесплодно взывая в пустоту, причем мой страх куда-то исчез, хоть я и знала, что защитой Юрий служить не может.

— Идея! — сообразила я. — Давайте сходим домой за Бароном? Он, конечно, не служебно-розыскная собака, но следы-то унюхает.

Юрий согласился. Барона мы будили вдвоем. Он прикидывался дохлым, ехидно усмехался и не желал идти на улицу. Когда я разозлилась и вытолкала его в коридор пинками, нас встретил вопрошающий взор Лизы.

— Это еще один твой брат, Маша? — ехидно прошипела она.

— Нет! — громко отчеканила я. — Это полицейский Юрий. Барона мобилизовали на службу во внутренние войска!

Услышав такое заявление, Лиза с грохотом захлопнула дверь. Я гордо вытащила сопротивляющегося Барона во двор. Доволокла до злополучного перекрестка и велела:

— Ищи Найду! Живо!

Барон пошлепал к фонтану. Остановился на границе асфальта и осколков. Мотнул головой и заулыбался.

— Что он имеет в виду? — нахмурился Юрий. — Не могла же она пропасть на ровном

месте!

Я вспомнила о големе, не сохранившемся в памяти Юрия и прикусила губу. Могла, еще как могла! Захватили бедную собаку патрульные за то, что за Макса заступалась. Теперь в свою собачью тюрьму закатают! Небошь, до конца дней сидеть бедолаге — недолог собачий век.

Барон усмехнулся еще шире и потянул меня к дому. Я, мол, все сказал. Что тебе еще надо?

— Пойдемте, я вас провожу! — предложил Юрий, тронув меня за локоть. — Бесплезно это все. Или сама вернется, или... Кстати, Маша, я так понимаю, вы не замужем?

Я окинула его оценивающим взглядом. А что, симпатичный парень! И собак любит. Надо же, как жизнь завертелась — то ни одного мужика, а то три пачки! Правда, кто-то мне говорил, что полицейские мало зарабатывают. Но я-то теперь девушка с приданым! Семнадцать штук баксов накопила. И мне защита требуется, чтоб деньги не украли. Да и мало ли... Вдруг бандиты за своими ампулами вернутся? Выкинет их длиннозубый к фонтану за ненадобностью, а они ко мне прямым ходом.

— Как вы догадались? — изобразила дуру я.

— Я же полицейский! — расправил плечи он.

Я попрочнее вцепилась в его локоть и проворковала:

— Расскажите мне о вашей трудной и опасной службе!

Эпилог

Заместитель прокурора поморщился, глядя на уродливую бурую морду болотника. До чего тупыми бывают иные подчиненные! Одно достоинство — никаким иллюзиям не поддаются. И то наверняка от того, что слишком тупые!

— Я вам повторяю! — повысил голос он. — Произведено дополнительное расследование. Вскрылись новые факты. Принято решение закрыть дело в связи с невиновностью лорда Максимилиана.

— Он виновен, — проскрипел в ответ тупица. — Я допрашивал его через час после задержания. Он не отрицал того, что находился в закрытом мире и воздействовал на жителей незаконными методами. Есть показания патрульного Каймана, что он видел лорда в этом же мире за три дня до задержания! Есть...

— Патрульный Кайман изменил свои показания, — скрипнул зубами заместитель прокурора. — Между прочим, ему, как и прочим причастным к этой истории, придется нести ответственность за транспортировку голема в закрытый мир! Это же надо было додуматься — натравить голема на одного из самых известных и высокооплачиваемых убеждающих! Счастье, что он лорду Максимилиану только ребра сломал! А если бы шею, как они обычно делают?

— Тем не менее, по закону...

— Вы меня законам не учите! Поедете к лорду Максимилиану, снимете с него повторные показания в присутствии врачей. Повторяю! В присутствии врачебного консилиума! Три врача там должно быть, три, понимаете? Привезете эти показания мне и... в отпуск идите, что ли.

— А розыск лорда Феликса? — не унимался болотник.

— У лорда Феликса сейчас брачный сезон! Про... гм-гм... прогуляется, вернется и сам, как сознательный гражданин, даст показания — был он на месте происшествия, или его с кем-то спутали. Хотите — идите в Прорву на свой страх и риск и там его разыскивайте.

Только государство пенсию вашей семье платить не будет! Ясно?

Болотник молча кивнул.

— Тогда выполняйте!

Болотник взял лежавшую на столе папку, поправил форменную черно-белую набедренную повязку и удалился из кабинета. Заместитель прокурора проводил его злобным взглядом.

«Вот так всегда! — горько подумал он. — Деньги — прокурору, а разговоры с идиотами — мне!»

Болотник покинул здание прокуратуры и уселся в служебную машину. Неразборчиво пробурчал шоферу ненавистный ему адрес и откинулся на сиденье. Нельзя сказать, что его плохо принимали в доме лорда. Нет, слуги оказывали ему подобающее уважение, как представителю прокуратуры, но...

Обычно болотник не чувствовал никаких комплексов, находясь рядом с одетыми людьми. Представители его расы покрыты жесткой чешуей и прекрасно обходятся без тряпок, в которые надо заматывать тело. А лапы с когтями все равно невозможно запихнуть в обувь. Рвется обувь. Моментально.

Но лорд всегда окидывал его таким проникновенно-сочувствующим взглядом, что чешуя топорщилась. Ласково спрашивал, не надо ли принести какую-нибудь накидку — ветер на террасе, ветер... И представителю прокуратуры становилось как-то неловко сидеть в кресле в набедренной повязке.

Допросы на дому проводились в связи с травмой лорда. Голем действительно сломал ему только ребра. Но причиной этого были не счастье и редкостное везение — с големом такие вещи не проходят. Обратившийся в свою вторую форму лорд Феликс ослепил его, вырвав глаза. Воистину, возможности исчадий Прорвы безграничны! Ослепить голема... Бр-р-р...

Болотник поднялся по ступеням и устался на пустые кресла на террасе. Возле кресел мгновенно материализовался один из слуг и провел его в спальню лорда. В воздухе витал запах сердечных капель. Прикроватный столик был уставлен рядами пузырьков и флакончиков. Сам лорд возлежал на кровати в халате, удерживая компресс на лбу. Вокруг него суетились два врача — толстенький человек и миниатюрный богомол. Третий врач — крепкий бородатый человек — стоял у открытого окна и с интересом следил за их действиями.

Болотник сухо представился, положил папку на приготовленный для него столик и начал вести протокол допроса.

— Я, представитель королевского прокурора... — монотонно бубнил он. — С позволения и согласия... в присутствии представителей врачебного консилиума... Ваши имена, господа?

— Артур Корнеплод, терапевт, — с достоинством представился толстячок. — Семейный врач, к вашему сведению.

— Свист Цокот, психоаналитик, — прошелестел богомол.

— Ваше имя? — повысил голос болотник, обращаясь к стоящему у окна здоровяку.

Тот отчеканил:

— Питер Грабовский, патологоанатом! К вашим услугам!

«Не врет, — понял болотник, мгновенно отличавший правду ото лжи. — Но зачем им патологоанатом понадобился?»

— А вы, собственно... — пробормотал он.

— Что вас не устраивает? — взвился толстяк, роняя какой-то пузырек на голову лорду Максимилиану. — Трое врачей? Трое! Пишите протокол!

Лорд убрал пузырек с подушки, выглянул из-под компресса и слабым голосом сообщил:

— Питер — мой бывший одноклассник. Я ему очень доверяю!

«Чем же он богомола подкупил? — призадумался болотник, до которого дошла расстановка сил. — Небось, тоже какой-нибудь товарищ по детским играм...»

Прерываясь на охи, вздохи и причитания семейного врача, болотник начал слушать новые показания лорда. Были они скудными и насквозь лживыми. Выходило, что после того, как леди Джилла сообщила ему о разрыве отношений, он потерял дар речи, память и ориентацию в пространстве. И не представляет, где он был до сегодняшнего утра. Только сегодня, придя в себя в спальне в окружении врачей, он узнал, в чем его обвиняют, и поспешил...

— Позвольте! — завопил возмущенный болотник. — Мы с вами беседовали восемь раз, и все это время вы рассказывали мне совсем другое!

— А ну не шуми у постели больного! — цыкнул здоровенный Питер. — Ему покой нужен! Еще раз голос повысишь, я тебя по стене размажу.

«Третье предложение — чистая правда!» — понял болотник и притих.

— Прежние показания лорда Максимилиана — следствие амнезии и шока, вызванного беспричинным нападением голема, — пояснил болотнику психоаналитик-богомол. — Будучи дезориентированным в пространстве и времени, он не смог противиться произволу властей и беспочвенным обвинениям. Милорд, повторите еще раз, как все обстояло на самом деле.

Лорд Максимилиан снова завел песню об уязвленном сердце и нервном потрясении. Скрипя зубами, болотник принялся записывать всю эту бредятину, причем семейный врач все время заглядывал в протокол и заставлял его правильно выводить медицинские термины типа «амнезия» и «речевой паралич». Лорд Максимилиан время от времени выглядывал из-под компресса и хитро посматривал в их сторону.

Промучившись около получаса — сами показания заняли чуть больше страницы, болотник утер вспотевший нос. Врачи торжественно расписались под протоколом. Питер помог лорду Максимилиану приподняться, вложил в пальцы ручку и дождался, пока тот выведет свой размашистый росчерк. Затем отдал болотнику папку и вручил свою визитную карточку.

— Это еще зачем? — удивился тот.

— Вдруг вам врач понадобится! — проникновенно улыбнулся патологоанатом. — Я беру недорого.

Испытывая огромное желание принять ванну и смыть с себя пережитый позор, болотник захлопнул папку.

— Минуточку! — восторженно сидевший в уголке Свист Цокот. — Возьмите врачебное заключение. Вы должны передать его своему начальству.

Он протянул болотнику лист бумаги. Тот мельком пробежал строчки и нахмурился.

— Что значит — просим содействовать созданию условий для возвращения памяти? Что?! Вы хотите, чтобы прокурор помогал ему... — Взбешенный болотник ткнул в лорда пальцем. — Помогал ему получить доступ в тот закрытый мир? Для того чтобы к нему там память вернулась?

— Я тебе уже сказал... — шагнул вперед Питер.

Но сделать что-либо он не успел. Дубовые двери спальни потряс удар. Створки распахнулись. В комнату влетела знакомая болотнику мохнатая псина, неизменно присутствовавшая на всех прежних допросах — прилипла к лорду в закрытом мире, патрульные отогнать не смогли! Залилась бешеным лаем и кинулась на него, пытаясь ударить лапами в живот. Вот уж кого тут не хватало, так это сучки с отвратительным характером!

— Уберите ее! — взвыл болотник, закрываясь папкой. — Отзовите ее, милорд! Это нападение на работника прокуратуры!

— Найда! — радостно заорал больной, отбрасывая компресс. — Девочка моя! Прогулялась? Иди сюда! Иди моя хорошая, брось его. Сейчас завтракать пойдем! Будешь печенку кушать? Будешь?

Наглая тварь сменила тональность лая, встряхнулась. Загремел серебряный ошейник, украшенный драгоценными камнями. Лорд расхохотался и поманил ее к себе. Собака вспрыгнула на кровать, безжалостно царапая когтями шелковое покрывало с вышивкой. Болотник утер вновь вспотевший нос и постарался выровнять дыхание. Ведь прекрасно знает же лорд, что у его расы врожденная боязнь простых собак!

— Медицинское заключение не забудьте! — напомнил болотнику богомол. — Передадите начальству.

Болотник кивнул и, пятясь, пошел к двери. Прощаться с ним никто и не подумал. Лорд Максимилиан тискал мохнатую тварь, а врачебный консилиум дружно умилялся.

Покидая негостеприимный дом, болотник задумался: «На что рассчитывает лорд Максимилиан, передавая прокурору эту липовую бумажку? Хоть сколько денег плати, разрешение посещать закрытый мир никто не даст. Все равно его должны тщательно изучить десятки научных экспедиций!». И тут болотник вспомнил, что в состав таких экспедиций непременно входит убеждающий. Для разрешения возможных конфликтов с местным населением.

Больше книг на сайте - Knigoed.net